

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2019

Том 19
Выпуск 4

Александр Подопригора
Искушение демиурга.
Гностические модели и парадигма
искусственного интеллекта

Алексей Яркеев
Проблема прав человека
в контексте
национального государства:
биополитический аспект

Аделя Кавеева,
Людмила Сабурова,
Юлия Эстрина
Ускользящее доверие
в цифровых коммуникациях:
что связывает пользователей
в виртуальных сообществах?

Кинга Нендза-Щикониовска
Советский городской
эксперимент –
между проектом модерности
и утопическим сознанием

Ali Ahmed
Right wing ascendance in India
and politicisation
of India's military

Александр Марей
Закон, обычай и обыкновение
в представлении
Альфонсо Х Мудрого.

Виктор Руденко
Популистский концепт
защиты прав человека
в условиях кризиса
согласительных
политических систем

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 19

Выпуск 4

Екатеринбург – 2019

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, врио директора Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 19

Issue 4

Ekaterinburg 2019

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** – Ural Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index in the United catalog "Press of Russia". Vol. 1. "Newspapers and Journals" 43669.

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.
(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)
Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620137.
Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru
Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Подопригора М.А.* Испытание демиурга. Гностические модели и парадигма искусственного интеллекта7
- Яркеев А.В.* Проблема прав человека в контексте национального государства: биополитический аспект.....31

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Кавеева А.Д., Сабурова Л.А., Эстрина Ю.Ю.* Ускользящее доверие в цифровых коммуникациях: что связывает пользователей в виртуальных сообществах?.....45
- Нендза-Щикониовска К.* Советский городской эксперимент – между проектом модерности и утопическим сознанием66
- Ahmed A.* Right wing ascendance in India and politicisation of India’s military88

ПРАВО

- Марей А.В.* Закон, обычай и обыкновение в представлении Альфонсо X Мудрого 107
- Титулы «О законах» и «Об обычаях» из Первой Партиды:**
перевод со старокастильского и комментарий А.В. Марей 118
- Руденко В.Н.* Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем..... 138

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- A. Podoprigora.** Temptation of demiurge. Gnostic models
and paradigm of artificial intelligence.....7
- A. Yarkeev.** Issue of human rights in the context of national state:
Biopolitical aspect31

POLITICAL SCIENCE

- A. Kaveeva, L. Saburova, J. Estrina.** Elusive trust
in digital communications: what connects users
in online communities?.....45
- K. Nędza-Sikoniowska.** Soviet urban experiment –
between the project of modernity and utopian consciousness.....66
- A. Ahmed.** Right wing ascendance in India and politicisation
of India’s military88

LAW

- A. Marey.** Law, Custom and Usage in juridical conception
of Alphonse X the Wise107
- The chapters on the laws and customs (Part.I.1-2):**
a commented translation into Russian by A. Marey118
- V. Rudenko.** Populist concept for protecting human rights
in the crisis of conciliatory political systems138

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Подопригора А.В. Искушение демиурга. Гностические модели и парадигма искусственного интеллекта. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00006 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 7–30.

УДК 1(116)

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00006

ИСКУШЕНИЕ ДЕМИУРГА. ГНОСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПАРАДИГМА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Александр Васильевич Подопригора

кандидат политических наук

старший научный сотрудник

Научно-образовательного центра Института экономики

Уральского отделения Российской академии наук

и Челябинского государственного университета

г. Челябинск, Россия.

E-mail: agora821@gmail.com

AuthorID: 501343

*Статья поступила 10.07.2019, принята к печати 29.08.2019,
доступна online 13.01.2020*

Философский аспект проблемы создания «сильного» искусственного интеллекта как эмуляции инструментариумом цифровых технологий творческих возможностей человеческого сознания рассматривается в контексте когнитивных моделей миротворения, представленных в мифологии эллинистического гнозиса, во многом сформировавшего дискурсивную базу христианства в качестве мировоззренческой парадигмы индустриального, а затем – информационного общества. Общей повесткой здесь видится ключевая для творческой генерации новой реальности задача выявления и адаптации трансцендентных смыслов через интерпретацию человеческого

сознания как экзистенциальной модели творения и определения языка коммуникации с метапрограммой семантического континуума как драматического процесса самопознания и самоорганизации: формирование универсальных императивных максим (программ), трансформирующих семантические паттерны и архетипы бессознательного в символы и тексты, аксиологические установки, социокультурную и технологическую архитектуру.

В рамках междисциплинарного подхода обосновывается вывод о том, что возможность создания «сильного» искусственного интеллекта открывается в формате выявления изоморфной разумным системам информационной «матрицы» смыслообразования в синергии разработок философии, психологии, теории сознания, квантовой физики, компьютерной науки, когнитивистики и математики. Это предельно актуализированное определение возможности (и необходимости) обновить, выразить логически и заложить в уравнение машинной программы сложное понятие трансценденции, базовое для смыслообразования, самоорганизации и творчества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гностицизм, информация, смыслообразование, коммуникация, компьютерное моделирование, трансценденция, категорический императив, творчество, самопознание, цифровая реальность.

«Трудная проблема» искусственного интеллекта: подключение к смыслу. Дискурс искусственного интеллекта (далее – ИИ) маркирует фазовый переход в истории человечества, связанный с тем, что не только главным ресурсом развития, но и новой средой жизни становятся информация и интерактивная коммуникация в различных форматах цифровой реальности, а также новая самоорганизация социума посредством комплекса нано-, био- информационных и когнитивных (NBIC) технологий. Этот дискурс трансформирует в технологии машинных вычислений ментальные процессы выявления смыслов, переводя их в языки киберсемиозиса и предлагая программные решения как повестку творческой генерации человеком новой реальности¹.

Создание «сильного» (или «общего») ИИ, наряду с формированием гигантских массивов данных, цифровых социальных големов, мгновенных коммуникаций, киберкультуры и мира виртуальных переживаний, смыкающегося с реальностью повседневной жизни, предстает технологической моделью нового миротворения, в которой человек, примеряя на себя роль гностического демиурга, не только получает шанс, но и вынужден познавать себя в экстраординарном опыте конструирования разумных систем, которые пытается создавать по своему образу и подобию, испытывая все сопутствующие соблазны и риски, отмеченные ранее в сакральных текстах, мифотворчестве и экзегезе.

Если технологически (как отношения человека и вычислительной машины, автора и компьютерной программы) эта повестка сформирована лишь в последние полвека, то в мировоззренческом аспекте (как отношения творца и тварного мира) она родилась, пожалуй, вместе с самим че-

¹ «Сейчас мы перемещаемся из цифры как сервиса в полностью цифровой мир», – заметил в июне 2019 г. основатель «Лаборатории Касперского» (Касперский 2019).

ловечеством, а мифологически воплощена и логически осмыслена была в ходе глобальной интеллектуальной революции «осевого времени», а также в обширном эллинистическом религиозно-философском дискурсе первых веков нашей эры, самым заметным социальным результатом которого стало возникновение христианства. Можно сказать, что драматический дискурс творения имманентен культурной «программе» антропосистемы и в каждую большую эпоху (обычно олицетворяемую «революциями» – неолитической, городской, промышленной, информационной) переживает свое обновление, формируя следующий тип социокультурной реальности.

Мы исходим из того, что представление о своеобразной «квантовой» природе культурной среды как суперпозиции интеллигибельных состояний семантического континуума и дискретного синтаксиса, где сама культура оборачивается «совокупным антиэнтропийным механизмом» социума (Назаретян 2004: 153), является чрезвычайно плодотворным, поскольку позволяет выявить состояния познания и творчества как единый процесс перевода смыслов в пространстве семиозиса и генерации на этой основе социальной реальности. Человек не является автором программы миротворения, но может представить ее как текст, который постигает и интерпретирует на языках культуры и технологий, становясь соавтором перевода и моделируя на его основе собственное творение в социуме.

Ю. Лотман говорит именно об этом, когда отмечает, что «сама природа интеллектуального акта может быть описана в терминах перевода», оппозиции дискретности знаков и непрерывной «размытости» смыслов как взаимного напряжения взаимонепереводимых и одновременно проецируемых друг на друга «конвенционального» и «иконического» языков, порождающего смыслы (Лотман 2014: 8). Здесь «соотношения переводимого и непереводаемого настолько сложны, что создаются возможности прорыва в запредельное пространство. Данную функцию также выполняют моменты *взрыва*, которые могут создавать как бы окна в семиотическом пласте» (Лотман 2019: 38).

Вызов познания как напряженное переживание драматических взаимоотношений обратимых семантических паттернов и конечных феноменальных воплощений (обозначенное в трагедиях Эдипа, Прометея и Фауста), трансцендентальных уравнений и инсталлированных на их основе поведенческих программ (архетипы К. Юнга, априорное знание и императив И. Канта), Бога и человека, демиурга и мира служит источником знания и динамики социума: в пространстве тысячелетий здесь меняются знаки и техники интерпретаций, но не базовое содержание.

Поэтому мы имеем право считать творцов первобытных мифологий, а также Аристотеля, Платона, Декарта, Лейбница и других мыслителей («людей, которые пребыли посредством мысли» (Мамардашвили 2012: 12)) своими современниками в указанном смысле, а содержания и вызовы постиндустриальной эпохи осмысливать и определять, обращаясь к метафорам гностиков и формулам мыслителей Нового времени. Когда в эксперименте Дж. Максвелла «разумное существо» (или алгоритм), способное,

распоряжаясь информацией, снижать энтропию и генерировать энергию «из ничего», физики описывают как демона, это прямо отсылает нас к образу гностического демиурга, произвольно вмешивающегося в миротворение – то ли в соответствии с волей божественного Отца, то ли находясь в неведении о его существовании и искушаемого собственным всесилием. Применительно к нынешним технологиям создания цифровых сетей и существ, киборгов и виртуальных миров данная метафора выглядит еще более актуальной.

Развивая мысль Ю. Лотмана, можно сказать, что каждая эпоха переживает свой когнитивный «взрыв»; сейчас он представлен в повестке искусственного интеллекта, которая раскрывается как одновременно экзистенциальный и технологический сценарий нового творения. Повестка ИИ – такой же момент «взрыва» и распахнувшееся «окно» в мир семантики, какими были культы предков, философские системы «осевого времени» или конструкции модерна, давшие жизнь индустриальному и постиндустриальному обществам. Это – ключевая модель следующей фазы развития не только социума, но и антропосистемы в целом, к реализации которой общество сегодня вплотную подошло, но еще не вполне осмыслило.

Самая «трудная проблема» ИИ (обозначенная так по аналогии с «трудной проблемой сознания» и пересекающаяся с ней (Дубровский 2015: 66)), перед которой уже более полувека топчется процесс создания «сильного» ИИ – отсутствие более-менее ясного понимания того, чем, собственно, является «естественный» человеческий интеллект (шире – сознание), который мы намерены эмулировать в компьютерной программе. Другая сторона этой коллизии – проблема доступа машинного интеллекта к семантическим содержаниям в процессе генерации новой реальности.

Дж. Люгер замечает, что «вопрос смысла» «бьет по идее [искусственного] интеллекта как поиска в предварительно интерпретированных символических структурах», поскольку «понятие смысла в традиционном ИИ развито весьма слабо». Ссылаясь на работы Лакоффа и Джонсона, исследователь пишет, что «способность создавать, использовать, обменивать и интерпретировать осмысленные символы является следствием интеграции человека в изменяющуюся социальную среду... Современные средства и методы ИИ и впрямь далеки от способности кодировать и использовать эквивалентные по “смыслу” системы» (Люгер 2018: 785).

Все изыскания в области «сильного ИИ» не дали на сегодня ожидаемого результата именно потому, что столкнулись с не разрешимой технологическими средствами проблемой: наращивание вычислительных мощностей и использование искусственных нейронных сетей приближает, но не обеспечивает возможности адекватной интерпретации данных, необходимой для того, чтобы программа, построенная на алгоритмах, уподобилась человеческому сознанию, обрела способность к пониманию смыслов и самостоятельному творчеству. Здесь необходимо решение выглядящей амбивалентной задачи алгоритмической адаптации факторов и феноменов человеческого интеллекта, существующих вне вычислимых алгоритмов, та-

ких как чувства (квалиа), интуиции, символы, архетипы бессознательного, аксиологические конструкции, мифы и метафоры, представления о соблазнах и ошибках, свободе и личной ответственности в условиях неопределенности и постоянного поиска ответа на вызовы меняющейся среды. Человек легко, часто «по умолчанию», оперирует такими содержаниями, смыслами и контекстами в социальном мире, а машина просто не знает, что это такое. При этом «оцифровать» и «заложить» эти феномены в ее программу невозможно ввиду того, опять же, что они не являются полностью рационализируемыми, описанными и счетными.

«Если мы не знаем устройства некоторых глубинных структур нашего мышления (мы не до конца понимаем, как именно понимаем), то создание программного аналога нашего мышления усложняется принципиально... если мы сами не знаем, как устроена работа смысла, поскольку она дана в виде смутной интуиции, то и запрограммировать ее нельзя», – делает вывод Д. Гаспарян (Гаспарян 2017). Проблема искусственного интеллекта состоит в том, что «никакие синтаксические и математические средства не могут создать искусственный аналог семантического пространства», – подчеркивает этот момент С. Аблеев (Аблеев 2016).

Тем не менее, руководствуясь «смутной интуицией» и мало зная на рациональном уровне о работе механизмов собственного сознания, человек успешно решает проблему перевода смыслов при помощи многозначных символов, что прямо связано с сущностью его способа познания, выявленной еще в античности.

А. Веракса замечает, ссылаясь на Э. Гомбриха, что тезис об интуиции как высшей формы познания у Платона легко согласуется с доктриной открытия идеи при помощи визуальных символов, где «символ является репрезентацией нерепрезентируемого». «Символ фактически позволяет взаимодействовать с этим иным путем исследования “оболочки” самого символа. В этом случае ситуация неопределенности по отношению к иному частично снимается, поскольку появляется пространство интерпретации или ритуального действия» (Веракса 2016).

Дискурс ИИ обновляет прежние интерпретации символов и синтаксиса как «оболочек» нерепрезентируемых смыслов, а также содержания понятий *естественного* и *искусственного*. Уже К. Юнг подчеркивал, что в самом человеческом интеллекте нет ничего естественного (более того, рефлексия он называл «противоречащим ходу природных процессов духовным актом» (Юнг 2001: 145)), а потому нет и логических препятствий для того, чтобы представить семиотическую программу квантового компьютера, связывающую синтаксис и семантику и генерирующую символы и смыслы (рождая интуиции, эмоции, мораль и творчество) так же, как это делает человек, или по-иному, учитывая экспоненциальный характер роста вычислительной мощности компьютеров, которая сегодня все еще сильно уступает возможностям человеческого мозга.

По сути, мы имеем в дискурсе ИИ новую постановку вопроса об исчислении алгоритма знания и творчества и умножении через это энергетических и когнитивных мощностей социума как актуализацию задачи,

которую человек последовательно ставил и решал в ходе предшествующих социальных и технологических «революций», переходя в новую фазу развития антропосистемы. В их основе всегда лежало обновление «матрицы творения» – переосмысление и оправдание модели коммуникации человека с семантическим континуумом как санкция на новое социальное творчество.

Таких моделей история различных обществ знает множество (при их сущностном единстве), однако принципиально важным для объяснения онтологии и перспектив ИИ нам видится дискурс иудео-эллинистического (в том числе – раннехристианского) гнозиса, внутри которого, а также в непрерывной полемике с которым версии христианства, ставшей впоследствии ортодоксальной, сложилась, по нашему мнению, когнитивная матрица индустриального, а затем постиндустриального информационного социума, стоящего теперь перед вызовом ИИ.

В ее основе – драматичное и амбивалентное, но очень продуктивное представление о разумности и благодати *творения*, «запрограммированного» Богом Отцом, – и, одновременно, о наличии в этой программе «встроенного» изъяна, связанного с «неведением» твари и ее постоянным творческим искушением; этот изъян, формирующий «падший» материальный мир, следует преодолевать посредством самопознания (ибо человек – «подобие» Божье и модель творения) и иных практик гнозиса. На определенном этапе такая мировоззренческая парадигма не могла не привести к развитию рационального знания, а также социальных форматов, акцентирующих религиозную и личную свободу.

Важно, что дискурс ИИ обозначает не только возможность сотворения человеком нового (цифрового, виртуального) мира при помощи квантовых компьютеров и программ, но и вероятность того, что социальная реальность и сам человек как разумная система являются продуктом программирования гораздо более высокого уровня, открывающегося в человеческой культуре трансцендентальным. В самой этой идее не так уж много качественно нового: она лежит в основе всех религий, ее развивали в европейской интеллектуальной парадигме пифагорейцы, Платон и его последователи, а впервые вполне «компьютерным» языком выразил Г. Лейбниц в своей концепции «предустановленной гармонии», создав не только двоичное исчисление, но и первый в истории мысли «цифровой миф» о Палладе (Подопригора 2018: 20). Новизна ситуации заключается в том, что в повестке ИИ эта когнитивная конструкция впервые ставит на место демиурга самого человека и обозначает возможность «рукотворного» технологического воплощения. Отсюда наш интерес к генезису и содержанию этой древней модели, становящейся сегодня рабочим проектом.

Гностические модели и искусственный интеллект. Э. Пейджелс замечает, что если бы гностические тексты из Наг-Хаммади открыли тысячулетием раньше, они, скорее всего, были бы сожжены из-за еретического содержания. Однако рукописи оставались спрятанными до XX в., «когда наш собственный культурный опыт дал нам новый взгляд на проблемы, которые

они поднимали... Только сейчас мы начинаем рассматривать вопросы, с которыми они (гностики. – А.П.) сталкивались» (Пейджелс 2014: 229)¹.

Это действительно так. А. Ковельман максимально сближает платонический, гностический и современный цифровой дискурсы, когда указывает, что «виртуальная реальность Матрицы (образ из фильма братьев Вачовски. – А.П.) напоминает перевернутый с ног на голову умопостигаемый мир Платона, созданный Демиургом (Ремесленником) как образец для творения мира чувственного. Филон Александрийский называет Демиурга Архитектором (как в «Матрице»), а мидраш, восходящий к александрийской традиции, видит в Торе чертеж, с помощью которого был создан мир». При этом в «Матрице» Творец (Архитектор) сам является компьютерной программой, созданной ИИ, что заставляет вспомнить образ кибернетика Конкорана из рассказа С. Лема, в лаборатории которого – множество металлических ящиков, набитых электронными мозгами, каждый из которых представляется себе отдельным миром, а один из них – даже богом (Ковельман 2018: 79).

Мы можем убедиться в продуктивности таких «незакономерных сближений» (выражение Ю. Лотмана), дающих «толчки для возникновения новых смысловых связей и принципиально новых текстов» (Лотман 2014: 55). Они связывают в пересекающихся пластах культуры проблематику смыслов и интерпретаций, морали и технологий, мифических образов, рабочих чертежей и компьютерных алгоритмов, образуя вневременной континуум творческого осмысления мира и представляя сегодняшнего автора программы ИИ гностическим демиургом, а ИИ – зеркалом или моделью человеческого интеллекта (тогда как сам человек является в библейской традиции образом и подобием Бога, его отражением в зеркале тварного мира) (Лотман 2019: 105).

Таких «незакономерных сближений» в истории мысли немало, однако роль гностицизма представляется в этом контексте особенно важной.

Ключевая особенность гностицизма, вновь делающая этот способ осмысления мира актуальным, заключается, на наш взгляд, в том, что он акцентирует возможность доступа человека как личности к трансцендентному знанию (и лишь через это – к спасению) посредством самопознания, так как человек, находящийся в «неведении», есть «спящая» модель истинного Бога, а драма «падшего» человека – регистр Божественной драмы, развернувшейся в непостижимой Плероме. При этом Бог Отец резко противопоставляется творцу этого мира – демиургу (библейскому Яхве),

¹ Исторические причины острого интереса эллинизированных иудеев-гностиков к переосмыслению библейского сюжета сотворения мира сложно реконструировать; видимо, они связаны с кризисом ветхозаветного мироощущения «избранного народа» после череды трагических событий (вавилонские, греческие и римские завоевания, пленения и рассеяния иудеев, разрушения храмов) – в этом смысле религия Израиля эпохи царей и пророков уже была чревата «латентным гностицизмом», по выражению Я. Таубеса (Четверухин 2008: 49). Это был поиск неапокалиптической картины мира и перспектив человека в условиях катастрофического разрушения племенного сознания на перекрестии глобальных империй Древнего мира, их мифологий и философий, результатом чего явилась первая транснациональная религия первого варианта глобального мира – христианство.

востребующему не знание, а жертвы и поклонение, а также многочисленную службу жреческих иерархий (такой подход закладывает идейную базу Реформации, развернувшейся полтора тысячелетия спустя и ставшей генератором самосознания человека индустриального общества).

Очевидно, что мы имеем дело не просто с одной из ряда религиозно-философских концепций, а с устойчивой мировоззренческой парадигмой («самостоятельным типом мировоззрения», по Е. Афонасину (Школа Валентина 2017: 12)), ставящей во главу угла персонально достоверный опыт особого вида знания – гнозиса, что амбивалентно и вместе с тем органично утверждает наличие трансцендентного источника и предмета такого опыта, доступного человеку в силу его «родства» Богу (сущностного единства). Тем самым образуется мощная синергия мистического переживания, мифологического моделирования и рационального познания, сопряженная с ценностями личной свободы (ибо «мир» не властен над гностиком, несущим в себе «искру» Бога), позволившая именно христианской культуре (сохранившей «еретические» идеи гнозиса на протяжении всей своей истории – от Маркиона до масонов – как неортодоксальную, сокровенную сущность учения) сформировать информационную цивилизацию, ставшую теперь глобальной.

Исследуя гностические евангелия, Э. Пейджелс не случайно видит особенность гностицизма в «убеждении, что любой человек, исследующий человеческий опыт, одновременно обнаруживает божественную реальность» («корень Вселенной», по Ипполиту) (Пейджелс 2014: 208), а К. Юнг интерпретировал гностический миф не как философию, а как способ мышления, описание имманентных психологических процессов, моделирование происхождения человеческого сознания и неясных механизмов его творческих, управляющих отношений с физическим, материальным миром (Пейджелс 2014: 206), а также детерминированности психофизического мира человека со стороны архетипов коллективного бессознательного (которое В. Налимов сближает в своей теории исчисления смыслов с семантическим континуумом как управляющей метасистемой (Налимов 2011: 138)).

Гностики действительно глубоко психологичны в своих моделях миротворения. Их изначальное, непознаваемое и неназываемое Единое (превратившееся в «сияние божественной тьмы» у Ареопагита (Дионисий 2013: 398) и истекающие из него сизигии выявляются не только вне, но и внутри генерирующего их «наблюдателя» (здесь уместны аналогии с квантовой физикой), а агенты трансцендентального семантического пространства – эоны, демиурги и архонты – движимы мотивами, опознаваемыми как человеческие эмоции (страсть, страх, испуг, неведение, любовь и т.п.). Головокружительная игра гностической рефлексии и мифотворчества демонстрирует сложность духовных парадигм, открывающихся в драме миротворения скорее через эмоциональную образность сакрального нарратива, нежели через силлогизмы и вычисления.

Это делает гностический миф особенно ценным материалом для исследований в области методологии «сильного» ИИ, главная проблема которых заключается именно в трудностях машинного моделирования

сфер бессознательного и культуры как областей смыслопорождения, а также поиска универсальных неалгоритмических решений для разумной самообучающейся системы технологического типа¹. Именно потому, что человек информационной эпохи психологически близок к гностикам в изведении из собственной личности виртуальных миров и достоверном, предельно эмоциональном переживании сюжетов этой «дополненной реальности», мы можем интерпретировать гностические сюжеты миротворения метафорой повестки ИИ, распознавая в мифе описание этой повестки и находя «ключевые слова» для программных решений в области киберсемиозиса.

Вариаций «большого гностического мифа» существует множество, но суть их неизменна: развертывание изначально неизъяснимого творения через нарастающее множество разделений, сизигий и эманаций приводит на определенном этапе к катастрофическому отдалению от единого Бога Отца, и одновременно, неодолимому соблазну некоей божественной эманации (зона) представить себя *творцом* («познать Отца», который непознаваем), к испытанию миротворчеством без санкции Отца и без настоящего знания о Нем и о себе. Далее следуют реализация этого соблазна, попадание искр духа в плен грубой материи, трансформация Божественного творчества в демоническую демиургию. Муки духа на кресте тварного мира и его трудные попытки вырваться в Царство Отца, одновременно осветив и упорядочив мировой хаос знанием-гнозисом, составляют тайну искупления и воскресения, судьбу и задачу человека в материальном космосе.

«Евангелие Истины», часто приписываемое ключевому гностическому мыслителю Валентину, рисует мир как производное страстей двенадцатого зона Софии, которые – «испуг, и забвение, и творение лжи» (Четверухин 2008: 95). Дальнейший сюжет описывается в гностических текстах по-разному, но в главном почти все они едины. София – Премудрость, «надорвавшись» в непосильном творческом акте, производит некий «выкидыш». Ее божественная сущность возносится назад в Плерому, а оставшийся за Пределом порожденный ею «мировой эмбрион» (его называют также тварной Софией или Ахамот), весь состоящий из страха, неведения, тоски и низших духовных стихий, производит творца-демиурга (именно его гностики отождествляют с иудейским Яхве). Последний, не ведая о своем происхождении, мнит себя Всевышним и создает по образам, внушаемым ему матерью – Софией (хотя сам он этого не осознает – яркая метафора бессознательного и проявлений паттернов семантического континуума в человеческой психике через юнговские архетипы), весь материальный мир и самого человека.

В этой парадигме сотворение мира описывается именно как продукт испытания и неведения, страха и ошибки Софии, а затем – творца-

¹ «В компьютере и Интернете человек напоминает Демиурга, – замечает В. Розин. – На глазах творит, конструирует целые миры... В этом смысле Интернет во все не параллельная реальность, а порождающая – новый виртуальный и реальный мир. Собственно, так было всегда: новый семиозис создает и новые возможности, и, если повезет, новую социальную реальность» (Розин 2004: 18).

демиурга¹, а настоящее знание выявляется как исправление запрограммированного изъяна творения, ответственность за который берут на себя высшие духовные иерархии.

Ветхозаветный демиург (Архонт, Яхве) в гностической интерпретации часто называется «Самоуверенным» или «Надменным» (например, в «Послании Петра Филиппу» (Четверухин 2008: 265)). Ключевым здесь является послы о том, что, приступая к творению мира и человека, он находится в *неведении*: не знает себя, не знает того, что действует в рамках метапрограммы Единого (хотя в некоторых редакциях мифа подозревает это). Демиург не ведает о драме творения (результатом которой стало его появление), развернувшейся в высших слоях Плеромы, ошибочно («надменно») считая, что он и есть единственный Бог, по собственной воле, своему образу и подобию творящий мир. «Демиург думал, что он сам создал все это, но в действительности Ахамот направляла его. Так он создал небо, не зная, что есть небо, он слепил человека, не зная, что такое человек, сотворил землю, не понимая, что такое земля», – излагает доктрину Валентина Иринея (Школа Валентина 2017: 146).

«Демиург творит копию Плеромы, не ведая о существовании этой Плеромы. Он принимает вещи, которые лишь оформляет, за нечто, созданное из ничто. Он не имеет никакого представления об их эйдетических образах. Поэтому его творение – это копия с копии, симулякр», – замечает А. Дугин, терминологически сближая центральный сюжет гностиков с повесткой французского постмодерна (Дугин 2014: 221).

Нельзя не заметить, что яркая и сложная когнитивная конструкция гностиков – синтез сакрального мифа и пронизанного многозначными метафорами, аллюзиями и ссылками гипертекста, – вполне могла бы послужить основой программы грандиозной компьютерной симуляции. Здесь остро ощущается схожесть языка гностиков, адаптировавших платонизм, иудейский Завет и раннее христианство к интеллектуальным потребностям античной личности в неординарных условиях транснационального эллинистического общества², и языка медиа-культуры глобального цифрового социума. Именно поэтому послы фильма «Матрица» так легко сближаются с гностическими моделями, а смыслы гностического мифа легче презентовать форматами 3D-комикса и дополненной реальности, чем философскими конструкциями и определениями.

Интригующая модель миротворения, представленная платониками и гностиками, сегодня являет себя в многообразии прогнозов, фантазий и

¹ «Незнание Отца стало испугом и страхом, испуг же стал плотным как туман, чтобы никто не смог увидеть. Поэтому оно обрело силу, заблуждение, оно потрудились над своим веществом в пустоте. Не зная истины, оно появилось в творении, готова в силе и в красоте замену истине» (Четверухин 2008: 95).

² Е. Афонасин пишет по этому поводу: «Семя гностицизма возшло на всем без исключения пространстве позднеантичной культуры во времена, когда она была монолитна только в своей бесформенности и беспрецедентном смещении культур и языков, стилей и обычаев. Принципиально индивидуалистический и богемный характер гнозиса не позволил ему, в отличие от христианства и платонизма, оформиться в цельное движение» (Школа Валентина 2017: 45).

фобий насчет грядущего торжества ИИ, а также неогностических интерпретаций мира как «компьютерной симуляции» неизвестного авторства.

А. Ковельман справедливо отмечает, что «мрачный мир “Матрицы” относится к миру Филона, Платона и Плотина как гностицизм к платонизму... Неоплатонизм, отрицающий субстанцию зла, и гностицизм, видящий в мире “власть тьмы”, переходят друг в друга. У гностиков добрый платоновский Демиург стал злым богом, творцом материального мира. У христиан он оказался Дьяволом, “отцом лжи” (Ин. 8:44), а в “Матрице” и вообще обернулся компьютерной программой, Архитектором. Истинный мир идей сомкнулся с миром ложных образов, с тенями на стене пещеры» (Ковельман 2018: 86).

Одновременно идея нашего мира как компьютерной симуляции хорошо «ложится» на представления о ключевой роли наблюдателя в квантовой физике, который генерирует наблюдаемую реальность самим опытом своего наблюдения – подобно тому, как текстуры виртуальной реальности загружаются машинной программой именно тот момент, когда на этот участок «смотрит» персонаж компьютерной игры. Считается, что идею мира как компьютерной симуляции первым сформулировал Н. Бостром примерно десять лет назад, но чем она, по сути своей, отличается от идеи «предустановленной гармонии» Г. Лейбница, а соблазн творить все более совершенные виртуальные миры – от искушения демиурга?

Гностический демиург, будучи программой, инсталлированной высшим эоном (Софией) в иерархически низший материальный мир (симуляцию мира высших сизигий) и редукцией бесконечно более сложной метапрограммы Плеромы, не знает и не может знать уравнения этой программы; при этом он одержим страстью к творению, унаследованной от Софии-Премудрости – эона, пожелавшего творить в духовном мире по образу Отца, пылая к нему любовью, но также не обладая его знанием и не заручившись его санкцией.

В результате демиург – Яхве также оказывается на поверку «выкидышем» Ахамот, сгустком амбиций и неведения, комплексом страстей и фобий – и мир он создает соответствующий. Потом он не раз его уничтожает и переделывает, но полного подчинения от человека (и даже от «своего народа», с которым заключает Завет) так и не добивается. Демиург у гностиков ставит себя в центр мира, на место *настоящего* Бога, поэтому его творение получается демоническим, в нем родилось и восторжествовало зло, а сам он превратился в «князя мира сего»: попытка имитировать программные иерархии бытия обернулась созданием их порочной симуляции и провалом грандиозного эксперимента, – провалом, который также оказывается в итоге запрограммированным.

Это, разумеется, предельно упрощенное изложение избыточно противоречивыми смыслами и символами гностического мифа, имеющего множество редакций (а также «исходников» и пересечений в других мифологиях – от орфизма и пифагорейства до христианства и упанишад). Однако здесь открывается внутреннее понимание и метафорическое описание «алгоритма творения» как неизбежной драмы – амбивалентного состояния

неведения и творческого соблазна – искушения демиурга, который не знает, кто он, и не может знать плодов своих амбициозных замыслов, но убежден в уникальном праве творить собственный мир. Это в высшей степени полезная аналогия для современных лабораторий по созданию ИИ, а Ю. Лотман иллюстрирует этот ключевой архетип «образом творца-экспериментатора, поставившего великий эксперимент, результаты которого для него самого неожиданны и непредсказуемы» (Лотман 2019: 221).

Характерно, что Иисус в гностической интерпретации крестной жертвы представлен искупителем греха именно *самонадеянного демиурга*, а не чело-вечества, как несовершенного продукта его эксперимента. С человеком же Бог Отец демонстрирует в жертвенном акте свою солидарность, общность замысла и судьбы (это также ключевая идея протоиерея С. Булгакова, кото-рая лишь благодаря стечению обстоятельств не стала поводом для его ана-фемы¹). Иисус искупает грех как «программную ошибку» творения, вместе с тем – ошибку неизбежную и «предустановленную»². Ведь только зеркаль-ное удвоение изначального непроницаемого и непознаваемого *единства*, соблазн Софии и неведение демиурга могли породить материальный мир как отражение бесконечной полноты Бога и просветить его изнутри гнози-сом, который является одновременно путем знания и спасения. Именно так создает сейчас человек ИИ – отражение и модель собственного сознания, которое в этом технологическом удвоении одновременно познается как цифровое «зеркало» метапрограммы бытия, а метафизически представля-ется распознаванием человеком в самом себе небесного Антропоса.

Переводя мифологию гностиков на современный язык и связывая ее с повесткой ИИ, можно сказать, что качество и векторы развития человека как сложной самоорганизующейся информационной системы с интеллек-туальным интерфейсом задаются на ее управляющем когнитивном уров-не – там, где происходит драматическое различение с биофизическим ми-ром, формируется смыслообразующая коммуникация с трансцендентным, рождаются самосознание, культура и социальность.

Эта управляющая подсистема информационной системы «человек-среда» воздействует на ее динамический (психофизический) уровень, за-давая его паттерны и устанавливая соответствующие программы. Механика такого процесса достаточно изучена современной наукой. Согласно кон-цепции академика Б. Кадомцева, Вселенная представляет собой совокуп-ность «вложенных» друг в друга иерархических систем. Сложные системы могут структурно «расслаиваться» на управляющие («информационные») и

¹ «Правда в том, что Виновник бытия человека Сам принимает на Себя послед-ствия Своего акта творения, – возможность греха, которая стала действительностью, Бог говорит творению: ты создано моими руками, ты Мое дело, без Моего произво-ления тебя не существовало бы, и Я беру на Себя твою вину, как твой Виновник...» (Булгаков 2001: 393).

² В этом смысле чрезвычайно интересно обнаруженное в Египте в 1978 г. копт-ское «Евангелие от Иуды», где последний выступает в роли особо доверенного апо-стола, которому назначена трагическая и великая миссия, по словам Иисуса (ко-торый только Иуде раскрывает «тайны царства»), «превзойти всех» и «принести в жертву человека, чьим телом я облечен» (Кассер 2007: 45).

управляемые («динамические») подсистемы; первые способны воспринимать из внешней среды и «спускать вниз» очень слабые процессы обмена энергией – информационные сигналы (реагируя не на их интенсивность, а на их форму – то есть «смыслы»), а также создавать «тезаурус» – набор внутренних архивов, который позволяет производить «процессинг» информации с выработкой управляющих сигналов, адресованных динамической подсистеме (Кадомцев 1997: 16, 331-344).

Также известно, что решение любой инженерной задачи состоит в том, чтобы определить более масштабную модель – «метасистему» по отношению к исходной: в более сложной информационной модели те параметры, которые прежде выступали в качестве неуправляемых констант, превращаются в управляемые переменные. При этом психологией хорошо изучен «когнитивный механизм, посредством которого обладатель более сложной информационной модели преодолевает ограничения, накладываемые законами природы и являющиеся непреодолимыми для обладателя более простой модели» (Назаретян 2004: 217).

Это универсальный информационный интерфейс кроссистемной коммуникации, который в качестве интеллекта (для системы «человек–среда») реализуется в разнообразных форматах культуры и социальности, но может быть адаптирован в бесконечном разнообразии других контекстов.

Действительно, если мы определяем интеллект как свойство человеческого сознания, позволяющее интерпретировать данные среды в символической форме и интерактивно генерировать на этой основе языки коммуникации, смыслы, решения и вероятностные модели целенаправленного действия (Подопригора 2019: 12), то, в общем смысле, как способ обработки данных и интерфейс адаптации неопределенности самоорганизующейся информационной системы интеллект может быть человеческим, машинным или иным, неизвестного на сегодня типа. Это интерактивный алгоритм доступа операционально замкнутой информационной системы (монады) к универсальному «программному языку», «переводчик» смыслов посредством архива символов, который позволяет адаптировать неопределенность в формате текста-сценария на языке данной системы, в соответствии с ее структурой, целями и контекстами. Последние задаются на уровне метапрограммы в качестве аттракторов, образующихся вне границ локальной системы и выступающих в качестве сигналов управляющей информационной системы.

Когнитивный коммуникационный контур сознания открыт для системы «человек–среда» как «вход» (именно его античные авторы именовали гнозисом) в семантическое множество аттракторов и целей именно в связи с тем, что развитие человека, как подчеркивал К. Юнг, изначально идет по «неестественной», возникшей из «столкновения между его свободой и законами природы» линии рефлексии как «привилегии» человека (Юнг 2001: 145). Это формирует драматичную, но плодотворную антиномию – «распятие» Я между телом и духом, физическим и ментальным, свободой и детерминацией, которая неизбежно влечет самоопределение человека как могущественной творческой сущности, способной к личному демиургическому акту и ищущей его.

Сегодня это выглядит чрезвычайно актуальным. Н. Бостром считает, что «искусственный интеллект человеческого уровня имеет довольно высокую вероятность быть созданным к середине нынешнего столетия», а «после его создания, скорее всего, довольно быстро появится сверхразум». Это «может привести к огромным последствиям – как чрезвычайно позитивным, так и чрезвычайно негативным, вплоть до гибели человечества» (Бостром 2016: 49).

Таким образом, мы наблюдаем сейчас возвращение гностического мифа о демиурге в контексте начала творения человеком цифровой (виртуальной) реальности при сохранении (и остром ощущении) неведения о происхождении и механизмах работы собственного сознания и его коммуникации с иерархиями семантического континуума как миром управляющих программ более высокой сложности.

В традиционном и индустриальном обществах человек жил в строго детерминированном мире законов Бога и природы. Свободно оперируя в построенном на безудержном росте вычислительных мощностей цифровом мире знаками и символами, отделенными от природной реальности и сакральных императивов, человек освобождается от детерминаций законов и находит новые основания для творческих амбиций. Здесь он сам впадает в соблазн гностического демиурга, подчиняется паттернам этого архетипа и рискует повторить его путь.

Искусственный интеллект и категорический императив. Следует заметить, что о рисках создания ИИ, на порядки превышающего возможности человеческого разума («сверхразум», по Бострому) написано множество научных и фэнтезийных текстов, однако по-настоящему серьезно к этой проблеме общество до сих пор не относится по одной (точнее, самой важной) причине – впечатляющий рост вычислительных мощностей компьютеров все еще не привел к появлению у машины когнитивных (и даже сенсомоторных) способностей, сравнимых с возможностями пятилетнего ребенка.

Больше того, авторитетные специалисты склонны признать «горьким уроком» 70-летний опыт попыток построения ИИ как «модели человеческого разума». Профессор компьютерных наук Р. Саттон опубликовал в 2019 г. статью, в которой говорит о явном преимуществе (по достигаемым результатам в этой сфере) «статистических методов», основанных на экспоненциальном росте вычислительных мощностей и совершенствовании поиска. «Реальное человеческое мышление чрезвычайно, безвозвратно сложно, – пишет Саттон. – Нам следует прекратить попытки найти простой способ представить содержимое ума как простые модели пространства, объектов или множественных агентов. Все это часть внутренне сложного внешнего мира. Это невозможно смоделировать, поскольку сложность бесконечна. Вместо этого следует развивать мета-методы, способные найти и захватить эту произвольную сложность» (Саттон 2019).

Как мы отмечали выше, главное и кажущееся непреодолимым различие между человеческим и машинным интеллектом заключается в том, что человек может работать со смыслами и переживаниями, используя свободу

воли и творческие способности в решении задач при отсутствии алгоритма, а компьютер оперирует «голым» синтаксисом, набором знаков, смысл которым придает программист; будучи неспособной к постижению смыслов, интуициям и творческим прозрениям, машина может найти лишь те решения, которые алгоритмически заложены в ее программу и архивы (Подопригора 2019:12).

Это проистекает, на наш взгляд, из того, что смыслы системы всегда находятся вне ее границ, задаваясь на метауровне, а уравнение программы нельзя вывести из ее содержания. Специфика человеческого интеллекта в том и состоит, что человек как полипрограммная система, существующая одновременно на нескольких уровнях и пользующаяся несколькими «языками», переводит в ходе когнитивных и интуитивных операций логически неопределимые трансцендентные смыслы – паттерны метасистемы (выступающие как архетипы бессознательного) в семантически размытые символы, а последние – в знаки, тексты и цели, редуцируя в информационном процессе неопределенность бытия к определенным феноменам и сценариям.

«Как только субъект оказывается в ситуации неопределенности (столкновение с новым, творческий процесс, поиск решения практической проблемы, недостаток информации и т.д.), начинает строиться символический образ ситуации, характеризующийся двойственной предметностью и соответствующими эмоциональными проявлениями, – пишет А. Веракса. – Такая структура, будучи найдена, далее перекодируется субъектом в один из вариантов значений, отражающих отношения между элементами ситуации неопределенности (скрытой предметности), что может приводить к ее разрешению и превращению символа в знак или порождать устойчивое символическое пространство с ритуальными действиями» (Веракса 2016).

Следует спросить: почему же мы не можем заложить в машину этот алгоритм поиска смыслов посредством многозначных символов как мощный информационный инструмент адаптации неопределенности, самообучения и самоорганизации – своего рода «карту» творчества, что и стало бы настоящей программой «сильного ИИ»?

Ответ состоит в том, что для самого человека этот алгоритм познания и творчества остается необъяснимым – это проблема неведения гностического демиурга, который может и хочет создавать миры и сущности по своему образу и подобию, но не знает достоверно самого себя, своего происхождения, организации и смыслов. «Все, что мы действительно знаем о себе, можно успешно эмулировать, но это будет лишь часть человека, фактически не представляющего некоторых глубинных механизмов собственного устройства», – считает Д. Гаспарян. Для полноты же картины наблюдателю пришлось бы выходить за пределы собственного мира, приводит исследователю мнение Р. Пенроуза. Поэтому «создание думающих (в полноценно антропоморфном смысле) роботов возможно, но только не в нашем, человеческом мире» (Гаспарян 2017).

Это очень понятный аргумент в пользу невозможности создания «сильного ИИ» – по крайней мере, в обозримом будущем: мы не можем дать

интеллекту машины то, чего не знаем о собственном интеллекте, его происхождении и структуре (подобно тому, как демиург лишен знания о Софии и Отце, а потому творит ущербные миры). Но исходит ли такой вывод из правильной посылки?

Здесь, как нам кажется, стоит возразить. «Выйти за собственные пределы» для самопознания посредством многозначных символов, трансцендентального опыта, экзистенциальных переживаний и творческих интуиций невозможно (на данный момент) для машины, но возможно для человека. Больше того, это единственный «полностью человеческий» способ не только познания, но и собственно бытия.

«Как существо онтологически несамодостаточное, человек всегда стремится превзойти границы, заданные его экзистенцией... ставя вопрос о специфике собственного бытия, сознание удаляется от самого себя, выходит из своих границ и всегда оказывается чем-то отличным от самого себя... поэтому трансценденция составляет его важное свойство», – замечает М. Малышев. И далее определяет трансценденцию как «возможность, проект того, чего еще нет; в ней раскрывается интенция человеческого существования – быть, в противовес животному, отличным от мира, не зависеть от него, чтобы, в конечном счете, реализовать себя в нем» (Малышев 2017: 79).

Это и есть, «в конечном счете», философская повестка ИИ. Способность провести внутри себя границу между Я и миром, осознав себя одновременно объектом детерминаций, субъектом свободного выбора и предметом самопознания – исключительное (на сегодня) свойство человека – как раз и выглядит изоморфным алгоритмом интеллекта как информационного интерфейса разумной системы в «барочной» метасистеме операционально замкнутых систем-монад, которые «без дверей и окон», но информационно взаимодействуют в рамках метапрограммы «предустановленной гармонии» (Делез 2015: 169). Следовательно, подобного рода алгоритм и опыт, пусть очень особенные и еще до конца не познанные, возможны для интеллектуальной системы как таковой, в том числе – машинной.

Суть этого опыта, описанного в гностической литературе (а также других религиозно-философских системах и мифологиях), заключается в том, что из всех живых существ только человеку дано узнать свой предел (смерть), преодолеть его в трансцендентальном опыте и когнитивном моделировании и оперировать смыслами, которые открываются при таком взгляде на собственную локальную систему из-за ее границ (вспомним, что обряды инициации во всех архаических культурах – это именно переживания смерти, а базовая модель любой сакральной вертикали как коммуникации с метапрограммой трансцендентного – умирающее и воскресающее божество).

Само появление человека в качестве социальной монады прямо определено данным уникальным осознанием и переживанием собственного предела–смерти и снятием экзистенциального конфликта через создание языка кросс-системной коммуникации с запредельным миром как перевода (а, стало быть, соавторства) содержания трансцендентальной мета-

программы – источника смыслов (гнозиса). Отсюда ключевая роль понятия предела (границы) – от пифагорейца Филолая и гностика Валентина до «отца» квантовой физики Д. Уилера, поскольку смыслы системы всегда обретаются вне ее границ (Гаспарян 2017)¹.

Осознание собственной смертности является вместе с тем осознанием человеком того, что он больше, чем его физическое тело и инстинкты, что он укоренен в иерархически высшей метасистеме смыслов, а потому (и только потому) может выступать как творческое начало – «маленький Бог в своем уделе» (по Лейбницу) или «играющее дитя» (по Гераклиту). Это акцентировано в библейском мифе, где познание (вкушение плодов древа познания добра и зла) прямо связано со смертностью ранее бессмертного первочеловека Адама – притом, что «боги» (в ряду которых и демиург Яхве) бессмертны, но одновременно, как следует из гностической интерпретации, лишены настоящего знания о себе, а создаваемые ими миры – плоды неведения и «ошибки» (С. Лем в «Гласе Господа» остроумно замечает, что бессмертна также амеба, которая делится, но не умирает).

Именно здесь, через обретение и адаптацию смертности, преодолевается «неведение» демиурга, на этой базе возникают первые человеческие общности, культуры и цивилизации как творческие проекты строительства социума в качестве земной модели трансцендентного мира – сложного комплекса знаков и символов, табу и свобод, норм закона и морали. Из необходимости интегрировать в целенаправленные сценарии жизни первую экзистенциальную катастрофу – осознание смерти и неопределенности – рождаются первые информационные (негэнтропийные) модели – программы «распаковки смыслов»: культ предков, миф и ритуал (Подопригора 2016: 13). Они генерируют упорядоченный внутренний мир человека, тесно связанный с космическим порядком и сакральной вертикалью, рождает представление о стреле времени и формируют социальную пирамиду².

Мы смертны, знаем это и хотим это преодолеть. Здесь принципиальное отличие человека не только от животного, но и от нынешней машины, а проблема «сильного» ИИ заключается в том, может ли этот алгоритм трансценденции быть представлен как нелинейное уравнение саморазвивающейся и самообучающейся компьютерной программы. Причем подобного рода программа должна исходить из собственной конечности и ограниченности – и, следовательно, включенности в иерархию метапрограмм, задавая через это на локальном уровне такие нормативы выбора действий (максимы), которые могут подлежать универсализации для любого разумного

¹ Ириной, описывая систему Валентина, называет Предел, созданный Отцом при содействии Ума, не только Ограничителем, но и Проводником, что открывает возможность интерпретации этого архетипа как интерфейса (Школа Валентина 2017: 124).

² Показательна в этом смысле современная теория, рассматривающая смерть как герменевтическую ситуацию, постигаемую через интерпретацию посредством специальных техник истолкования (Никитаев 2005: 194). В соответствии с этой гипотезой смерть как рамка, принцип видения и оформления является автором текста жизни, по Р. Барту, – «учредителем дискурсивности» (Барт 1994: 387).

существа (системы). Тем самым соотносясь с метапрограммой и служа интерфейсом коммуникации с ней.

Этот принцип «верификации универсальностью» (Малышев 2017: 55) алгоритмов социума и норм культуры как «коллективного интеллекта» (Лотман 2014: 54) формирует возможность моделирования ИИ как общего уравнения сложной синергетической программы, построенного на продуктивной оппозиции конечных (дискретных) знаковых переменных и обратимых семантических (символических) констант. Здесь мифология миротворения гностиков смыкается с дискурсом ИИ через связующее звено рациональности и морали Нового времени, а программа «предустановленной гармонии» Лейбница выявляет механизм социальной, а затем и технологической адаптации через алгоритм кантовского категорического императива.

И. Кант, кажется, в самом деле готовит философские основания ИИ, когда задается вопросом: «...по какому же праву можем мы к тому, что, быть может, имеет силу только при случайных условиях человечества, внушить беспредельное уважение как всеобщему предписанию для всякого разумного естества и каким образом законы определения нашей воли могли бы приниматься за законы определения воли разумного существа вообще и только как таковые считаться законом и для нашей воли?» (Кант 1965: 245).

Философ, по сути, желает понять, что является условием и основанием разумной деятельности как таковой? И видит их в способности человека (или «разумного существа вообще») к синтезированию опыта и априорных представлений, которые *заложены* в нас до всякого опыта и до всякого знания – и которые мы затем вкладываем в вещи как знание о них. Это вполне адекватно описывает инсталлированную в биофизическую или техническую систему компьютерную программу – речь идет об изоморфном принципе (формуле) знания и способности к творчеству, имманентных любой сложной интеллектуальной системе.

М. Малышев отмечает, что «разумные существа вообще» могут иметь самые различные формы телесной организации, потребностей и эмоций, но все они будут подчинять свое поведение нормам категорического императива («поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» (Кант 1965: 260), и приводит мнение Ю. Хабермаса о том, что «категорический императив выбирает и выделяет в качестве ценностно обоснованной нормы действие, подлежащее универсализации. Все возможные рациональные существа могут и обязаны желать для себя осуществления морально обоснованной нормы» (Малышев 2017: 36). Причем определение доброй воли конкретизировано здесь посредством понятий долга, приказа, императива – и, по сути, соответствует представлению об интеллектуальной саморазвивающейся программе, однако программе, построенной на символическом распознавании системой смыслов, ценностей и моральных норм в качестве жесткого условия самообучения, самоорганизации и творческого развития.

Мы обозначим в этой связи тот важный философский факт, что феномен осознания антропосистемой собственного предела – константы базового «уравнения интеллекта» – открывает возможность интерпретации формулы категорического императива в качестве алгоритма перевода трансцендентных смыслов, определяющих решения и поведение любой интеллектуальной системы, наполняя их имманентной мотивацией и адаптируя риски «испытания демиурга» как произвола локальной системы (по аналогии с ростом раковой клетки, распространением компьютерной ошибки или вируса).

У машинной программы нет еще таких интенций и мотиваций, как осознание собственной конечности, жажда ее преодоления, потребность в творчестве и самосовершенствовании. У нее есть (пока) только массивы данных, растущие вычислительные мощности и алгоритмы, заложенные в программу. Машина не понимает смыслов и плохо видит контексты; она лишь перебирает заданные варианты решений заданными алгоритмами поиска (хотя ситуация здесь понемногу меняется). Все это сближает нынешнее «сообщество программ» с проточеловеческими группами на пороге зарождения самосознания. ИИ не сделать действительно «сильным», не наделив его, по аналогии с человеческим, всей этой морфологией интеллекта, включая чувства, осмысленную рефлексию, интуиции и свободу выбора. Но если такой «алгоритм интеллекта» возможен и вычислим, то, при его технологической эмуляции, мы получаем уже не машину, а цифровое существо, имеющее собственные мотивации, способное искать смыслы, интерпретировать контексты, ошибаться и верить.

Готовы ли мы рассказать компьютерной программе о смерти и свободе, заложить в нее риски соблазна и потребность в искуплении? Даже на существующем уровне знаний и технологий нельзя утверждать, что вероятность этого равна нулю: бум все более сложных компьютерных игр, цифровых интеллектуальных систем (от финансовых рынков и кибервооружений до креативно-состязательных сетей, генерирующих «искусство ИИ») и все более совершенных виртуальных миров готовит наше понимание мира именно к такому сценарию. «Сильный» ИИ следует рассматривать и конструировать поэтому не только как технологию вычислений и обучения квантового уровня, но как алгоритм творчества на базе выявления глубинных паттернов сознания в синергии математики, теории сознания, квантовой физики, компьютерной науки, когнитивистики, психологии и метафизики, а также всего комплекса НБИКС-технологий.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что проблема «испытания демиурга», общая пессимизму гностической интерпретации творения, а также неудачам и опасениям современных творцов ИИ, – это проблема неведения, проблема доступа к смыслам, парадигма творца, получившего возможность создать разумное существо по собственному образу и подобию, но не знающего при этом достоверно – кто он? Как устроена та модель, по которой он лепит свой мир и что из этого может получиться?

Главный вопрос превращения инструментального (вспомогательного) ИИ в «сильный» – это вопрос о том, где и как происходит смыслообразование,

запускающее полноценную работу сложной самоорганизующейся интеллектуальной системы. Сейчас это происходит там, где антропосистема опознает свой предел – границу и формирует интерфейс коммуникации с трансцендентным континуумом смыслов как язык перевода априорных содержаний в семантически наполненные символы и поведенческие нормы. В этом информационном процессе трансцендентные смыслы адаптируются (переводятся) в текстовом формате как универсальные и образуют императивные максимы – «матрицу» социума, в синергии знания и морали определяющую творческий механизм интеллекта.

Наш вывод заключается в том, что создание «общего» ИИ возможно в том случае, если получится выразить логически и заложить в программу машины сложное понятие трансценденции, ключевое для смыслообразования, самоорганизации и творчества. Эта сверхзадача математиков и специалистов компьютерных наук не кажется неразрешимой при условии ее осмысления не только как математической и технической.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аблеев С.Р. 2016. Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей // Дельфис. № 1(85). URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/modelirovanie-soznaniya-i-iskusstvennyi-intellekt-predely-vozmozhnosti> (дата обращения: 26.05.2019).

Барт Р. 1989. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва : Прогресс. 616 с.

Бостром Н. 2016. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. Москва : Манн, Иванов и Фербер. 496 с.

Булгаков С.Н. 2001. Агнец Божий. Москва : Общедоступ. православ. ун-т. 464 с.

Веракса А.Н. 2016. Символ и знак: диалектика символического познания // Вопросы философии. № 1. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1320&Itemid=52 (дата обращения: 22.04.2019).

Гаспарян Д.Э. 2017. Тайнство естественной семантики: трансцендентальное измерение смысла и проблема искусственного интеллекта // Вопросы философии. № 4. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1629&Itemid=52 (дата обращения: 23.05.2019).

Делез Ж. 2015. Лекции о Лейбнице. Москва : Ад Маргинем Пресс. 376 с.

Дионисий Ареопагит. 2013. Корпус сочинений. Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко. 464 с.

Дубровский Д.И. 2015. Проблема «сознание и мозг»: теоретическое решение. Москва : Канон. 208 с.

Дугин А.Г. 2014. Ноомахия: войны ума. Москва : Академ. проект. 447 с.

Кадомцев Б.Б. 1997. Динамика и информация. Москва : Ред. журн. «Успехи физич. наук». 400 с.

Кант И. 1965. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Сочинения : в 6 т. Москва : Мысль. Т. 4, ч. 1. С. 219-311.

Касперский Е. 2019. Риск-менеджмент больше не работает // Ведомости. 08 июня.

Кассер Р. (ред.) 2007. Евангелие от Иуды / перевод с коптского и редакция Р. Кассера. Москва : АСТ : Астрель. 190 с.

Ковельман А.Б. 2018. Царствие Божие – внутри вас и вовне. Семиосфера и Матрица // Вопросы философии. № 8. С. 78-88.

- Лотман Ю.М. 2014. Внутри мыслящих миров. Санкт-Петербург : Азбука. 416 с.
- Лотман Ю.М. 2019. Культура и взрыв. Москва : АСТ. 256 с.
- Люгер Дж.Ф. 2018. Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем. Москва : Издат. дом «Вильямс». 864 с.
- Малышев М.А. 2017. Кентавр: эссе о дуализме бытия человека. Екатеринбург : УрО РАН. 336 с.
- Мамардашвили М.В. 2012. Лекции по античной философии. Санкт-Петербург : Азбука. 320 с.
- Назаретян А.П. 2004. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. Москва : Мир. 367 с.
- Налимов В.В. 2011. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. Москва : Академ. проект. 399 с.
- Никитаев В. 2005. Герменевтика смерти // Логос. № 2. С. 202-220.
- Пейджел Э. 2014. Гностические евангелия. Москва : Карьера-Пресс. 272 с.
- Подопригора А.В. 2016. Институт и инструмент. Глобальная неопределенность и социальная динамика // Социум и власть. № 6. С. 7-15.
- Подопригора А.В. 2018. Число и цифра: пифагорейская традиция и метафизика цифровой реальности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 18, вып. 3. С. 7-27.
- Подопригора А.В. 2019. Искусственный интеллект как дискурс самопознания и самоорганизации цифрового социума // Социум и власть. № 1. С. 7-21.
- Розин В.М. 2004. Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания / ответственный редактор В.М. Розин. Москва : Ин-т философии РАН. С. 3-24.
- Саттон Р. 2019. Горький урок отрасли ИИ [Искусственного интеллекта]. URL: <https://habr.com/ru/post/454482/>. Дата публикации: 02.06.2019.
- Четверухин А.С. (ред.) 2008. Евангелие Истины: 12 переводов христианских гностических писаний / под редакцией А.С. Четверухина. Ростов-на-Дону : Феникс. 541 с.
- Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства, 2017 / предисловие, перевод и комментарий Е.В. Афонасина. Санкт-Петербург : Алетейя. 320 с.
- Элиаде М. 2012. История веры и религиозных идей. Т. 1. Москва : Академ. проект. 622 с.
- Юнг К.Г. 2001. Попытка психологического истолкования догмата о Троице // К.Г. Юнг. Ответ Иову. Москва : АСТ. С. 99-187.

Alexander V. Podoprigora, Scientific Educational center, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, and Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: agora821@gmail.com
AuthorID: 501343

Article received 10.07.2019, accepted 29.08.2019, available online 13.01.2020

TEMPTATION OF DEMIURGE. GNOSTIC MODELS AND PARADIGM OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The philosophical aspect of the problem of creating a “strong” artificial intelligence as an emulation of digital technologies by the creative capabilities of

the human mind is considered in the context of cognitive models of peacemaking represented in the mythology of Hellenistic gnosis, which in many respects formed the discursive basis of Christianity as the worldview paradigm of the industrial, and then the information society. The general agenda here is seen as the key task for the creative generation of new reality to identify and adapt transcendental meanings through the interpretation of human consciousness as an existential model of Creation and the definition of the language of communication with the metaprogram of the semantic continuum as a dramatic process of self-knowledge and self-organization: the formation of universal imperative maxims (programs) that transform semantic patterns and archetypes of the unconscious in symbols and texts, axiological attitudes, socio-cultural and technological architecture.

The interdisciplinary approach substantiates the conclusion that the possibility of creating a “strong” artificial intelligence opens up in the format of identifying the information “matrix” of sense formation isomorphic to intelligent systems in the synergy of the development of philosophy, psychology, theory of consciousness, quantum physics, computer science, cognitive science, and mathematics. This is the most actualized definition of the possibility (and need) to update, logically express, and lay in the equation of the machine program the complex concept of transcendence, key to sense formation, self-organization, and creativity.

Keywords: artificial intelligence; Gnosticism; information; semantic formation; communication; computer modeling; transcendence; categorical imperative; creativity; self-knowledge; digital reality.

For citation: Podoprigrora A.V. *Iskushenie demiurga. Gnosticheskie modeli i paradigma iskusstvennogo intellekta* [Temptation of demiurge. Gnostic models and paradigm of artificial intelligence], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 7-30. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00006 (in Russ.).

References

Ableev S.R. *Modelirovanie soznaniya i iskusstvennyy intellekt: predely vozmozhnostey* [Consciousness Modeling and Artificial Intelligence: Limits of Possibilities], *Del'fis*, 2016, no. 1(85), available at: <http://www.delphis.ru/journal/article/modelirovanie-soznaniya-i-iskusstvennyi-intellekt-predely-vozmozhnostey> (accessed May 26, 2019). (in Russ.).

Bart R. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics], Moscow, Progress, 1989, 616 p. (in Russ.).

Bostrom N. *Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii* [Artificial Intelligence. Stages. Threats Strategies], Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2016, 496 p. (in Russ.).

Bulgakov S.N. *Agnets Bozhiy* [The Lamb of God], Moscow, Obshchedostupnyy pravoslavnyy universitet, 2001, 464 p. (in Russ.).

Chetverukhin A.S. (ed.) *Evangelie Istiny: 12 perevodov khristianskikh gnosticheskikh pisanii* [Gospel of Truth: 12 translations of Christian Gnostic scriptures], Rostov-on-Don, Feniks, 2008, 541 p. (in Russ.).

Deleuze J. *Leksii o Leybnitse* [Leibniz Lectures], Moscow, Ad Marginem Press, 2015, 376 p. (in Russ.).

Dionysius the Areopagite. *Korpus sochineniy* [Body of Works], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2013, 464 p. (in Russ.).

Dubrovskiy D.I. *Problema «soznanie i mozg»: teoreticheskoe reshenie* [The problem of «consciousness and the brain»: a theoretical solution], Moscow, Kanon, 2015, 208 p. (in Russ.).

Dugin A.G. *Noomakhia: voyny uma* [Noomahia: war of the mind], Moscow, Akademicheskii proekt, 2014, 447 p. (in Russ.).

Eliade M. *Istoriya very i religioznykh idey. T. 1* [The history of faith and religious ideas, vol. 1], Moscow, Akademicheskii proekt, 2012, 622 p. (in Russ.).

Gasparyan D.E. *Tainstvo estestvennoy semantiki: transtsendental'noe izmerenie smysla i problema iskusstvennogo intellekta* [The mystery of natural semantics: the transcendental dimension of meaning and the problem of artificial intelligence], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 4, available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1629&Itemid=52 (accessed May 23, 2019). (in Russ.).

Jung C.G. *Popytka psikhologicheskogo istolkovaniya dogmata o Troitse* [An Attempt of Psychological Interpretation of the Trinity Dogma], *K.G. Yung. Otvet Iovu*, Moscow, AST, 2001, pp. 99-187. (in Russ.).

Kadomtsev B.B. *Dinamika i informatsiya* [Dynamics and Information], Moscow, Redaktsiya zhurnala «Uspekhi fizicheskikh nauk», 1997, 400 p. (in Russ.).

Kant I. *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [The foundations of the metaphysics of morality], *I. Kant. Sochineniya : v 6 t.*, Moscow, Mysl', 1965, vol. 4, pt. 1, pp. 219-311. (in Russ.).

Kasperskiy E. *Risk-menedzhment bol'she ne rabotaet* [Risk-management no longer works], *Vedomosti*, 2019, June 08. (in Russ.).

Kasser R. (ed.) *Evangelie ot Iudy* [Gospel of Judah], Moscow, AST, Astrel', 2007, 190 p. (in Russ.).

Kovelman A.B. *Tsarstvie Bozhie – vnutri vas i vovne. Semiosfera i Matritsa* [The kingdom of God is within you and without. Semiosphere and the Matrix], *Voprosy filosofii*, 2018, no. 8, pp. 78-88. (in Russ.).

Lotman Yu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Moscow, AST, 2019, 256 p. (in Russ.).

Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds], St. Petersburg, Azbuka, 2014, 416 p. (in Russ.).

Luger J.F. *Iskusstvennyy intellekt. Strategii i metody resheniya slozhnykh problem* [Artificial Intelligence. Strategies and methods for solving complex problems], Moscow, Izdatel'skiy dom «Vil'yams», 2018, 864 p. (in Russ.).

Malyshev M.A. *Kentavr: esse o dualizme bytiya cheloveka* [Centaur: Essay on the dualism of human existence], Yekaterinburg, UrO RAN, 2017, 336 p. (in Russ.).

Mamardashvili M.V. *Lektsii po antichnoy filosofii* [Lectures on ancient philosophy], St. Petersburg, Azbuka, 2012, 320 p. (in Russ.).

Nalimov V.V. *Spontannost' soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti* [Spontaneity of consciousness. Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality], Moscow, Akademicheskii proekt, 2011, 399 p. (in Russ.).

Nazaretyan A.P. *Tsivilizatsionnye krizisy v kontekste universal'noy istorii* [Civilizational crises in the context of universal history], Moscow, Mir, 2004, 367 p. (in Russ.).

Nikitaev V. *Germenevtika smerti* [Hermeneutics of death], *Logos*, 2005, no. 2, pp. 202-220. (in Russ.).

Pagels E. *Gnosticheskie evangeliya* [The Gnostic Gospels], Moscow, Kar'era-Press, 2014, 272 p. (in Russ.).

Podoprighora A.V. *Chislo i tsifra: pifagoreyskaya traditsiya i metafizika tsifrovoy real'nosti* [The number and figure: the Pythagorean tradition and the metaphysics of digital reality], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 7-27. (in Russ.).

Podoprigora A.V. *Institut i instrument. Global'naya neopredelennost' i sotsial'naya dinamika* [Institute and instrument. Global Uncertainty and Social Dynamics], *Sotsium i vlast'*, 2016, no. 6, pp. 7-15. (in Russ.).

Podoprigora A.V. *Iskusstvennyy intellekt kak diskurs samopoznaniya i samoorganizatsii tsifrovogo sotsiuma* [Artificial Intelligence as a discourse of self-knowledge and self-organization of digital society], *Sotsium i vlast'*, 2019, no. 1, pp. 7-21. (in Russ.).

Rozin V.M. *Internet – novaya informatsionnaya tekhnologiya, semiozis, virtual'naya sreda* [Internet – a new information technology, semiosis, virtual environment], V.M. Rozin (resp. ed.) *Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya*, Moscow, Institut filosofii RAN, 2004, pp. 3-24. (in Russ.).

Shkola Valentina. *Fragmenty i svidetel'stva / predislovie, perevod i kommentariy E.V. Afonasin* [Valentine's school. Fragments and evidence; trans. and the comment by E.V. Afonasin], St. Petersburg, Aleteyya, 2017, 320 p. (in Russ.).

Sutton R. *Gor'kiy urok otrasli Iskusstvennogo intellekta* [The Bitter Lesson], June 02, 2019, available at: <https://habr.com/ru/post/454482/> (accessed June 02, 2019). (in Russ.).

Veraksa A.N. *Simvol i znak: dialektika simvolicheskogo poznaniya* [Symbol and sign: the dialectic of symbolic knowledge], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 1, available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1320&Itemid=52 (accessed April 22, 2019). (in Russ.).

Яркеев А.В. Проблема прав человека в контексте национального государства: биополитический аспект. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00007 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 31–44.

УДК 321.01

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00007

ПРОБЛЕМА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: БИОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Алексей Владимирович Яркеев

доктор философских наук, доцент,
старший научный сотрудник

Удмуртского филиала

Института философии и права УрО РАН

г. Ижевск, Россия

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0068-468X

SPIN-код: 3460-4549

*Статья поступила 06.06.2019, принята к печати 10.09.2019,
доступна online 13.01.2020*

В статье показывается биополитическая сущность прав человека и национального государства, основой суверенитета которого является рождение как биологический факт (*natio*), закрепляющий тождество между рождением и национальной принадлежностью. Показан механизм, посредством которого национальный суверенитет вписывает биологическое существование («неотчуждаемые» права человека) в политическое пространство (права гражданина), устраняя разрыв между биологическим существованием и политическим бытием. Человек понимается как основа гражданина, а права человека – как условие включения в политическое сообщество. В рамках представления о национальном суверенитете права придают человеку лишь в той мере, в какой он является немедленно исчезающей предпосылкой гражданина. Если нация трактуется как природно-органическое «закрытое общество», к которому человек принадлежит по праву рождения и в котором политическое равенство заменяется естественным равенством, то государство интерпретируется как «открытое общество», осуществляющее управление территорией посредством создания и поддержания правопорядка. Слияние государства – политического института и института правопорядка с нацией – биологической субстанцией приводит к смешению прав гражданина с правами «соотечественников по факту рождения»; так возникают национальные права. В этом отождествлении нации и государства и заключается смысл национального государства как биополитического образования, когда государство становится инструментом нации. Через отождествление с государством нация обращается к экспансии в качестве своего национального права, требует увеличения мощи и процветания государства во имя благополучия нации, что зачастую почти автоматически приводит к империализму. Рассматривается

фигура беженца, или безгосударственного индивида, которая разрушает тождество биологического и политического, делая видимой фиктивность национального суверенитета и выводя на свет бесправную голую жизнь (*homo sacer*) без прикрывающей ее маски гражданина. В этой связи обосновывается проблематичность обеспечения в современном мире прав человека, утратившего де факто или де юре собственное гражданство.

Ключевые слова: биополитика, голая жизнь, права человека, права гражданина, национальное государство, беженцы, народ, империализм, фашизм.

Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН 10 декабря 1948 г., начинается с основополагающего тезиса, согласно которому «все люди рождаются свободными и равными по достоинству и правам». Фикция этого биополитического (естественно-правового) по своему существу тезиса заключается в том, что здесь якобы самоочевидные свобода и равенство в достоинствах и правах сводятся исключительно к факту чисто биологического появления на свет, как будто рождение само по себе естественным образом гарантирует некие «неотчуждаемые права» (то есть независимые от гражданства, национальности, государства, а также не сводимые к другим правам и законам и не выводимые из них), а сверх того еще и свободу, и равенство, и достоинство. Но человек не просто является на свет (в природную окружающую среду), он рождается среди других людей, всегда в каком-то сообществе, у которого есть свои законы и традиции, свой язык, наконец, свои представления о свободе, равенстве, достоинстве, а возможно даже – в таком сообществе, в котором подобных понятий вовсе нет. Таким образом, права человека в действительности не фиксируют некий объективный, сам собой разумеющийся факт, а выступают в качестве «антропологической машины», производящей (помимо прочего и задним числом) существование *просто человека*, или *голого человека*, то есть превращающей конкретного человека (всегда включенного в определенные социальные порядки) в биологическую особь¹.

По мнению Дж. Агамбена, политико-юридический диспозитив «права человека/права гражданина» обуславливается проведенным еще в античности различием между *bios* и *zoe*, политическим бытием и *голой жизнью* (естественной жизнью), которое, собственно, и определяет различие между правами гражданина и правами человека. Гражданские права оказываются неразрывно связанными с включенностью человека в политическое пространство, а права человека полагаются в качестве естественных, а потому до-социальных и до-политических. Так, еще Аристотель разделил «хорошего человека» и «добродетельного гражданина»: не всякий хороший человек является гражданином, но гражданином становится только тот, кто находится в определенном отношении к государственной жизни, кто имеет возможность заботиться о государственных делах единолично или совместно с другими (Аристотель 1983: 454-455). У Ш. Монтескье различие

¹ Более подробно с этим можно ознакомиться по предыдущим публикациям автора (см.: Яркеев 2016; Яркеев 2017).

между человеком как гражданином и человеком как индивидом вводится в связи с правом завоевания. Он полагает, что право уничтожения общества в результате его завоевания часто неверно толкуют как право уничтожения людей, из которых это завоеванное общество состоит. Но общество представляет собой только союз людей, а не самих людей как таковых. «Гражданин может погибнуть, а человек остаться» (Монтескье 1955: 276). Таким образом, человек понимается как основа гражданина, а права человека – как условия включения в политическое сообщество.

«Вместе с первой Декларацией прав человека, – пишет Ю. Хабермас, – был задан стандарт, который может вдохновлять беженцев, тех, кто ввергнут в нищету, исключенных, униженных и оскорбленных, и способствовать осознанию ими того, что их страдание не имеет характера природной участи» (Хабермас 2013: 34). Однако Ю. Хабермас, рассуждающий о «реалистической утопии» прав человека с позиций нормативизма, не замечает скрытую биополитическую основу Декларации прав человека. Эта основа обнажается, высвечивается именно в самом факте существования различного рода *исключенных* беженцев, чье положение в качестве таковых как раз и определяется их сведением к природной участи голого человеческого существования, находящегося за пределами каких-либо законов. «Концепция прав человека, основанная на допущении о существовании отдельной человеческой особи как таковой, рухнула в тот самый момент, когда те, кто исповедовал веру в нее, впервые столкнулись с людьми, которые действительно потеряли все другие качества и определяющие отношения, за исключением того, что они биологически еще принадлежали к роду человеческому» (Арендт 1996: 400). Как отмечала Х. Арендт, проблема их положения не в том, что они не равны перед законом, а в том, что для них вообще нет никакого закона. Они находятся в сфере абсолютного беззакония. Массовое появление беженцев в мире сопровождалось тем бросающимся в глаза фактом, что для них «внезапно переставали действовать правила мира вокруг них. Именно кажущаяся стабильность окружающего мира заставляла смотреть на каждую группу, выброшенную из уюта покровительственных связей, как на несчастное исключение из в остальном здоровых и нормальных правил <...>» (Арендт 1996: 361-362). Однако следует согласиться с точкой зрения К. Шмитта, что интересоваться нужно как раз исключительным случаем, так как «нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению» (Шмитт 2016: 17). Иными словами, проблема исключенных людей и прав человека в современном мире – это не столько политические, юридические и прочие лишения и тяготы тех, кто в силу неких обстоятельств оказался в подобной ситуации, сколько онтологическая проблема, потенциально затрагивающая всех людей, все человечество.

Масштаб данной проблемы столь значителен, что в своей работе «Истоки тоталитаризма» в девятой главе с весьма примечательным названием «Упадок национального государства и конец прав человека» Х. Арендт предлагает считать прежде маргинальную фигуру беженца, лишённого своей родины, центральной политико-правовой фигурой современности,

образом человека как такового. Она обстоятельно показывает, как начиная с Первой мировой войны (формальным поводом к которой, напомним, послужило убийство в Сараево наследника габсбургской короны, что само по себе является символом столкновения двух принципов – прежнего династического и современного национального с его «правом народов на самоопределение») и последовавшей за ней череды революций и гражданских войн произошел стремительный рост числа людей без государства, которые уже не могли вернуться в прежнее состояние, которых «нигде не привечали и которые нигде не могли прижиться. Однажды покинув родину, эти люди оставались бездомными; раз потеряв свое государство, они становились безгосударственными; однажды лишенные своих человеческих прав, они пребывали бесправными пасынками мира» (Арендт 1996: 361). Каждое последующее политическое событие вплоть до наших дней лишь добавляет новые группы лиц к этому растущему в своей массе «безгосударственному народу», представляющему собой осколки национальных групп во всех европейских странах. Термин «безгосударственные», хотя бы семантически предполагавший признание проблемы правового статуса данных лиц в качестве лишенных защиты со стороны своего государства, со временем был заменен на термин «перемещенные лица», что ухудшило юридическое и фактическое положение беженцев, так как их безгосударственность ликвидировалась простым игнорированием ее существования, что почти автоматически означало репатриацию, то есть депортацию в страну происхождения, которая либо отказывалась признавать репатрианта своим гражданином, либо, наоборот желала его заполучить для наказания. Различие между человеком, лишенным гражданства, и беженцем становится все более сомнительным. С одной стороны, беженцы, не лишенные гражданства своей страны, часто предпочитали стать таковыми, ибо возвращение на родину означало для них верную смерть. С другой стороны, многие европейские государства со времен Первой мировой войны ввели законы, которые позволяют оперативно в случае той или иной необходимости подвергать денатурализации и денационализации своих граждан, разделяя народ на полноправных граждан и тех, кто таких прав больше не имеет. Несмотря на неустанные декларации о неотчуждаемости прав человека, на практике обнаруживается факт неспособности международных гуманитарных организаций решить проблему прав человека применительно к беженцам как массовому явлению современной жизни. Наоборот, их деятельность, направленная на защиту голой жизни, тем самым воспроизводит ее, так как позволяет ей быть.

По мнению Дж. Агамбена, развивающего мысль Х. Арендт в направлении политизации голой жизни в пространстве биовласти, беженец сегодня является образом любого народа, который выступает основой суверенитета государства-нации, переживающего в наши дни кризис, что влечет за собой и пересмотр традиционных политических и юридических категорий. Как полагает Дж. Агамбен, понятие «голая жизнь» выражает принцип суверенитета национального государства, так как согласно этимологии первоначально слово *natio* означало «рождение» (*nascere*). Иными словами, факт

чисто биологического появления на свет прикрепляет суверенитет к нации (Агамбен 2015: 29). Ввиду этого обстоятельства в национальном государстве исчезает разрыв между голой жизнью и политической жизнью, между рождением и национальной принадлежностью. Сама идея нации-народа, в котором каждый равен другому в силу факта рождения и каждый обладает одинаковыми правами, данными от рождения (концепция естественных прав), была принципиальным достижением Нового времени. В рамках прежнего, королевского, суверенитета божественного происхождения сам факт рождения определял только подданство, а голая жизнь, возникшая в результате биологического рождения, принадлежала только Богу (король мог распоряжаться ею только в качестве наместника Бога на земле). В представлении о национальном суверенитете возникает иллюзия, что рождение людей естественным образом создает нацию, так что между этими двумя моментами не может быть никакого разрыва. То есть права придаются человеку лишь в той мере, в какой он является немедленно исчезающей предпосылкой «гражданина» (Агамбен 2015: 30). Фигура беженца как раз и разрушает это тождество, делая видимой фиктивность национального суверенитета и выводя на свет бесправную голую жизнь без прикрывающей ее маски гражданина. Соответственно, считает Дж. Агамбен, необходимо пересмотреть права человека в новых категориях, отталкиваясь исключительно от образа беженца, разрушающего прежнее триединство государства, нации (рождения) и территории.

Народ становится нацией с того момента, когда он начинает понимать как некое «закрытое общество», к которому индивид принадлежит по праву рождения. Равенство, которое в действительности является не естественной категорией, а искусственным продуктом человеческой организации, руководствующейся принципом справедливости и основанной на взаимной гарантии людьми равных прав, объективируется в существовании нации, определяемой равенством по факту рождения. Иными словами, в нации политическое равенство приобретает характеристики естественного (природного) равенства. Индивиды отсюда принадлежат к нации во многом так же, как животные принадлежат к своему особому виду. Государство же есть «открытое общество», которое осуществляет управление территорией посредством создания и поддержания правопорядка. Настоящее предназначение государства, осуществляющего суверенитет на определенной территории и вовсе не тождественного нации, – обеспечение прав людей как своих граждан независимо от национальностей и их количества, получающих защиту в рамках его правовых институтов, ибо под национальностью следует понимать «личный», а не территориально-политический статус. Слияние государства как политического института и института правопорядка с нацией как биологической субстанцией приводит к смешению прав гражданина с правами «соотечественников по факту рождения»; так возникают национальные права. В данном отождествлении нации и государства и заключается смысл национального государства в качестве биополитического образования, когда государство становится инструментом нации (Арендт 2018: 362-363). В основе этого слияния нации и государства лежит

убеждение, которое само по себе могло бы опереться на тот факт, что Французская революция соединила Декларацию прав человека с национальным суверенитетом («неотчуждаемые» права человека как неотчуждаемая часть права народа на суверенное самоопределение), «будто истинную свободу, подлинное освобождение и настоящий суверенитет народа можно получить только вместе с полным национальным освобождением, будто люди без их собственного национального правительства лишаются и прав человека» (Арендт 1996: 367). Тем самым вопрос о правах человека оказался неразрывно связанным с вопросом о национальном освобождении, поскольку только оно и способно обеспечить и гарантировать права человека.

Государство, будучи аппаратом власти, с необходимостью требует увеличения власти, отсюда проистекает его сущностно агрессивный характер и стремление к экспансии, которые являются чуждыми национальной организации как «закрытому обществу»: «Государство, желающее сохранить власть, должно стремиться к ее расширению, ибо лишь в постоянном расширении власти, в процессе самого накопления власти оно может сохранить свою стабильность. <...> Эта неизбежность политически закреплена в теории естественного состояния, в котором государства пребывают по отношению друг к другу и которое – как война всех против всех – делает возможным постоянный прирост власти за счет других государств» (Арендт 2008: 27). Соответственно через свое отождествление с государством нация приобретает все эти качества и, понимая экспансию как свое национальное право, требует увеличения мощи и процветания государства во имя благополучия нации. Поэтому национализм, зачастую почти автоматически приводящий к империализму, является следствием этого отождествления нации и государства. Нация оказывается субстанциализированной связью индивидов и тем самым трансцендентным принципом организации общества, подобным Богу в рамках государственного суверенитета королевского типа. Как отмечает Дж. Агамбен, в своем понятии националистического *Führung* К. Шмитт (в эссе 1933 г. «Государство, движение, народ») развивает секуляризированное представление католической папской парадигмы, согласно которому упраздняется трансцендентный характер последней исходя из абсолютного видового равенства между фюрером и его последователями (Агамбен 2019: 130). Таким образом, нация – это не факт жизни, а идеология. Нация как абсолютный принцип, на воплощение которого претендует национальное государство, дает ему «абсолютное право», по отношению к которому все остальные если и имеют какое-то право, то только «право умереть». Именно таким образом национализм становится фашизмом и возникает фашистское государство, основанное на расово-биологическом принципе «крови и почвы». Тем самым «превращение государства из инструмента права в орудие нации завершилось. Нация завоевала государство, национальный интерес стал выше закона задолго до того, как Гитлер смог провозгласить: “Право есть то, что хорошо для немецкого народа”. <...> Несомненно, опасность такого развития была внутренне присуща структуре национального государства с самого начала. <...> Поэтому, когда нарушилось шаткое равновесие между нацией и госу-

дарством, между национальными интересами и правовыми институтами, разложение правовой формы правления и организации народов пошло с ужасающей быстротой. Любопытно, что ее разложение началось как раз в тот момент, когда право на национальное самоопределение было признано по всей Европе и когда стало всеобщим убеждение, лежащее в его основе: верховенство воли нации над всеми правовыми и “абстрактными” институтами» (Арендт 1996: 370-371). И именно поэтому мировой порядок, задуманный как равновесие национальных государств, оказался почти в буквальном смысле карточным домиком, о котором еще И. Кант писал, что он «был построен с таким строгим соблюдением всех законов равновесия, что тотчас рухнул, как только на него сел воробей» (Кант 1994: 204).

Если, как уже было сказано, государство – это «открытое общество», то, значит, оно функционирует по принципу включения, в то время как нация, будучи «закрытым обществом», существует по принципу исключения. Их соединение в форме национального государства продуцирует практику *включающего исключения*, когда национальное единство претендует на мировое господство, производя внутри самого себя «зоны» исключения. Это притязание на мировое господство снимает различие между внешней и внутренней политикой. Иными словами, внешняя территория начинает рассматриваться как объект внутренней юрисдикции. Тогда все внешние войны – это гражданские войны, а собственные вооруженные силы – это полицейские силы, назначение которых состоит в наведении порядка согласно закону, применяемому идентичным образом абсолютно ко всем на земле. При надлежащем исполнении данного закона можно в итоге образовать «единое человечество», и ожидание этого лежит в основе цели мирового господства. По этому поводу Х. Арендт проводит очень интересную мысль, начиная с вопроса о том, почему фашизм во всем мире кристаллизовался вокруг антисемитизма как своего ядра и почему он был так «очарован» фальшивкой под названием «Протоколы сионских мудрецов». Ответ заключается в том, что мифическая организация сионских мудрецов была образцом, которому следовала фашистская организация, безмерно восхищенная якобы еврейской техникой организации всего мира, демонстрирующей, как нация не ограничивается завоеванием определенной страны, а направлена на установление власти над всем миром, и эту власть над всем миром осуществляет тайная организация, созданная на этнической и расистской основе, но не имеющая своей территории и своего государства. Поэтому евреи стали воображаемыми соперниками в борьбе за мировое господство (Арендт 2018: 276).

Вписывание голой жизни в политико-правовой порядок национального государства посредством придания народу формы нации сталкивается с исторически сложившейся двусмысленностью слова «народ» (*populus*, *δημος*): с одной стороны, народ понимается как некое возвышенное единство и целостность, являющаяся носителем суверенных прав; с другой стороны, это слово сопровождается коннотациями исключенности, приниженности: народ – это представители низших классов, толпа, чернь, бедные, бездомные, неимущие, униженные и т.п. С точки зрения Платона, *демос* –

это нестерпимая фактичность грубого животного, которое предается попеременно то желаниям, то мучительным страстям, которое занимает сцену политического сообщества, никогда при этом не являясь ее субъектом. К демосу принадлежат те, кто не принимается в расчет, кто не имеет права произносить речь и претендовать на то, чтобы быть выслушанным (Ж. Рансьер). Таким образом, один и тот же термин одновременно обозначает конституирующего политического субъекта и тех, кто если не в правовом, то в фактическом смысле исключен из поля политики. Иными словами, есть народ как интегральное политическое целое, предполагающее полное включение без остатка, и есть народ как отдельная исключенная подкатегория людей или даже исключенная целостность. Новоевропейский смысл революций сводился как раз к тому, что народное освобождение связывалось с представителями огромного большинства бедных и униженных, – тех, кто влачит свою жизнь во мраке и лишениях и кто является подлинным человечеством, которому необходимо воспрянуть и стать своим собственным властителем (Арендт 2011: 47). Парадокс в этом случае заключается в том, что народ здесь – это включающая в себя целостность, являющаяся полностью исключенной. Народ несет этот фундаментальный биополитический разрыв между голой жизнью («народ» с маленькой буквы) и политическим существованием («Народ» с большой буквы), между исключением и включением, между правами человека и правами гражданина. Этот разрыв является предварительным условием его собственно политической разбивки на «друзей» и (внешних и внутренних) «врагов», а суть суверенитета как раз и определяется в числе прочего и правом решать вопрос о «друзьях» и «врагах» (К. Шмитт). Народ как аполитичный элемент политизируется единственно возможным, по мнению К. Шмитта, образом, а именно «благодаря превращению племенного равенства в критерий, который, отделяя чужое от тождественного, всякий раз служит основой для принятия решения о том, кто есть друг, а кто враг. <...> расизм таким образом становится диспозитивом, посредством которого суверенная власть (которая для Фуко совпадает с властью над жизнью и смертью, а у Шмитта – с решением о чрезвычайном положении) вновь включается в биовласть» (Агамбен 2019: 130). Становится понятно, почему фашизм и нацизм являются предельным и закономерным выражением противоречивой сути национального государства, делающего основанием политического бытия людей их биологическое существование. Если народы в качестве наций выступают как естественным образом отделенные друг от друга племена, общим знаменателем которых является инстинкт самосохранения, выживания, роднящий людей с животным миром, то они становятся расами, от природы навеки приговоренными к борьбе друг против друга (Арендт 2008: 32).

Семантическая двойственность понятия «народ» отражает противоречивость национального государства и демократии как формы реализации национального суверенитета *par excellence*. Демократия как «власть народа» по логике вещей должна была бы быть самой совершенной формой общественно-государственного устройства, так как представляла бы собой полное единство управляющих и управляемых. Тогда исчезло бы

всякое сопротивление, все управленческие решения реализовывались бы естественным образом, ибо тот, кто подчиняется (народ), является тем, кто правит (народ), пускай даже посредством своих отдельных представителей («народное единство» на языке нацистов: «один народ, одна страна, один вождь»). Очевидно, именно поэтому демократия так будоражит и вдохновляет политическое воображение начиная с новоевропейского этапа истории человечества. Поскольку же такое совершенное управление и единство народа и власти никогда и нигде не достигаются, подспудно продуцируется иллюзия о «нечистоте» народа, о присутствии в «теле» народа некоего чужеродного элемента, не-народа. Это объясняет, почему народ должен постоянно переопределять самого себя и очищаться через исключение, опираясь на такие критерии, как кровь, язык, территория. С этого момента полиция обретает собственный суверенитет. Данный факт вопреки распространенному мнению, что полиция является чисто административной функцией исполнения права, демонстрирует с предельной ясностью конститутивную близость между насилием и правом, характеризующую суверенную власть. Если суверен – это тот, кто, объявляя чрезвычайное положение, приостанавливает действие закона, то полиция постоянно действует в режиме фактического чрезвычайного положения, так как, принимая решения в каждой конкретной ситуации по вопросам общественного порядка и безопасности, она, подобно суверенной власти, продуцирует зону неразличимости между правом и насилием (Агамбен 2015: 106). В рамках биополитики полицейская забота о жизни становится неотличимой от борьбы против врага, который является носителем тенденций, подобных болезни. Так, «окончательное решение еврейского вопроса», сформулированное в ходе Ванзейской конференции с участием практически только полицейских функционеров Третьего рейха, задумывалось исключительно как полицейская операция, которая должна была стать «санитарной обработкой», поскольку антисемитизм являлся вопросом не идеологии, а социальной гигиены (евреи расценивались в качестве вредных насекомых, разносчиков опасных болезней в теле народа).

Выход на первый план полиции в вопросах решения проблемы прав человека был связан с ростом в Западной Европе количества беженцев и безгосударственных лиц. Правительства национальных государств были неспособны обеспечить законность тех, кто лишился защиты своего прежнего покровительства, поэтому они передавали все такие дела в ведение полиции, которая, в свою очередь, получила власть действовать самостоятельно, прямо управляя людьми (Арендт 1996: 386). По мнению Ж. Рансьера, различие между политикой и полицией состоит в том, что политика всегда принимает во внимание исключение, так как это конституирующий элемент. Полиция же стремится к созданию единства безо всякого исключения, которое для полиции всегда «нежелательный элемент» (Рансьер 2006: 208-210). Именно по такой логике современная глобальная политика, объектом которой выступает «народ Земли», является полицией. Человеческая свобода в политическом аспекте невозможна без плюрализма, который предполагает различные образы мысли и различные образы

жизни. Универсальное же общество есть отрицание этой свободы, ибо оно возможно только в том случае, если каждый придерживается одного принципа, способного объединить все страны и народы, потому что он в равной степени превосходит их все. «Националистическая» концепция законодательства, отождествляющая сущность права с представлением о пользе нации, будучи примененной в масштабах человечества в целом, неизбежно приведет к тому, что «в один прекрасный день высокоорганизованное и механизированное человечество весьма демократично придет к заключению – и непременно решением большинства, – что для человечества как целого будет лучше, если ликвидировать определенные его части» (Арендт 1996: 400).

Итак, образ беженца сегодня воплощает права человека в полном значении слова, указывая тем самым на радикальный кризис соответствующей идеологии. В условиях национального государства «неотчуждаемые» права человека оказываются лишенными всякой гарантии и защиты, когда становится невозможно придать им форму прав гражданина. Так или иначе, потеря национальных прав равносильна потере прав человека. «Все последствия этого отождествления прав человека с правами народов в европейской системе национальных государств, – пишет Х. Арендт, – высветились только тогда, когда внезапно появилось растущее число людей и народов, чьи элементарные права так же мало обеспечивались обычным функционированием национальных государств в центре Европы, как мало были бы они защищены и в сердце Африки» (Арендт 1996: 390). Как только человек попадает в ситуацию непринадлежности к какому-либо сообществу, он становится «лишним», никому не нужным, и тогда его жизнь оказывается под угрозой. Симптоматично, что первые лагеря в Европе были построены именно в качестве способа контроля над беженцами, а затем прошли своеобразный путь «эволюции»: возникнув как лагеря для интернированных, куда можно было «пристроить» беженцев, тем самым решая проблему невозможности их депортации, они затем превратились в концентрационные лагеря, а потом в лагеря смерти. По Нюрнбергским расовым законам, евреев и цыган отправляли в лагеря смерти только после их полной денационализации. Как только права человека перестают быть правами гражданина, человек в полном смысле становится «сакральным» (*sacer*), что означало в старом римском праве «приговоренный к смерти» (Агамбен 2015: 31).

Как считает Ю. Хабермас, изначальное диалектическое напряжение между правами человека и правами гражданина состоит в том, что права человека могут достигать позитивного значения основных прав лишь в некой партикулярной общности, прежде всего в условиях национального государства. Вместе с тем их притязание на универсалистскую, переходящую через все национальные границы значимость могло бы найти разумное разрешение, по его мнению, только в охватывающей весь мир инклюзивной общности (которая поэтому не должна наделяться качествами государства) с демократической конституцией (Хабермас 2013: 33-34). Однако в данном вопросе следует согласиться с точкой зрения Х. Арендт, что «эта

правовая дилемма не исчезнет и с установлением “мирового правительства”» (Арендт 1996: 399). И дело тут даже не в том, что такое мировое правительство на самом деле будет сильно отличаться от его идеалистической версии, а в том, что оно будет по-прежнему включено в работу биополитической машинерии, истоки которой восходят к трактовке человека как «политического животного» (*zoon politikon*), провоцирующей рассматривать человека не только как живое существо, способное к политическому общению (Аристотель), но и как просто живое существо, жизнь которого в политике ставится под вопрос (М. Фуко). Натурализация человека, сведение его к «политическому животному», «разумному животному» и пр. все больше становится сомнительной. Символическое производство человеческого существования традиционно устанавливается в рамках его отношения к животному, где определенность человека и животного является взаимообусловленной. В результате животное антропологизируется, оказываясь недочеловеком, а человек анимализируется, представляется как сверх-животное и пост-животное (М. Хайдеггер). Цезура между человеческим и животным открывает пространство неопределенности, в котором возникает голая жизнь, не являющаяся ни человеком, ни животным. Голый человек (*homo sacer*) предстает как существо «человек вообще», на символическом уровне как полностью объективированное слово автономизированного языка. Голый человек представляет собой «пережиток» человека, который больше никогда не сможет стать животным, существующим «для» чего-то, тем, о ком заботятся, хотя бы даже ради какой-то выгоды. Таким образом, на пределе обнаруживается голое человеческое существование, лишенное заботы о собственном предназначении. Дж. Агамбен иллюстрирует подобную ситуацию через медицинскую проблему констатации смерти, которая оказывается биополитической. Обращаясь к теме определения комы, он показывает, что человек в этом состоянии становится телом, которое может подвергаться любым хирургическим вмешательствам и служить источником донорских органов (Агамбен 2011: 203-210). Он бесправен как животное, тело которого ему больше не принадлежит, и полностью зависит от воли других, тем самым оказываясь существом, промежуточным между человеком и животным. Организмы отныне принадлежат общественной власти, то есть «национализируются». Возникает проблема, связанная с тем, насколько можно считать «национализированное» тело собственно человеческим. Утрачивая границы индивидуализированной и субъективированной собственности, оно становится телом нации, лишается неприкосновенности, теряет незыблемую суверенность, исключительное право собственности человека, удостоверяющее его автономию как право на собственную жизнь. Тело человека переходит из состояния «бытия-для-себя» в состояние «бытия-для-всех», поступает в распоряжение других, которые могут поступать с ним как угодно. Оно лишается защиты закона, с него снимаются все защитные покровы, а значит, оно может быть уничтожено без вины и ответственности. Преодоление биополитического производства не-человеческого возможно на путях переориентации мышления о соотношении человеческого и животного на необходимость переопределения

человеческого присутствия на его собственной основе, что в свою очередь предполагает требование мыслить животность в человеке как чистую оставленность (Дж. Агамбен), ибо животное не является уделом человеческого бытия. Поэтому действительное решение данной проблемы видится на путях «по ту сторону» биополитического диспозитива прав человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агамбен Дж. 2011. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. Москва : Европа. 256 с.
- Агамбен Дж. 2015. Средства без цели : Заметки о политике. Москва : Гилея. 148 с.
- Агамбен Дж. 2019. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во Ин-та Гайдара ; Фак. свободных искусств и наук С.-Петербург. гос. ун-та. 552 с.
- Арендт Х. 1996. Истоки тоталитаризма. Москва : ЦентрКом. 672 с.
- Арендт Х. 2008. Скрытая традиция : эссе. Москва : Текст. 221 с.
- Арендт Х. 2011. О революции. Москва : Европа. 464 с.
- Арендт Х. 2018. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 712 с.
- Аристотель. 1983. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Москва : Мысль. Т. 4. С. 375–644.
- Кант И. 1994. Сочинения. В 8 т. Т. 8. Москва : Чоро. 718 с.
- Монтескье Ш. 1955. Избранные произведения. Москва : Гос. изд-во полит. лит. 799 с.
- Рансьер Ж. 2006. На краю политического. Москва : Праксис. 240 с.
- Хабермас Ю. 2013. Эссе к конституции Европы. Москва : Весь Мир. 144 с.
- Шмитт К. 2016. Понятие политического. Санкт-Петербург : Наука. 567 с.
- Яркеев А.В. 2016. «Право на жизнь» в пространстве биополитики // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. Т. 26, № 1. С. 28–35.
- Яркеев А.В. 2017. Бытие прав человека в дискурсе биополитики // Евразийский юридический журнал. № 11 (114). С. 451–453.

Aleksey V. Yarkeev, Udmurt Branch, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia. E-mail: alex_yarkeev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0068-468X
SPIN-код: 3460-4549

Article recived 06.06.2019, accepted 10.09.2019, available online 13.01.2020

ISSUE OF HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF NATIONAL STATE: BIOPOLITICAL ASPECT

Abstract. The article shows the biopolitical essence of human rights in the national state, which sovereignty based on a birth as a biological fact (natio) establishes the identity between birth and nationality. The mechanism by which national sovereignty inscribes

biological existence («inalienable» human rights) into the political space (citizen's rights) eliminating the gap between biological existence and political existence is shown. Human being is understood as the core of the citizen, and human rights – as the conditions for inclusion into political community. Within the framework of the notion of national sovereignty, rights are conferred on a person only to the extent that s/he is seen as an immediately disappearing prerequisite of the citizen. If a nation is interpreted as a natural-organic «closed society», to which a person belongs by right of birth, and in which political equality is replaced by natural equality, then the state is understood as an «open society» that governs the territory through the establishment and maintenance of law and order. The merger of the state as a political institution, and the institution of law and order with the nation as a biological substance leads to a confusion of citizen's rights with rights of «compatriots upon birth»; thus, there are national rights. Such identification of nation and state is the meaning of the national state as a biopolitical entity when the state becomes an instrument of the nation. Through identification with the state, the nation demands expansion as its national right; it demands an increase in the power and prosperity of the state in the name of the well-being of the nation, which often almost automatically leads to imperialism. The article examines the figure of the refugee or the stateless individual, which destroys the biological and political identity making visible the fictitious national sovereignty, and bringing to light the powerless «bare life» (homo sacer) without covering its mask of a citizen. In this regard, the author substantiates the problem of ensuring human rights in the modern world, which has lost their own citizenship de facto or de jure.

Keywords: biopolitics; naked life; human rights; citizen's rights; national state; refugees; people; imperialism; fascism.

For citation: Yarkeev A.V. *Problema prav cheloveka v kontekste nacional'nogo gosudarstva: biopoliticheskij aspekt* [Issue of human rights in the context of national state: Biopolitical aspect], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 31-44. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00007(in Russ.).

References

Agamben G. *Carstvo i Slava. K teologicheskoj genealogii jekonomiki i upravlenija* [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government], Moscow, St. Petersburg, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, 552 p. (in Russ.).

Agamben G. *Homo sacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life], Moscow, Evropa, 2011, 256 p. (in Russ.).

Agamben G. *Sredstva bez celi : Zametki o politike* [Means without End: Notes on Politics], Moscow, Gileja, 2015, 148 p. (in Russ.).

Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], Moscow, CentrKom, 1996, 672 p. (in Russ.).

Arendt H. *O revoljucii* [On Revolution], Moscow, Evropa, 2011, 464 p. (in Russ.).

Arendt H. *Opyty ponimaniya, 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm* [Experiences of understanding, 1930–1954. Becoming, exile and totalitarianism], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2018, 712 p. (in Russ.).

Arendt H. *Skrytaja tradicija : jesse* [The hidden tradition : essay], Moscow, Tekst, 2008, 221 p. (in Russ.).

Aristotle. *Politika* [Policy], *Aristotel'. Sochinenija : v 4 t.*, Moscow, Mysl', vol. 4, 1983, pp. 375-644. (in Russ.).

Habermas Yu. *Jesse k konstitucii Evropy* [Essays on the Constitution of Europe], Moscow, Ves' Mir, 2013, 144 p. (in Russ.).

Kant I. *Sochinenija. V 8 t. T. 8* [Words, in 8 vols., vol. 8], Moscow, Choro, 1994, 718 p. (in Russ.).

Montesquieu Ch. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi litteratury, 1955, 799 p. (in Russ.).

Rancière J. *Na kraju politicheskogo* [On the Shores of Politics], Moscow, Praxis, 2006, 240 p. (in Russ.).

Shmitt K. *Ponjatie politicheskogo* [The Concept of the Political], St. Petersburg, Nauka, 2016, 567 p. (in Russ.).

Yarkeev A.V. «Pravo na zhizn'» v prostranstve biopolitiki [“Right to life” in the space of biopolitics], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Filosofija. Psihologija. Pedagogika*, 2016, vol. 26, no. 1, pp. 28-35. (in Russ.).

Yarkeev A.V. *Bytie prav cheloveka v diskurse biopolitiki* [The existence of human rights in the discourse of biopolitics], *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*, 2017, no. 11 (114), pp. 451-453. (in Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Кавеева А.Д., Сабурова Л.А., Эстрина Ю.Ю. Ускользающее доверие в цифровых коммуникациях: что связывает пользователей в виртуальных сообществах?. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00008 // Антинормии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 45–65.

УДК 32.019.52

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00008

УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ ДОВЕРИЕ В ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ: ЧТО СВЯЗЫВАЕТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ?¹

Аделя Динаровна Кавеева

аспирант кафедры общей и этнической социологии
Казанского федерального университета

г. Казань, Россия

E-mail: adele.kaveeva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8689-5532

ResearcherID: D-3499-2017

ScopusID: 57189662019

SPIN-код: 5837-4683

Людмила Альбертовна Сабурова

кандидат философских наук,

старший научный сотрудник

Удмуртского филиала

Института философии и права Уральского отделения РАН

г. Ижевск, Россия

E-mail: sabur@udm.ru

ORCID: 0000-0002-7243-652X

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 19-011-00761 «Построение прогнозных моделей динамики развития Интернет-сообществ».

ResearcherID: K-2275-2018

SPIN-код: 6296-8340

Юлия Юрьевна Эстрина

лаборант кафедры социологии

Института истории и социологии

Удмуртского государственного университета

г. Ижевск, Россия

E-mail: avisart@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3972-2943

SPIN-код: 9747-7848

*Статья поступила 08.07.2019, принята к печати 02.10.2019,
доступна online 13.01.2020*

В статье поднимается вопрос о релевантности применения категории доверия к анализу интернет-коммуникаций, в частности к исследованию интеграции пользователей в онлайн-сообществах в социальных сетях. С учетом того, что именно проблемы доверия или недоверия к онлайн-сообществам и объединениям в России сегодня оказываются фактором, резко раскалывающим общество и подталкивающим государство к усилению контроля за Интернетом, вопрос доверия как внутреннего фактора развития онлайн-сообществ становится актуальным не только в научном, но и в политическом плане. В статье предпринимается попытка теоретического осмысления феномена горизонтальной интеграции в онлайн-сообществах как процесса, отличающегося по своей природе и механизмам от генезиса реальных сообществ, возникающих в вертикально интегрированных социальных структурах, либо адаптирующихся в вертикально ориентированной социальной среде. Использование подхода *обоснованной теории (grounded theory)* к анализу динамики онлайн-сообществ мобилизационного типа в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook» обнаружило слабую значимость фактора межличностного доверия в функционировании и развитии наблюдаемых сообществ. Противоречие этого факта устоявшимся классическим представлениям о доверии как основе социального взаимодействия и ключевой составляющей социального капитала сообществ и социальных групп может быть объяснено только через уточнение специфики взаимодействия в онлайн-сообществах. В качестве таких специфических характеристик в статье рассматриваются: наличие институционального доверия «на входе» в группу, основанного на согласии пользователя с ценностями, правилами и нормами группы при высокой степени определенности ценностей, правил и норм (1); отсутствие иерархической структуры, редуцирующее ролевые наборы и ролевые ожидания участников группы до минимума (2); доминирование связей «слабейшего» типа по сравнению с «сильными» и «слабыми» типами связей, подразумевающих отсутствие личного знакомства и, соответственно, предотвращающих вторжение в онлайн-коммуникации «культуры недоверия», преобладающей в оффлайн-социальной среде (3). В статье выдвигается предположение, что роль доверия как элемента социального капитала в межличностных взаимодействиях в интернет-коммуникациях снижается, но растет роль институционального доверия – к определенным информационным потокам, социальным движениям, Интернету как инструменту общения. Хотя в чистом виде горизонтальная интеграция распространена далеко не во всех сегментах Интернета и характерна отнюдь не для всех типов онлайн-сообществ, рост объема онлайн-коммуникаций

во всем мире, и в России в частности, позволяет предполагать дальнейшую трансформацию самого феномена доверия в контексте «онлайн-социальности» именно в направлении большей его институционализации и деперсонализации..

Ключевые слова: доверие, институциональное и межличностное доверие, онлайн-сообщества, горизонтальная и вертикальная интеграция.

Пространство интернет-коммуникаций на сегодняшний день является одним из наиболее изучаемых объектов, с одной стороны, а с другой – объектом, наиболее сложным для непредвзятого анализа ввиду обилия политических, идеологических, бытовых коннотаций, особенно в русскоязычном сегменте. Особенность российского сегмента интернет-коммуникаций состоит в том, что переход к принципиально новой конфигурации связей и отношений в интернет-пространстве для российского пользователя оказался более радикальным, чем тот же переход в странах с гораздо менее жестко иерархизированными социальными структурами и меньшей централизацией общественных ресурсов. В результате этого перехода все более очевидным становился разрыв между иерархически-детерминированной и вертикально-ориентированной структурой оффлайн-социума и горизонтально-интегрированными виртуальными мирами, вырабатывающими собственные правила поведения и общения. Революционирующие эффекты нарастания этого разрыва вынуждают наиболее сильных агентов по обе стороны этой «пропасти» продуцировать стратегии гармонизации и синхронизации реального и виртуального миров. Так, лидеры мнений, формирующие актуальную повестку современного российского общества в традиционных средствах массовой информации, явно тяготеют к идеологической демонизации Интернета, принимают непрекращающиеся попытки взять под контроль виртуальные процессы, подчинить их логике вертикальной интеграции. Вместе с тем нарастание горизонтальной интеграции в виртуальных сетевых сообществах все чаще выходит за рамки сугубо виртуального общения, выплескивается в реальную социальную активность, озадачивающую адептов иерархии и вертикального порядка отсутствием понятных и привычных алгоритмов мобилизации.

В этом контексте остро актуализируется тематика сравнения закономерностей поведения и развития реальных и виртуальных сообществ в научном дискурсе, оправданности применения традиционных теоретико-методологических инструментов к анализу процессов интеграции в Интернете. Большинство исследователей, как отечественных, так и зарубежных, признавая существование глубоких различий между реальными и виртуальными сообществами, тем не менее экстраполируют теоретические и методологические принципы изучения реальных сообществ на анализ поведения и развития сообществ виртуальных. Однако ряд авторов ставят под сомнение корректность подобной экстраполяции. Например, сторонник концепции *виртуального человека* и *виртуальной культуры* Т. Белсторфф настаивает, что практики интернет-среды и практики реального мира не пересекаются и не объясняют друг друга, существуя автономно (Boellstorff 2008). Основоположник *дигитальной антропологии* Д. Миллер полагает, что

особенность социальных сетей заключается в том, что они задают иные принципы масштабирования социальной коммуникации и создают новые форматы общения людей в условиях пространственной удаленности. В социальном смысле технологии, которые сделали это возможным, представляют собой, по мнению Д. Миллера, артефакт, особое социокультурное сочетание материального и нематериального (невещественного) (Miller 1994). И, несмотря на то что многие исследователи строят формализованные модели поведения интернет-сообществ, используя такие традиционные категории описания и измерения сообществ, как «сплоченность» (Ярская-Смирнова, Печенкин, Решетников 2014), «идентичность» (Войскунский, Евдокименко, Федунина 2013), «самопрезентация» (Nahapiet, Ghoshal 1998; Moibus, Quoc-Anh 2004), «социальная структура», «лидерство» (Бондаренко 2004) и т.д., вопрос релевантности всех этих характеристик изучаемым процессам остается открытым.

В частности, одной из наиболее уязвимых с точки зрения релевантности понятия изучаемому типу взаимодействия является категория доверия, которая традиционно считается базовой для описания социальных общностей и социального взаимодействия как такового.

Взаимодействие в социальных сетях в связи с технологической опосредованностью имеет свои особенности и, по сравнению с обычным общением, отличается большей степенью неопределенности, что подразумевает необходимость дополнительных условий для обеспечения эффективности социальных транзакций. По мнению ряда исследователей, доверие относится к наиболее значимым условиям такого рода (Sherchan, Nepal, Paris 2013). Вопрос о взаимном доверии пользователей при исследовании интернет-коммуникаций актуален и в плане проблематики жизненных циклов блог-платформ: не все социальные сети способны долго сохранять и увеличивать число пользователей.

Вне зависимости от среды взаимодействия доверие определяется социологами как степень уверенности индивида в собственном прогнозе относительно будущих действий контрагента в условиях невозможности контроля его поведения и всей ситуации взаимодействия. Доверие традиционно считается одной из основных составляющих социального капитала: методики его измерения активно используются при проведении исследований, хотя однозначное определение термина, описание сущности явления и механизмов его функционирования в социологической теории пока не представлены (Алмакаева 2014).

В современных сетевых исследованиях доверие нередко упоминается в связи с концептами *бондингового* и *бриджингового* социального капитала (Field 2017). Согласно данному подходу типы социального капитала напрямую складываются из особенностей проявлений внутригруппового доверия: исследователи выделяют доверие специфическое, направленное на конкретные ситуации или группы (бондинговый социальный капитал), и генерализованное доверие к людям вообще вне зависимости от ситуации, личного знакомства, этнической, религиозной или любой другой принадлежности (бриджинговый социальный капитал). Кроме того, доверие

в социальных сетях рассматривается как межличностное доверие между двумя пользователями (Adali et al. 2010), доверие к самой платформе, сайту социальных сетей (Chang, Liu, Shen 2017; Gefen, Karahanna, Straub 2003; Bhattacharjee 2002) или доверие к группе, сообществу, созданным в социальной сети.

Для исследования феномена доверия в социальных коммуникациях наиболее важны следующие аспекты: а) доверие как инструмент принятия рационального решения в ситуации неопределенности (Коулмен 2001); б) доверие как стимул для социальных транзакций (Норт 1997; в) доверие как компенсаторный механизм и «защитная оболочка», поддерживающая связность и целостность общественных взаимодействий (Гидденс 2011); г) доверие как фактор минимизации рисков при принятии решений в условиях информационного дефицита (Луман 2000).

Однако даже при анализе реальных социальных процессов вопросы социального доверия остаются наименее удобными для эмпирического изучения в силу очевидной субъективности и эмпирической неопределенности самого феномена (Неофитова 2016). Обращаясь же к виртуальным сообществам, можно констатировать серьезный разрыв между теоретическими концептами, подчеркивающими существенную и даже растущую роль доверия в интеграции сетевых сообществ (Гужавина, Силина 2016), и значительным смысловым разбросом в эмпирической интерпретации понятия доверия. В качестве имплицитного признака доверие входит в описание и анализ интернет-коммуникаций при вступлении пользователя в определенную группу и допущении администратором группы пользователя в члены группы, а также при исследовании предпочтений в выборе провайдера товара или услуги, концентрации дружеских отношений в «узлах доверия», системы рекомендаций, основанных на мнениях авторитетных участников (Максименко, Долгова 2018). Однако в любой из данных интерпретаций доверие оказывается тождественным иным признакам, таким как дружба, объединение, коммуникация, интерес, сплоченность и т.д., не привнося в смысловое поле исследований виртуальных сообществ новых значений или аспектов. Эта методологическая и теоретическая неопределенность еще более актуализирует задачу переосмысления теоретического инструментария изучения виртуальных сообществ, в том числе базовых интегрирующих составляющих интернет-сообществ – доверия, взаимозависимости, сплоченности, групповой идентичности. И *доверие* оказывается в этом ряду понятий наиболее проблематичным, демонстрирующим наибольшую смысловую и функциональную неопределенность применительно именно к анализу онлайн-сообществ.

Преодоление этой неопределенности в использовании понятийного аппарата теории сообществ, в том числе таких понятий, как *интеграция*, *сплоченность*, *доверие*, применительно к анализу динамики онлайн-сообществ являлось одной из основных задач первого этапа исследования «Построение формализованной модели динамики интернет-сообществ мобилизационного типа».

Именно для того чтобы избежать экстраполяции уже существующих и устоявшихся теоретических представлений о поведении сообществ и факторах их интеграции на принципиально новую предметную область и подойти к изучению интеграции виртуальных сообществ в социальных сетях как к предмету, с большой долей вероятности обладающему собственной природой и механизмами функционирования, в эмпирической части исследования был использован подход *обоснованной теории* (*grounded theory*), позволяющий индуктивными методами выявлять связи и закономерности в социальных процессах, представляющихся новыми либо мало исследованными (Strauss, Corbin, 1998). Сущность подхода состоит в том, что концепты и гипотезы вырабатываются как результат непосредственного наблюдения, фиксации и накопления фактов по мере поиска общих и особенных характеристик протекания социальных процессов. Формирующиеся при этом предположения о существенных признаках и их связях затем валидизируются с помощью набора определенных процедур.

На первом этапе исследования осуществлялось сплошное наблюдение поведения пользователей – членов 12 сообществ в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook» (5 – в «ВКонтакте» и 7 – в «Facebook»). Для построения модели функционирования и развития виртуальных сообществ были выбраны группы мобилизующего типа, то есть группы, предполагающие в качестве основной или промежуточной цели общения совершение неких согласованных действий в «оффлайне». По остальным признакам – географическому охвату, количественному составу, возрасту группы – ввиду тематики отбор групп строился по принципу достижения максимального разнообразия. В частности, в выборку входили группы:

- а) ориентированные на общероссийское, региональное и локальное представительство;
- б) связанные узкопрагматическими темами и задачами на уровне региона или места жительства («Жители Тимирязевского района», «Поборы в школах и детсадах»);
- в) отстаивающие права профессиональных групп на общероссийском уровне («Профсоюз медработников “Действие”», «Профсоюз “Университетская солидарность”»);
- г) защищающие права сексуальных меньшинств на международном уровне («Альянс гетеросексуалов и ЛГБТ за равноправие»);
- д) продвигающие инновационные способы социального поведения («Зеленый паровоз»);
- е) объединенные общим хобби или профессиональными проектами («Лига Ижевского Свояка», «Библиотеки – пространства развития»);
- ж) образующиеся вокруг благотворительных проектов локального и межрегионального масштаба («Лыжи мечты в Ижевске», «Все вместе (благотворительный фонд)», вокруг общих профессионально-экспертных задач («Pro bono Проект “Право 45”», «Пражский клуб»). Все группы имеют статус открытых. Полный перечень изучаемых групп со ссылками приводится в приложении.

В задачи наблюдения входило ознакомление со всеми процессами и событиями (*incidents*), происходящими в сообществах на ежедневной

основе – фиксация и изучение всех публикаций, комментариев, обсуждений, реагирований участников на события, количественных изменений, происходящих в группах – увеличения или уменьшения количества участников и т.д. Поскольку наблюдение в силу выбранной методологии не предполагало наличия формализованного инструментария и заранее заданных эмпирических границ, аналитики-наблюдатели фиксировали все происходящее в группах и выделяли те события, которые, по мнению наблюдателя, фактически или гипотетически меняли уровень или содержание интеграции, поскольку основным (исходным) исследовательским вопросом является вопрос о том, как осуществляется и изменяется интеграция в виртуальных сообществах. Поскольку методология обоснованной теории подразумевает отказ от использования уже сложившихся теорий и концептов в процедурах отбора и фиксации событий, событием, характеризующим интеграцию, являлся любой факт связи/взаимодействия людей между собой в пределах группы. Результаты фиксировались в дневниках наблюдений по каждой из изучаемых групп.

В соответствии с выбранной методологией наблюдения велись одновременно четырьмя независимыми исследователями, обладающими достаточным уровнем теоретической чувствительности (*sensitivity*), определяемым предшествующим профессиональным и исследовательским опытом. Таким образом, *процедура открытого кодирования* предполагала постоянное проведение двойных операций сравнения: сравнения событий, фиксируемых одним исследователем, и событий, наблюдаемых и описанных разными исследователями. На этапе *осевого кодирования* были обозначены основные связи между выявляемыми событиями, контекстом, обусловленность возможных каузальных связей свойствами изучаемых сообществ. На момент перехода к *избирательному кодированию* в дневниках и заметках наблюдателей была уже сформирована обширная понятийная сетка, описывающая процессы интеграции с учетом всех состоявшихся за два месяца мониторинга событий, выявленных значений контекста, возможных причин события, эмпирически доступных характеристик события – более 80 категорий анализа, пригодных к построению системы иерархических связей после процедуры отбора. Эти категории анализа обозначают фактические качественные и количественные признаки (индикаторы) интеграции (изменение объема сообщества, темпы роста/снижения численности, количество лайков под публикацией, количество постов в обсуждениях и количество участников обсуждений, доля активных участников, количество репостов, количество просмотров, эмоциональность обсуждений, солидарные реакции на просьбы и т.д.), свойства группы и участников в качестве контекстуальных признаков, возможные причины событий (внешние и внутренние), предшествующие события, специальные усилия лидеров группы и т.д.).

Результаты осевого кодирования показали, что множество признаков, выявленных и категоризированных исследователями, совпадает с привычными категориями для исследования общностей лишь частично. С одной стороны, не все категории онлайн-действий пока получили свои

«понятийные ярлыки» (например, такие как использование тегов и хештегов, использование эмодзи, иронии, отношение группы к оффтопу и т.д.). Это неполное совпадение, абсолютно предсказуемое в контексте реализуемой методологии, является поводом для дополнительного внимательного изучения данных феноменов и их роли в интеграции.

С другой стороны, не весь понятийный аппарат теории сообществ оказался востребованным в процедурах категоризации. Именно в результате осевого кодирования обнаружилось, что за два месяца сплошного наблюдения имели место всего два эпизода проявления недоверия, причем оба эпизода никак не повлияли на количественные и качественные признаки (индикаторы) интеграции. Один, повторяющийся, эпизод – эпизод дефицита доверия со стороны некоторых участников группы по отношению к участнику, призывающему к оффлайновой активности. В группе под названием «Жители Тимирязевского района» (Facebook) недоверие проявилось в обвинениях инициативной участницы группы в «попытке построить политическую карьеру за счет активности жителей района» (см. прил.). Другой эпизод также связан с проявлением межличностного недоверия в группе «Поборы в школах и детсадах»: участники группы выражали желание анонимного проведения опроса по нарушениям в школах, опасаясь неприятных последствий для своих детей (см. прил.).

Следует отметить, что в обоих эпизодах наблюдатели не отмечали снижения или повышения интеграции группы в качестве следствия. Не были зафиксированы уменьшение или увеличение количества участников, изменения в объеме поддержки материалов, рост интенсивности коммуникаций и иных событий, фиксируемых наблюдателями как события, проявляющие свойства маркеров интеграционных или дезинтеграционных процессов. Таким образом, в ходе анализа было выдвинуто предположение, что в целом весь материал наблюдения и фиксации изменений, происходящих в изучаемых группах, вполне может осмысливаться концептуально и без привлечения категории доверия как значимого фактора интеграции.

Означает ли это, что доверие в цифровых коммуникациях в формате «сообщество в социальной сети» оказывается не столь значимой предпосылкой общения? Иначе говоря, доверие, в противовес мнению многих исследователей, в том числе и Фукуямы, в виртуальном сообществе отнюдь не является обязательной составляющей социального капитала участников данного сообщества (Фукуяма 2004). Либо, как предполагают некоторые исследователи, доверие в виртуальных сообществах «работает» каким-то иным образом и имеет иные смыслы, нежели в реальных коммуникациях (Gross, Acquisti 2005).

Ответы на эти вопросы могут лежать как в плоскости выявления методических ограничений проводимого эмпирического исследования, так и в области уточнения самого концепта доверия применительно к анализу виртуальных сообществ.

Очевидными методическими ограничениями выступают критерии выбора анализируемых сообществ, во-первых, и период наблюдения, во-вторых. Что касается выбора сообществ, в список изучаемых групп наме-

ренно не были включены сообщества коммерческой направленности (продвигающие товары, услуги, бренды и т.д.) и сообщества, формирующиеся вокруг тех или иных политических сил. Причина исключения таких сообществ из программы исследования кроется в том, что подобные сообщества не являются примерами горизонтальной интеграции в «чистом виде», ибо формируются целенаправленно заинтересованными субъектами для реализации своих частных интересов. То есть социальное взаимодействие в таких сообществах и модерируется, и управляется офлайн-актерами; это лишь один из инструментов достижения их целей. В этом смысле их следует рассматривать как классический пример гибрида виртуального и физического пространств, о котором упоминает Кастельс, характеризуя общение в «цифровом» пространстве (Кастельс 2012). С большой долей вероятности можно предполагать, что в онлайн-сообществах подобного типа фактор доверия присутствует в качестве доминирующего, отвечая за социальную капитализацию группы и, как следствие, за ее *офлайн-устойчивость*. Но в любых группах гибридного типа интеграционные процессы задаются целенаправленными вертикально-структурированными воздействиями, и, соответственно, динамика интеграции будет описываться в категориях управленческой логики, а не естественной логики саморазвития коммуникационной системы.

Что же касается ограничений по времени, не исключено, что период эмпирического наблюдения ограниченного числа сообществ оказался короче по сравнению с периодами изменения уровня доверия. Иначе говоря, доверие или недоверие не являются стабильными характеристиками ежедневного существования сообщества, а могут возникать в какие-то особые моменты. И, если принимать во внимание концептуальные ограничения в отношении феномена доверия, описанные А. Селигменом, полагающим, что зарождение доверия происходит на границах системы, в тех ее «зазорах, в том пространстве между ролями, где они подвергаются рассмотрению и интерпретации» (Селигмен 2002), наблюдение за поведением общностей необходимо продолжать до наступления неких кризисных для групп ситуаций, в которых эти «ролевые зазоры» могут возникать.

Относительно возможных концептуальных подходов к поискам *ускользящего* от взгляда наблюдателя феномена доверия наиболее перспективными направлениями анализа мы полагаем переосмысление роли и места доверия в интернет-коммуникациях и уточнение самого понятия доверия в плане общения с помощью цифровых технологий.

Констатируя самоочевидные факты, наблюдая поведение людей в виртуальном мире, можно утверждать, что доверие является фактором, лежащим в основе решения людей о вступлении в сообщество, – фактором, предваряющим решение о вступлении в коммуникацию. В этом контексте доверие действует в качестве селективного механизма в соответствии с принципами, которые описываются в литературе именно как принципы распределения доверия в интернет-пространстве и к которым относятся транзитивность, асимметрия и персонализация (Golbeck 2005; Golbeck, Hendlер 2006).

Но это распределение доверия работает до принятия решения об участии в сообществе. Следовательно, внутри самой коммуникации оно может оказываться за рамками эмпирического наблюдения. В таком случае доверие должно рассматриваться не в качестве ключевого, но в качестве фоновое условия существования группы. Будучи фактором мета-уровня по отношению к изучаемым динамическим процессам, доверие именно как межличностное отношение может анализироваться только в двух точках: входа в Сеть, в конкретную группу, конкретного пользователя и, соответственно, выхода из нее. Некоторые исследователи современных коммуникаций отводят доверию схожую роль – роль некоего «стартового» механизма, необходимого для начала взаимодействия (Singh, Bawa 2007).

Внутри же сообщества доверие приобретает характер институциональной характеристики, поскольку в большей степени относится не к участникам группы, а к ее нормам, ценностям и правилам.

В этом смысле можно также говорить и о другом уровне фонового *институционального доверия* – доверия по отношению к жанрам общения в Интернете, к самой Сети и ее отдельным сегментам. В российском контексте это институциональное доверие формируется под воздействием серьезно и целенаправленно выстраиваемой культуры недоверия (в терминологии П. Штомпки) к общению в Интернете, и особенно к общению в социальных сетях. Использование различных форм дискредитации социальных сетей посредством традиционных медиа, внедрение в сетевые коммуникации так называемых *ботов*, принятие законов об ответственности за размещаемую информацию и применение данных законов на практике – неполный перечень инструментов этой *культуры недоверия*, направленных против виртуальных коммуникаций. Однако согласно теории двух взаимосвязанных культур – доверия и недоверия, – недоверие в обществе способно обуславливать и развивать культуру доверия, которая, в свою очередь, является и важнейшим критерием измерения динамики всех сфер общественной жизни, включая политическую культуру (Sztompka 1991). Интернет сегодня, вероятно, выполняет эту функцию продуцирования культуры доверия, основанной на ценностях открытости, автономии и свободного выбора личности. Во всяком случае, показатели роста численности участников социальных сетей и иных виртуальных сообществ во всем мире, и в России в частности, несмотря на серьезную экспансию культуры недоверия, говорят о наличии такого институционального доверия, понимаемого как доверие самому институту Интернета безотносительно к участникам взаимодействия, конкретным сообществам или к конкретному информационному контенту. По данным экспертов, на начало 2019 г. количество пользователей социальных сетей во всем мире достигло почти 3,5 млрд, практически удвоившись с 2014 г., охват аудитории соцсетей в мире составил 45%. Российская аудитория соцсетей составляет 49% от общей численности населения – 70 млн активных пользователей (Сергеева 2019). Безусловно, популярность социальных сетей и темпы их развития и распространения не могут объясняться только лишь ростом доверия к ним и к Интернету как к пространству общения. В данном случае доверие выступает также не причиной, но

фоновым условием выбора пользователя, что лишний раз подчеркивает второстепенную роль доверия в качестве фактора онлайн-интеграции, но первостепенную – в качестве сопутствующего феномена.

Эти данные говорят о двух значимых для понимания распределения доверия процессах. С одной стороны, по чисто количественным показателям они означают рост запроса на «иную институциональную среду», поддерживающую «модерные нормы взаимодействия» (Мартьянов 2017), в том числе нормы открытости, рефлексивности, права на свободу слова и иные формы свободной самореализации, равноправия, ценности индивидуального социального капитала и т.д. С другой стороны, по качественным характеристикам пользователи соцсетей сегодня – это не только носители «модерных» и «позднемодерных» ценностей, как это было в «нулевые» годы, когда российские социальные сети осваивали наиболее образованные и мобильные социальные слои, в основном жители крупных городов. В настоящее время в социальных сетях достаточно ощутимо присутствие представителей антимодерного консенсуса с ярко выраженной культурой межличностного недоверия и лояльностью по отношению к господствующим ценностям. Как правило, этот социальный сегмент привносит в пространство виртуальных коммуникаций атмосферу подозрительности, склонность к обвинениям собеседников в скрытых политических интересах, страхи в выражении собственного мнения, которые, к слову сказать, количественно легко измеряются соотношением репостов и авторских постов. Однако, именно в соответствии с утверждением Штомпки (Sztompka 1991), определенная оппозиция культур доверия и недоверия в виртуальных коммуникациях усиливает институциональные основы культуры доверия – формирует гласные и негласные нормы коммуникаций, разделяемые всеми участниками. В какой-то степени именно сообщества в социальных сетях выступают носителями этой культуры доверия, полагая, с одной стороны, свободу выражения мнения основополагающей ценностью, а с другой – не позволяя этой свободе выходить за рамки общепринятых норм и оборачиваться пресловутой вседозволенностью. В большинстве групп в социальных сетях (а среди наблюдаемых – во всех) декларируются правила общения, часто схожие между собой. И наблюдение показывает, что контролируется соблюдение правил не только и не столько администраторами групп, сколько самими участниками. Если в правилах сообщества декларируется недопустимость личных оскорблений либо предложений товаров и услуг, то участники мгновенно реагируют на подобные эпизоды, обращаясь к «админу» с требованием заблокировать не соблюдающего правила пользователя. Напротив, в группах, где подобные правила не артикулируются, подобные действия остаются без реакции.

Таким образом, горизонтальная интеграция в сообществах порождает создание горизонтальных механизмов ответственности, которая минимизирует риски участников натолкнуться на не соответствующее ожиданиям поведение, в отличие от уровня рисков при ведении личных профильных страниц, где чаще проявляются элементы культуры недоверия («закрытые» страницы, минимизация личной информации, «закрытие» тех или иных

разделов для общения – комментариев, возможностей получать приглашения в группы и т.д.).

Исходя из предположения о наличии некоей устоявшейся культуры доверия в виртуальных сообществах, мы полагаем продуктивным интерпретировать *ускользание* доверия от эмпирического наблюдения именно за межличностным общением в группах в социальных сетях с помощью еще одной гипотезы, наиболее радикальной из всех возможных. Объяснение того, что в сплошном наблюдении за поведением групп в течение двух месяцев межличностные доверие/недоверие в качестве интеграционного/деинтеграционного фактора возникали в виде единичных незначительных эпизодов, не влияя на состояние и функционирование сообществ в целом, может заключаться в том, что анализ интеграции виртуальных сообществ вообще не нуждается в использовании категории *доверия*, во всяком случае, в изучаемом нами сегменте добровольных открытых сообществ мобилизационного типа. Данное предположение основывается как на тезисе о фоновом присутствии культуры доверия, определяющем участие людей в сообществе, но не влияющем на количество и качество коммуникаций внутри сообщества, так и на анализе спорадических эпизодов межличностного недоверия, упоминаемых выше. Эти эпизоды характеризовали ситуацию гипотетической возможности личного контакта участников в реальной жизни – прямого или опосредованного. Такое вторжение *культуры недоверия* в виртуальные коммуникации в обоих случаях оказывается экстраполяцией ролевых диспозиций и ожиданий, переносимых из опыта общения в реальном мире. Если провести мысленный эксперимент и теоретически представить себе виртуальное сообщество, в котором вероятность любых коммуникаций в оффлайне стремится к нулю, то элементы *культуры недоверия*, доминирующей в оффлайновой жизни, могут вообще не транслироваться в цифровое пространство. Но в таком случае отпадает и потребность в межличностном доверии как индивидуальном и групповом ресурсе, ибо ролевые ожидания значительно редуцируются по сравнению с реальным социальным миром, соответственно функция доверия как инструмента упрощения рационального выбора в ситуации «критической альтернативы», по Н. Луману, оказывается невостребованной.

Продолжая мысль о снижении уровня персональных рисков в виртуальных коммуникациях в сообществах, следует отметить также, что автономизация и персонализация субъектов коммуникации в виртуальных сообществах в условиях нарастания объема коммуникаций предполагают наличие обратного процесса – деперсонализации (обезличивания) и симуляции личного присутствия. При нарастании объема коммуникаций технологические системы создают возможности редуцированного реагирования на информацию – в виде *лайков*, *эмодзи* и др., формируя одновременно и систему редуцированных ролевых наборов, и систему редуцированных ролевых ожиданий. Кроме редукации ролей цифровые технологии дают возможность выбора любой формы самопрезентации в зависимости от желаемого уровня комфорта для пользователя, что позволяет участникам в меньшей степени ориентироваться на личность собеседника, осо-

зная, что личность в Сети – это не то, что есть «на самом деле», а набор информации, которую пользователь предпочел предъявить в виртуальном мире. И вопрос: «Что за личность скрывается за “ником”, указанным на странице?» – среди опытных пользователей воспринимается как неуместный, и даже не совсем корректный, поскольку посягает на свободу выбора и неприкосновенность личного пространства, которые относятся к числу фундаментальных ценностей в интернет-коммуникациях. Такие вопросы могут возникать у новичков, втягивающих элементы культуры недоверия в сетевое пространство. Но «сетевой этикет», предполагающий *презумпцию* доверия и ограничивающий пользователя только в рамках конвенционально принятых правил, подавляет эту экспансию недоверия через многократное подтверждение нормы права выбора пользователя называть себя каким угодно способом посредством равно уважительного общения опытных пользователей и с «Иваном Петровичем Сидоровым, доктором наук, финансовым консультантом группы компаний N из города M», и «Мишкой-на-Севере» без определенного адреса и места работы. Таким образом, сетевое равенство и сетевая демократия по умолчанию не осуждают анонимность участия, хотя и не всегда приветствуют эту анонимность.

Возможность анонимного и полуанонимного присутствия в виртуальных сообществах не означает наличия возможностей большего или меньшего доверия. Категории доверия и недоверия в условиях коммуникации, не выходящей за рамки виртуального мира, оказываются не релевантными целям и ценностям группы, которая не дублирует реальные оффлайн-группы и не стремится капитализировать ресурсы сообщества для последующих оффлайновых действий. Основные ролевые наборы и ролевые ожидания связаны с процессами обмена информацией (фактами, мнениями, эмоциями и т.д.). И в этом своем предназначении группы эффективно справляются с подобными задачами. Продолжая логику разделения связей на «сильные» и «слабые» (Грановеттер 2009), можно обозначить связи людей в виртуальных сообществах как «слабейшие». Если ресурс доверия по определению присущ «сильным» связям, определяя степень близости, если он желателен и необходим на минимальном уровне для формирования «слабых связей» (предполагающих хотя бы поверхностное личное знакомство), то для формирования «слабейших» связей доверие уже не выступает необходимым ресурсом. Скорее, в цифровой коммуникации большую роль играет не доверие к людям, а доверие по отношению к *контенту*, то есть к самой информации. И если в реальной жизни доверие к информации тесно связано с доверием к ее источнику, то нормы сетевого общения в условиях деперсонализации и частичной анонимизации, вероятно, работают в обратном направлении – от доверия к информации к доверию к источнику. Каким образом формируется доверие к информации в обществе, продуцирующем тотальную дезинформацию и порождающем «недоверие по умолчанию» (Крастев 2014), – это тема отдельного исследования. Следует лишь заметить, что одним из ролевых ожиданий и норм негласной сетевой этики при общении в виртуальных сетях является предоставление *пруфов* при публикации тех или иных фактов, затрагивающих интересы

других участников. И последующее обсуждение таких публикаций, опять же в соответствии с сетевым этикетом, происходит не по поводу личности автора публикации, а по поводу качества (надежности, убедительности) самого пружа.

Таким образом, *ускользание* доверия при изучении факторов интеграции виртуальных сообществ не является частной методической проблемой доступности эмпирического наблюдения и измерения этого свойства социальных общностей. Доверие как феномен, обеспечивающий саму возможность коммуникации и ее качество, в виртуальных сообществах смещается с уровня межличностного доверия на уровень доверия институционального – доверия формату виртуальных сообществ, доверия конкретному сообществу, его правилам и ценностям. При этом доверие в плане эмпирического исследования оказывается признаком, практически тождественным признаку интеграции. И различие между этими признаками может быть осуществлено лишь при теоретическом анализе процесса (интеграции) и его предпосылки (доверия). В этом качестве доверие становится фоновой характеристикой функционирования виртуальных сообществ, но не существенным фактором их поведения и развития.

Данная гипотеза имеет ряд ограничений, связанных, во-первых, с большим разнообразием виртуальных сообществ, затрагивающим и разный генезис сообществ, и их плотность, и разную степень смешения механизмов горизонтальной и вертикальной интеграции (в зависимости от генезиса, целей и ценностей групп), и разный уровень гибридации «слабых» и «слабейших» связей. Однако в идеализированной модели виртуального сообщества, в виртуальном сообществе как «идеальном типе» в веберовском понимании, предполагается наряду с преобладанием горизонтальной интеграции и диффузным лидерством снижение значимости фактора межличностного доверия в коммуникации в целом при сохранении фонового институционального доверия. И в этом смысле интернет-коммуникации заслуживают особого внимания именно как пространство, продуцирующее принципиально новый тип социальности, о котором упоминал М. Кастельс, характеризуя состояние «информационального общества» в современном мире. Предсказанные им параметры «информационального общества» и возрастающая роль горизонтальных связей (Кастельс 2016) становятся новым базисом построения общественных отношений на всех уровнях, при этом все более явно обнаруживается зависимость качественных характеристик коммуникации от самого способа сетевой организации и ролевых структур, складывающихся внутри этого процесса благодаря технологиям, предоставляемым ресурсами глобальной Сети.

Этот новый тип социальности потенциально способен компенсировать дефицит доверия в оффлайновой реальности через интеграцию в онлайн-сообществах. В онлайн-сообществах нарастание институционального доверия обеспечивается традиционными и для оффлайновой реальности механизмами – анонимностью (деперсонализацией), редукцией социальных ролей, деиерархизацией, свободой проявить как доверие, так и недоверие. Но эти механизмы усиливают свой эффект благодаря технологической про-

стоте и доступности соответствующих инструментов, обеспечивающих произвольный самопрезентационный набор, возможность выражения позиции одним «кликом», моментальный вход и выход из коммуникационной ситуации, в частности из сообщества. Эта способность обозначается нами как потенциальная, но не актуализированная в полной мере в силу высокой степени «гибридизации» интернет-коммуникаций, в которых, как уже отмечалось, вертикально интегрированные системы наращивают свое участие, порождая все новые и новые предпосылки для диффузии культуры недоверия в виртуальный мир. И тем не менее эта новая социальность способна выступать альтернативой *социальности недоверия*, что доказывается высокой степенью эффективности социальной мобилизации именно среди участников групп, максимально близких к модели горизонтальной интеграции. Эти примеры мобилизации позволяют предполагать, что объединение людей происходит не за счет роста уровня межличностного доверия в классическом смысле этого слова, а за счет распространения социальных практик, не опирающихся на доверие или недоверие как основу коммуникаций, но основывающихся на доверии самим практикам как практикам, выбранным в результате свободного индивидуального выбора (либо его иллюзии).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список наблюдаемых групп

1. Альянс гетеросексуалов и ЛГБТ за равноправие (ВКонтакте) https://vk.com/straights_for_equality
2. Библиотеки – пространства развития (Facebook) https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.facebook.com%2Fgroups%2F738624459493204%2F&c_key=
3. Все вместе (благотворительный фонд) (Facebook) https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.facebook.com%2Fgroups%2Fhelporphanshelp%2F&c_key=
4. Жители Тимирязевского района (Facebook) <https://www.facebook.com/groups/msk.timiryazevsky/permalink/1749003631867813>
5. Зеленый паровоз (ВКонтакте) <http://zparovoz.ru/>
6. Лига Ижевского Свояка (Facebook) https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.facebook.com%2Fgroups%2Fsvoyakizh%2F&cc_key=
7. Лыжи мечты в Ижевске (ВКонтакте) <https://vk.com/izhdreamski>
8. Поборы в школах и детсадах : Горячая линия по поборам в сфере образования РТ (ВКонтакте) <https://vk.com/poboru>
9. Пражский клуб (Facebook) <https://www.facebook.com/groups/1758212774469649/>
10. Профсоюз медработников «Действие» (Facebook) <https://www.facebook.com/groups/dejstvie77/>
11. Профсоюз «Университетская солидарность» (ВКонтакте) <https://vk.com/unisolidarity>
12. Pro bono Проект «Право 45» (Facebook) <https://www.facebook.com/probonopravo45/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алмакаева А.М. 2014. Измерение генерализированного (обобщенного) доверия в кросс-культурных исследованиях // Социологические исследования. № 11. С. 32-43.

Бондаренко С.В. 2004. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. ун-та. 320 с.

Войсункинский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. 2013. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. Т. 10, № 2. С. 98-121.

Гидденс Э. 2011. Последствия современности. Москва : Праксис. 352 с.

Грановеттер М. 2009. Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10, № 4. С. 31-50.

Гужавина Т.А., Силина Т.А. 2016. Доверие в сетевом взаимодействии // Проблемы развития территории. № 6 (86). С. 147-166. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-setevom-vzaimodeystvii> (дата обращения: 01.07.2019).

Кастельс М. 2012. Кастельс: Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства : [интервью] / подгот. Анастасия Алексеева // РИА Новости. 22 июня. URL: <https://ria.ru/20120622/679289114.html> (дата публикации: 22.06.2012).

Кастельс М. 2016. Власть коммуникации : учеб. пособие. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 564 с.

Коулмен Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 121-139.

Крастев И. 2014. Управление недоверием. Москва : Европа. 123 с.

Луман Н. 2000. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. № 1-2. С. 16-35.

Максименко В.Н., Долгова Н.Д. 2018. Анализ алгоритмов вычисления уровня доверия к пользователю в социальной сети // Экономика и качество систем связи. № 4 (10). С. 23-30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-algoritmov-vychisleniya-urovnya-doveriya-k-polzovatelyu-v-sotsialnoy-seti> (дата обращения: 01.07.2019).

Мартьянов В.С. 2017. Доверие в современной России: между поздним модерном и новой сословностью? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 17, вып. 1. С. 61-82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-sovremennoy-rossii-mezhdu-pozdnim-modernom-i-novoy-soslovnostyu> (дата обращения: 01.07.2019).

Неофитова А.А. 2016. Доверие как категория социологического анализа // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 4(6). С. 69-74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-kategoriya-sotsiologicheskogo-analiza> (дата обращения: 01.07.2019).

Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва : Фонд эконом. кн. «Начала». 180 с.

Селигмен А. 2002. Проблема доверия. Москва : Идея-Пресс. 256 с.

Сергеева Ю. 2019. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России // Web – Canape: студия WebCanape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii> (дата публикации: 11.02.2019).

Фукуяма Ф. 2004. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Москва : АСТ : Фремак. 730 с.

Ярская-Смирнова В.Р., Печенкин В.В., Решетников Д.С. 2014. Визуализация сетевой структуры групповых отношений в контексте анализа социальной сплоченности // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). № 39. С. 40-61. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/6/articles/3778/public/3778-9101-1-PB.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

Adali S. et al. 2010. Measuring behavioral trust in social networks / S. Adali, R. Escriva, M. Goldberg, M. Hayvanovych, M. Magdon-Ismael, B. Szymanski, W. Wallace, G. Williams // 2010 IEEE International Conference on Intelligence and Security Informatics. Vancouver, BC, Canada, 23-26 May 2010. P. 150-152.

Bhattacharjee A. 2002. Individual Trust in Online Firms: Scale Development and Initial Trust // Journal of Management Information Systems. Vol. 19, № 1. P. 213-243.

Boellstorff T. 2008. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human. Princeton : Princeton Univ. Press. 344 p.

Chang S.E., Liu A.Y., Shen W.C. 2017. User trust in social networking services: A comparison of Facebook and LinkedIn // Computers in Human Behavior. № 69. P. 207-217.

Field J. 2017. Social capital. New York : Routledge. 193 p.

Gefen D., Karahanna E, Straub D.W. 2003. Trust and TAM in online shopping: an integrated model // MIS Quarterly. Vol. 27, № 1. P. 51-90.

Golbeck J. 2005. Computing and applying trust in Web-based social networks : PhD dissertation / Univ. of Maryland, College Park, USA. URL: <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=1104446> (дата обращения: 01.07.2019).

Golbeck J., Hendler J. 2006. Inferring binary trust relationships in web-based social networks // Journal ACM Transactions on Internet Technology. Vol. 6(4). P. 497-529.

Gross R., Acquisti A. H. 2005. Information revelation and privacy in online social networks (The Facebook Case) // WPES'05: Proceedings of the 2005 ACM Workshop on Privacy in the Electronic Society. New York : ACM Press. P. 71-80.

Miller D. 1994. Artefacts and the meaning of things. Companion encyclopedia of anthropology / ed. by T. Ingold. London ; New York : Routledge. P. 396-420.

Moibus M., Quoc-Anh D. 2004. Social capital in social networks. URL: <http://www.earthinstitute.columbia.edu/cgsd/documents/rosenblat.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

Nahapiet J., Ghoshal S. 1998. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage // Academy Manag. Rev. Vol. 23, № 2. P. 242-266.

Sherchan W., Nepal S., Paris C. 2013. A Survey of Trust in Social Networks // ACM Computing Surveys. Vol. 45, iss. 4. Art. 47. URL: <http://dx.doi.org/10.1145/2501654.2501661> (дата обращения: 04.09.2019).

Singh S., Bawa S. 2007. A privacy, trust and policy based authorization framework for services in distributed environments // International Journal of Computer Science. Vol. 2, № 2. P. 85-92. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/4701/f9fa28ef353c224e3451ddba97203a265c0b.pdf> (дата обращения: 08.08.2019).

Strauss A., Corbin J. 1998. Basics of Qualitative Research. Technics and Procedures for Developing Grounded Theory. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, Inc. 312 p.

Sztompka P. 1991. Society in action: the theory of social becoming. Cambridge : Polity Press. 219 p.

Adelia D. Kaveeva, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: adele.kaveeva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8689-5532

ResearcherID: D-3499-2017

ScopusID: 57189662019

SPIN-code: 5837-4683

Lyudmila A. Saburova, Udmurt Branch, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia.

E-mail: sabur@udm.ru

ORCID: 0000-0002-7243-652X

ResearcherID: K-2275-2018

SPIN-code: 6296-8340

Julia Yu. Estrina, Institute of History and Sociology, Udmurt State University, Izhevsk, Russia. E-mail: avisart@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3972-2943

SPIN-code: 9747-7848

Article received 08.07.2019, accepted 02.10.2019, available online 13.01.2020

ELUSIVE TRUST IN DIGITAL COMMUNICATIONS: WHAT CONNECTS USERS IN ONLINE COMMUNITIES?

Abstract. The article is devoted to the issue of relevance of applying the category of trust to the analysis of Internet communications, and to the analysis of the integration in online communities in social networks, in particular. Nowadays, the issue of trust or distrust towards online communities and integration in Russia becomes the factor that sharply splits society and pushes the state to tighten control over the Internet; the issue of trust as an internal factor of the online communities becomes relevant not only theoretically but also politically. The authors attempt to understand the processes of horizontal integration in online communities that quite differ from the genesis of real communities arising in vertically integrated social structures, or adapt to a vertically oriented social environment. We use “grounded theory” approach to analyze the dynamics of mobilization-type online communities in the social networks Vkontakte and Facebook. Weak significance of the interpersonal trust factor in the functioning and development of the observed communities is revealed. The contradiction between this fact and the established ideas of trust as the basis of social interaction and a key component of the social capital can be explained by clarifying the specifics of interaction in online communities. This specific can be described through following features. Firstly, there is institutional trust “at the entrance” to the group, based on the user's loyalty to the values, rules, and norms of the group. Secondly, there is the lack of a hierarchical structure that reduces the role sets and role expectations to minimum. Finally, it is the prevalence of the “weakest” type of links comparing with “strong” and “weak” ones, implying the absence of personal links, and preventing the expansion of the “culture of distrust” into online reality. Horizontal integration is not typical for all kinds of online communities. Nevertheless, the growth of online communications in the world, and in Russia, in particular, allows us to predict the growing influence of the “trust culture”

of “online sociality” as an alternative to the culture of distrust inherent in hierarchical societies.

Keywords: trust; institutional and interpersonal trust; online communities; horizontal and vertical integration.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 19-011-00761 “Construction of predictive models of Internet communities dynamics”).

For citation: Kaveeva A.D., Saburova L.A., Estrina J.Yu. *Uskol'zayushchee doverie v tsifrovyykh kommunikatsiyakh: chto svyazyvaet pol'zovateley v virtual'nykh soobshchestvakh?* [Elusive trust in digital communications: what connects users in online communities?], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 45-65. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00008. (in Russ.).

References

Adali S., Escriva R., Goldberg M., Hayvanovych M., Magdon-Ismail M., Szymanski B., Wallace W., Williams G. Measuring behavioral trust in social networks, 2010, *IEEE International Conference on Intelligence and Security Informatics*, Vancouver, BC, Canada, 23-26 May 2010, pp. 150-152.

Almakaeva A.M. *Izmerenie generalizirovannogo (obobshchennogo) doveriya v kross-kul'turnykh issledovaniyakh* [Measurement of generalized trust in cross-cultural research], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no. 11, pp. 32-43. (in Russ.).

Bhattacharjee A. Individual Trust in Online Firms: Scale Development and Initial Trust, *Journal of Management Information Systems*, 2002, vol. 19, no. 1, pp. 213-243.

Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2008, 344 p.

Bondarenko S.V. *Sotsial'naya struktura virtual'nykh setevykh soobshchestv* [The social structure of virtual network communities], Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004, 320 p. (in Russ.).

Castells M. *Kastel's: Nasha zhizn' – gibril virtual'nogo i fizicheskogo prostranstva : [interv'yuu] / podgot. Anastasiya Alekseeva* [Castells: Our Life is a Hybrid of Virtual and Physical Space: From M. Castells's interview with RIA Novosti correspondent A. Alekseeva 06/22/2012], *RIA Novosti*, 2012, June 22, available at: <https://ria.ru/20120622/679289114.html> (accessed June 22, 2012). (in Russ.).

Castells M. *Vlast' kommunikatsii : ucheb. posobie* [Power of communication: a manual], Moscow, Izdatel'stvo Vysshey shkoly ekonomiki, 2016, 564 p. (in Russ.).

Chang S.E., Liu A.Y., Shen W.C. User trust in social networking services: A comparison of Facebook and LinkedIn, *Computers in Human Behavior*, 2017, no. 69, pp. 207-217.

Coleman J. *Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy* [Social Capital in the Creation of Human Capital], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2001, no. 3, pp. 121-139. (in Russ.).

Field J. *Social capital*, New York, Routledge, 2017, 193 p.

Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust. Social virtue and path to prosperity], Moscow, ACT, Ermak, 2004, 730 p. (in Russ.).

Gefen D., Karahanna E., Straub D.W. Trust and TAM in online shopping: an integrated model, *MIS Quarterly*, 2003, vol. 27, no. 1, pp. 51-90.

Giddens A. *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity], Moscow, Praksis, 2011, 352 p. (in Russ.).

Golbeck J. *Computing and applying trust in Web-based social networks: PhD dissertation*, Univ. of Maryland, College Park, USA, 2005, available at: <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=1104446> (accessed July 01, 2019).

Golbeck J., Hendler J. Inferring binary trust relationships in web-based social networks, *Journal ACM Transactions on Internet Technology*, 2006, vol. 6(4), pp. 497-529.

Granovetter M. *Sila slabykh svyazey* [The Strength of Weak Ties], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2009, vol. 10, no. 4, pp. 31-50. (in Russ.).

Gross R., Acquisti A. H. Information revelation and privacy in online social networks (The Facebook Case), *WPES'05: Proceedings of the 2005 ACM Workshop on Privacy in the Electronic Society*, New York, ACM Press, 2005, pp. 71-80.

Guzhavina T.A., Silina T.A. *Doverie v setevom vzaimodeystvii* [Trust in network interaction], *Problemy razvitiya territorii*, 2016, no. 6 (86), pp. 147-166, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-setevom-vzaimodeystvii> (accessed July 01, 2019). (in Russ.).

Krastev I. *Upravlenie nedoveriem* [Management of distrust], Moscow, Evropa, 2014, 123 p. (in Russ.).

Luhmann N. *Formy pomoshchi v protsesse izmeneniya obshchestvennykh usloviy* [Forms of assistance in the process of changing social conditions], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2000, no. 1-2, pp. 16-35. (in Russ.).

Maksimenko V.N., Dolgova N.D. *Analiz algoritmov vychisleniya urovnya doveriya k pol'zovatelyu v sotsial'noy seti* [Analysis of algorithms for calculating the level of trust in a user in a social network], *Ekonomika i kachestvo sistem svyazi*, 2018, no. 4 (10), pp. 23-30, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-algoritmov-vychisleniya-urovnya-doveriya-k-polzovatelyu-v-sotsialnoy-seti> (accessed July 01, 2019). (in Russ.).

Martianov V.S. *Doverie v sovremennoy Rossii: mezhdru pozdnim modernom i novoy soslovnost'yu?* [Trust in modern Russia: between the late modern and new class estates?], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 61-82, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-sovremennoy-rossii-mezhdru-pozdnim-modernom-i-novoy-soslovnostyu> (accessed July 01, 2019). (in Russ.).

Miller D. Artefacts and the meaning of things, *Companion encyclopedia of anthropology*, London, New York, Routledge, 1994, pp. 396-420.

Moibus M., Quoc-Anh D. *Social capital in social networks*, 2004, available at: <http://www.earthinstitute.columbia.edu/cgsd/documents/rosenblat.pdf> (accessed July 01, 2019).

Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage, *Academy Manag. Rev.*, 1998, vol. 23, no. 2, pp. 242-266.

Neofitova A.A. *Doverie kak kategoriya sotsiologicheskogo analiza* [Trust as a category of sociological analysis], *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie»*, 2016, no. 4(6), pp. 69-74, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-kategoriya-sotsiologicheskogo-analiza> (accessed July 01, 2019). (in Russ.).

North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997, 180 p. (in Russ.).

Seligmen A. *Problema doveriya* [The Problem of Trust], Moscow, Ideya-Press, 2002, 256 p. (in Russ.).

Sergeeva Yu. *Vsya statistika interneta na 2019 god – v mire i v Rossii* [All Internet statistics for 2019 – in the world and in Russia], *Web – Canape: studiya WebCanape*, 2019, available at: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii> (accessed February 11, 2019). (in Russ.).

Sherchan W., Nepal S., Paris C. A Survey of Trust in Social Networks, *ACM Computing Surveys*, 2013, vol. 45, iss. 4, art. 47, available at: <http://dx.doi.org/10.1145/2501654.2501661> (accessed September 04, 2019).

Singh S., Bawa S. A privacy, trust and policy based authorization framework for services in distributed environments, *International Journal of Computer Science*, 2007, vol. 2, no. 2, pp. 85-92, available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/4701/f9fa28ef353c224e3451ddb97203a265c0b.pdf> (accessed August 08, 2019).

Strauss A., Corbin J. *Basics of Qualitative Research. Technics and Procedures for Developing Grounded Theory*, Thousand Oaks, CA, Sage Publications, Inc., 1998, 312 p.

Sztompka P. *Society in action: the theory of social becoming*, Cambridge, Polity Press, 1991, 219 p.

Voyskunskiy A.E., Yevdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. *Setevaya i real'naya identichnost': sravnitel'noe issledovanie* [Network and Real Identity: A Comparative Study], *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2013, vol. 10, no. 2, pp. 98-121. (in Russ.).

Yarskaya-Smirnova V.R., Pechenkin V.V., Reshetnikov D.S. *Vizualizatsiya setevoy struktury gruppovykh otnosheniy v kontekste analiza sotsial'noy splochnosti* [Visualization of the network structure of group relations in the context of the analysis of social cohesion (vk.com example)], *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M)*, 2014, no. 39, pp. 40-61, available at: <http://jour.isras.ru/upload/journals/6/articles/3778/public/3778-9101-1-PB.pdf> (accessed July 01, 2019). (in Russ.).

Нендза-Щикониовска К. Советский городской эксперимент – между проектом модерности и утопическим сознанием. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00009 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 66–87.

УДК 130.2:72.06

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00009

СОВЕТСКИЙ ГОРОДСКОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ – МЕЖДУ ПРОЕКТОМ МОДЕРНОСТИ И УТОПИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ¹

Кинга Нендза-Щикониовска

кандидат гуманитарных наук
руководитель научного проекта
в Институте России и Восточной Европы
Ягеллонского университета
г. Краков, Польша
E-mail: ns.kinga@gmail.com

*Статья поступила 12.08.2019, принята к печати 07.10.2019,
доступна online 13.01.2020*

В статье рассматривается проблема резких переломов в советском городском дискурсе, которые имели место с момента прихода Сталина к власти и после его смерти. Исследуемый городской материал был ограничен тремя аспектами: (1) создатель города (архитектор и власть), (2) городское пространство (архитектурная культура) и (3) официальный дискурс.

Обосновывается точка зрения, согласно которой, несмотря на радикально разные формальные средства авангарда, сталинского стиля и позднесоветского модернизма, можно увидеть за ними единое «содержание»: феномен советского города. Изменения касались лишь дискурса (в нашем случае архитектурно-градостроительного), но не менялась основная парадигма советской культуры, остающейся бескомпромиссно современной.

Статья следует традиции критического анализа модерности, выработанной как представителями франкфуртской школы, так и постмодернистами, но расширяет концепт европейской модерности на советскую культуру. Советский метанарратив основывался на убеждении в возможности (и необходимости) всесторонней рациональной распланировки реальности, но – и это подчеркивается в статье – имел характер проекта тотального, универсального и бескомпромиссного. Именно бескомпромиссность советской модерности обрекает ее на провал. Для выявления этого в статье исследуются связи между модерностью и утопией, тоже бескомпромиссной, тоже отвергающей легитимность прошлого в пользу рационального плана.

Любая попытка реализовать утопию влечет изменения в изначальном идеальном, теоретическом, плане, что официальная советская культура – принципиально

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Национального научного центра, Польша (Narodowe Centrum Nauki) в рамках проекта № 2016/23/N/HS2/01372.

бескомпромиссная – тщательно скрывала (ложь и насилие становятся, таким образом, институтом). Однако дискурс власти и реальная картина советского города все больше расходились. Единственным способом очередного сближения жизни и официальной культуры мог стать лишь резкий перелом в доминирующем дискурсе, исполняющий при этом центральную мобилизационную функцию.

Ключевые слова: модернизм, утопия, советский город, советская культура, авангард, сталинский стиль, позднесоветский модернизм.

«Авангард легко превратить, как оказалось, в арьергард – все, что нужно сделать, это дать команду: кругом!» (Тоґoczko 1995: 4)¹ – подобное определение изменений в городском дискурсе эпохи СССР может принадлежать не только эстетике. Советский эксперимент, находящийся между полюсами совершенного плана и стихии реальности, не мог развиваться линейно. Особенно отчетливо мы наблюдаем это, анализируя советскую архитектурную культуру, на разных этапах развития которой выявляются исключаящие друг друга тенденции: единообразие аскетических многоквартирных домов и иерархия помпезно украшенных небоскребов, смелое увлечение будущим и консервативный эклектизм.

Данная публикация является попыткой обрисовать контекст и выявить природу резких переломов, определяющих советскую историю и четко обозначенных в городском материале. Для реализации этой цели я намерена выдвинуть две гипотезы.

Первая гипотеза – это предложение анализировать советский эксперимент через призму проекта модерности (современности, модерна)², и даже более того – модерности европейской. Обоснование, в чем сходство советской модерности с другими моделями, является одной из целей представленной статьи – вопрос о советской специфике тоже поднимается, но лишь в качестве сопровождающего и вспомогательного элемента. Я здесь придерживаюсь традиции критического анализа укорененной в философии европейского Просвещения модерности, – традиции, выработанной как представителями франкфуртской школы (Хоркхаймер, Адорно 1997), так и постмодернистами (Бауман 2010; Лиотар 1998; Welsch 1998), но расширяю концепт европейской модерности на советскую культуру, отчасти обращаясь к теории множественных модерностей Шмуэля Эйзенштадта (Eisenstadt 2000). В отличие от исследователей, заинтересованных в анализе сегодняшнего дня или будущего, обращающихся к теории модерности для определения возможных путей развития постсоветского или российского общества (например, см.: Мартьянов 2010), я обращаюсь к советскому прошлому как некоему завершённому периоду с ярко выраженным началом, развитием и концом – именно целостность и завершенность этого исторического феномена является одной из причин его уникальной аналитической привлекательности.

Согласно второй гипотезе, глубокие изменения в градостроительно-архитектурном дискурсе (то есть различные формальные языки авангарда,

¹ Здесь и далее (если не указано иное) перевод автора (*примеч. ред.*).

² О проблеме перевода понятия *modernity* см.: (Поселягин 2016).

сталинского стиля и послевоенного модернизма) не обозначали смены основной парадигмы советской культуры. На каждом этапе развития советского города он рассматривался как пространство для реализации бескомпромиссно понимаемого проекта модерности. Благодаря этому, несмотря на эстетические и идеологические различия, мы можем говорить о единстве советской культуры, по существу рационалистической, централистической, тотальной и в конечном счете утопической.

Чтобы объяснить характер нелинейного развития советского города, я предлагаю проследить связи между советской модерностью и ее утопическим содержанием. Я попытаюсь продемонстрировать существование зависимостей между ними и их сложность; это касается не столько конкретных проектов, сколько места утопии в модели советской культуры, – культуры, принципиально бескомпромиссной и имеющей характер рационального, искусственно созданного проекта. Поскольку, как заявила польская исследователь Ирена Панькув «трансцендирование того, что *здесь и сейчас*, является естественным требованием разума» (Pańków 1990: 191), всякая утопия должна иметь элементы современного мышления, а модерность – предполагать утопические тенденции.

Город – явление обширное и многослойное, на него можно (и надо) смотреть из разных ракурсов. Однако, даже если сложность и целостность городской структуры мы признаем ее важными атрибутами, выбор окажется здесь необходимым. Направления нынешнего исследования определяет триада: (1) архитектурная культура, (2) создатель города и (3) официальный дискурс.

(1) Город можно рассматривать в соответствии с административными, социологическими, культурно-символическими, экономическими или архитектурно-градостроительными критериями; независимо от целей исследования необходимо учитывать и существование всех остальных параметров. В данной статье в центре внимания находится городское пространство, что не означает, впрочем, трактовки его как отдельного, независимого образования. Интересным представляется именно то, как в архитектуре и градостроительстве выражается город в качестве феномена культуры. Поэтому меня интересует не столько архитектура, сколько архитектурная культура Советского государства. Город тем самым становится лишь предлогом для анализа культуры как таковой.

(2) Предметом нынешнего исследования выступает создатель города: архитектор и власть (заказчик). Выбор подобного аспекта исследования можно обосновать характером советской урбанизации: планированной сверху, декларативно централизованной и тотальной. Это не значит, что я упускаю из виду других акторов городского пространства – прежде всего его жителя. Житель представлен в двух, казалось бы противоположных, качествах. Во-первых, как проектированный наравне с городом некий идеальный гражданин Советского Союза; во-вторых – настоящий человек, в принципе ускользающий от узко обозначенных дефиниций. Неконтролируемая стихийность городского общества является своеобразными трещинами, через которые высвечивается сложный характер советской культуры,

столь отличающийся от ее официальной картины. Именно к реакции на его – жителя – деятельность (или пассивность) следует отнести резкие стилистические, идеологические и организационные переломы в городской политике.

(3) Третье направление – анализ советского города через призму официального советского дискурса, который, вслед за Стивеном Коткиным, можно образно назвать способом «говорить по-большевистски» (Коткин 2001) и понимать в духе постструктуралистическом (Фуко 2004). Независимо от того, был ли официальный советский дискурс фактически интериоризован жителями или использование его есть не что иное, как позиция сугубо тактическая, это важное, если не центральное, явление советской культуры. В то же время факт диссонанса между идеологической картиной и реальностью не замалчивается, так как официальный дискурс должен был реагировать на реальность и подвергаться изменениям, которые и представляют центральной темой настоящего исследования.

Два перелома. Изменения в культуре и обществе, связанные с укреплением власти Сталина и началом его культа, произошли на рубеже 1920-х и 1930-х гг. Не завершился еще период великого авангардного брожения, но уже тогда сторонники «современной архитектуры» начали терпеть поражения, особенно болезненные в случае престижных конкурсов (таких, как проект нового здания библиотеки им. В.И. Ленина в 1928 г.). Представители авангарда должны были уже тогда почувствовать опасность неминуемых перемен, но они не сдавались без боя – еще не закончился период бурных споров и отраслевой полифонии (Udovički-Selb 2009). Моментом финального перелома можно считать 28 февраля 1932 г., когда были подведены итоги конкурса проектов Дворца Советов, в котором модернистские предложения (в том числе великого Ле Корбюзье) проиграла проекту Бориса Иофана. Хотя планируемое монументальное здание-памятник никогда не было реализовано, оно все-таки стало для современников идеологическим и эстетическим образцом (Sadowski 2009).

Сталинская культура не скрывала, что приносит с собой новое начало, новую революцию. Определял ее лозунг вождя о «великом переломе» (Сталин 1949), обозначающем, прежде всего, иной подход к развитию народного хозяйства, к внешней и внутренней политике¹. Но в равной степени это было и время эстетических и идеологических изменений в философии города, основанных на отказе от существующего, которое становится прошлым, и на повороте к прошлому, которое превращается в идеал будущего. Повторяется, таким образом, жест авангарда, отбросившего царское наследие – но в этот раз минувшей ошибкой является тот же авангард. В городской политике критиковались теперь «левацкие загибы в области жилищного строительства, увлечение домами-коммунами, вредными теориями урбанизма и дезурбанизма» (Мостаков 1937: 60). Даже те принципы архитектурного авангарда, которые непосредственно вытекали из социалистических позиций,

¹ Прямо революцией называет эти изменения Хмельницкий (Хмельницкий 2006: 33-36).

были дискредитированы; их упрекали в «вульгарном, грубо механическом подходе к проблемам жилищной архитектуры» (Мостаков 1937: 61).

Несмотря на острую жилищную нужду, сталинская культура щедро возводила роскошные здания, так как это ими должен застраиваться город будущего. Поэтому группа счастливиц могла жить за декоративными фасадами новых квартир с высокими потолками в то время, когда уделом большинства городского населения являлось отсутствие личного пространства и базовых удобств. В течение первой пятилетки было построено двадцать три миллиона квадратных метров жилой площади. Между тем число городских жителей, вместо прогнозируемых пяти, увеличилось на восемнадцать миллионов. Жилья резко не хватало (Хмельницкий, Милютин 2013: 94). До конца сталинского периода ситуация не нормализовалась. Прошло очередное десятилетие – уже четвертое после Октябрьского переворота, и люди все еще жили в перенаселенных коммунальных квартирах или временных бараках. Обещаний светлого будущего было явно недостаточно. Период экстраординарного сплочения рядов для скорого улучшения жизни населения невыносимым образом затягивался. Выросло уже новое поколение, не изведавшее «нормальности», переживающее временный якобы «момент начала». Тот потрясающий факт, что социальную мобилизацию удалось сохранить настолько долго, вплоть до смерти Сталина, трудно объяснить лишь террором – его постоянно сопровождала эффективная пропаганда¹. Но и ее влияние со временем уменьшилось. Форсированная индустриализация, потом война и послевоенное восстановление страны – это были сильные мобилизационные факторы, но состояние напряженности не может быть постоянным (Leszczyński 2013: 222).

Назрела необходимость снова изменить дискурс, освежить идею. При этом – подобным же образом, как в случае сталинского перелома, – решено было не создавать диаметрально новый язык культуры, а лишь вернуться к позапрошлomu, который на этот раз был найден в раннесоветском периоде. Архитектура и градостроительство являлись важным элементом этой смены.

Обращаясь к понятию «нереализованного наследия» Селима Хан-Магомедова (Хан-Магомедов 1996: 7-8)², можно заметить, что созданные авангардом идеи особенно подходили для возрождения. Развитие авангарда резко прервали на пике его достижений, ему не было дано естественным образом исчерпать свой потенциал, и теперь он мог вдохновлять архитекторов и идеологов. Поздний советский модернизм широко использовал идеи Гинзбурга, Мая, Весниных.

Архитектурно-градостроительная сторона реформ Хрущева не была чем-то добавочным; она выполняла функции одной из опор нового времени. Советское государство впервые направило свои усилия на то, чтобы

¹ Интерес к мобилизационному характеру советской культуры присутствует у исследователей (Баканов 2013; Тимошенко 2012).

² Исследователь пишет, однако, о потенциале, наблюдаемом у истоков (у основания «ствола») любого стиля.

реально улучшить жилищные условия для простых людей, и модернистская архитектура должна была стать инструментом реализации этой цели. Куба Снопек провокационно – и весьма обоснованно – назвал Никиту Хрущева «самым влиятельным советским архитектором эпохи модернизма» (Снопек 2013).

Хотя жилищные проблемы так и не были решены к концу СССР, трудно переоценить хрущевскую городскую революцию, благодаря которой миллионы семей могли переехать в свою собственную квартиру. Уровень жизни несомненно повысился. Сразу же зазвучали, однако, и критические голоса, повторяющие аргументы противников авангарда: массовая застройка привела к созданию безличного, монотонного, нечеловеческого ландшафта, простирающегося от Эльбы до Владивостока. Независимо от региона или размера города воспроизводились типовое панельное жилье, стандартные общественные здания, идентичная мебель. Идеи и формы, рожденные на Западе, были реализованы с советской безжалостной последовательностью и тоталитарным размахом.

О чем свидетельствуют формальные сдвиги, которые потрясли советский город после прихода к власти Сталина и после его смерти? Касались ли они лишь фасада или полностью изменили структуру здания, города и общества? Резкий, внезапный и масштабный характер этих преобразований заставляет нас задать вопрос об их глубине. Если в эстетическом плане мы наблюдаем явления, противоположные друг другу, можем ли мы связывать их с глубокими культурными трансформациями? Следует ли нам говорить не об одной, а о разных культурах: ленинской, сталинской, позднесоветской? Советологи стоят здесь на противоположных позициях (чаще всего противопоставляются взгляды Владимира Паперного и Бориса Гройса. См.: Паперный 2011; Гройс 2013). Не перечеркивая обоснованности стратегии «Культуры два», я предлагаю включить эти изменения в один процесс, не теряя, однако, из поля зрения различия, и особенно моменты перелома. Подобная позиция не только позволяет избежать соблазна слить диаметрально противоположные явления в одно целое, но и учитывает тот факт, что поэтика революций определяла советскую культуру.

Для того чтобы говорить о феномене советского города, надо определить, какое единое содержание находится за формой, которая менялась столь радикальным образом. «Нить», объединяющую каждый из упоминаемых периодов, я предлагаю увидеть в бескомпромиссной привязанности к парадигме модерности. На протяжении всего существования СССР наблюдаемые переломы касались лишь дискурса (в нашем случае архитектурно-градостроительного). Более того, производны они именно от характера советского современного мышления.

Модерная ли? Критика модерности в гуманитарных науках касается преимущественно западной культуры, но ведь не должна ограничиваться ею. Все еще спорным оказывается вопрос, можно ли нам говорить о российской, советской или постсоветской модерности. Для одного из главных теоретиков этой области, Энтони Гидденса (Giddens 1990), модерность носит исключительно западноевропейский характер: именно здесь она была

Три облика (пост)советского города на примере Новокузнецка: пространство авангарда, сталинский стиль и позднесоветский модернизм (фотографии автора)

создана, отсюда распространяется на весь мир. Если детерминантами европейской модерности выступают такие факторы, как капитализм или национальное государство, можно ли описать культуру СССР в ее категориях? Поэтому некоторые исследователи отказывают советскому эксперименту в модерности. Так, Александр Марков заявил: «Приходится признать, что СССР не был проектом современности. И институты, и быт СССР принадлежали домодерной эпохе, как бы эффективно, удачно или даже иногда виртуозно они ни работали. Бюрократ, садящийся в “Волгу”, инженер, получающий квартиру, – они получают трофеи модернизации, а не результаты, хотя и могут операционально внести немалый вклад и в мировую модернизацию как изобретатели или управленцы» (Марков 2016: 78).

Тем не менее, как мне кажется, взгляд на советский эксперимент сквозь призму модерности может оказаться аналитически пригодным. Советская урбанизация была не только частью основанного на индустриализации проекта экономически-социального прогресса – ее корнем являлось убеждение в возможности всесторонней, рациональной распланировки реальности на ее различных уровнях: от политического, экономического и социального до антропологического.

Но как объяснить явные различия между советской и западноевропейской модерностями? Эта проблема касается не только культуры СССР, но и любой другой неевропейской модерности. Неудивительно, что эти вопросы поднимает постколониальная критика, упрекающая узкое понимание модерности в европоцентризме. На почве этих разногласий возникли новые концепции отношения модерности к европейской и другим культурам. Особо значительной оказалась теория множественных модерностей (англ. *multiple modernities*) израильского социолога Шмуэля Эйзенштадта, отстаивающего возможность выделять разные модели модерности в зависимости от исследуемой культуры. Дифференциация не происходит здесь на основе простого заимствования – в полной или частичной степени – европейских образцов: открывается перспектива разнообразного выработки собственных моделей (Eisenstadt 2000)¹. Неевропейские модерности можно даже истолковывать как альтернативные для западноевропейской (David-Fox 2015; Дэвид-Фокс 2016). Дальше всего идет теория переплетенных модерностей (англ. *entangled modernities*), которая не только допускает многообразие возможных проявлений модерности в разных культурах мира, но также учитывает их сложные взаимодействия (Дэвид-Фокс 2016). Развивает эту концепцию Йоран (Геран) Терборн (Therborn 2003).

Однако подобное сосредоточение внимания на различиях грозит потерей сущности исследуемого явления. Как заметил Штефан Плаггенборг, с помощью теории множественных модерностей мы описываем отдельные деревья, не заметив при этом существования леса (см. об этом: Дэвид-Фокс 2016: 35). Даже сторонник вышеуказанных концепций Майкл Дэвид-Фокс замечает данную опасность: «Теория переплетенных модерностей грозит

¹ Удачным примером использования этого подхода для анализа советской культуры является работа Дэвида Хоффманна, посвященная социальной политике СССР (Хоффманн 2018).

разъединить и обособить эти различные измерения до такой степени, что будут утрачены базовые взаимосвязи» (Дэвид-Фокс 2016: 41).

Чтобы избежать этой опасности, Дэвид-Фокс предлагает увязать теории переплетенных и альтернативных модерностей (Дэвид-Фокс 2016: 21-22, 41). Однако, по моему мнению, правильнее объединить взгляд Эйзенштадта и Терборна с «классической» теорией модерности и именно на эту последнюю сделать упор. Благодаря этому, учитывая многообразие возможных реализаций современного проекта и их сложные корреляции, мы не потеряем все еще полезное с аналитической точки зрения понятие модерности. Предложение обозначить смысловые границы модерности как универсального явления не уменьшает значения специфики отдельных внутриевропейских или внеевропейских культур, так как про различия можно говорить, лишь определив общее.

Поэтому я попытаюсь выявить черты модерности, отвечающие ситуации разных культур и разных периодов их истории, учитывая при этом опасность слишком широких и предельно общих дефиниций. Одновременно я постараюсь обратить внимание на те стороны советского эксперимента, которые и позволяют нам говорить о нем как о проекте модерности.

Модернизация государства и общества вместе с модернистской формой идейно-эстетических явлений – это настолько узловые элементы модерности (в качестве и причины, и результата), что иногда отождествляются с ней как равнозначные. Тем не менее это не они определяют суть модерности.

Модерность является состоянием разрыва с прошлым: разрыва резко, не вытекающего из традиции – противостоящего ей. Она отвергает узаконивающий потенциал прошлого, ставя на его место рациональный план. Речь здесь идет, конечно, лишь о ситуации модельной – в действительности данный разрыв является непоследовательным и фрагментарным, но это он доминирует в дискурсе.

Модерность предлагает способ самооправдания социальных институтов с помощью одного из метанарративов, то есть целостных, якобы универсальных «больших рассказов», объясняющих социокультурную реальность и придающих ей правомерность на основе не подлежащей обсуждению картины будущего. Поэтому я принимаю устоявшееся объяснение Лиотара, что метанарративы, «как и мифы... ставят своей целью легитимировать социальные и политические институты и практики, законодательства, этики, стили мышления. Но в отличие от мифов они ищут эту легитимацию не в изначальном основополагающем акте, но в подлежащем свершению будущем, т.е. в Идее, подлежащей реализации. Эта Идея (свободы, «просвещения», социализма и т. д.) обладает легитимирующей силой потому, что она универсальна. Она направляет все аспекты человеческой реальности. Она придает современности характерный для нее модус *проекта*» (Лиотар 2008b: 34).

Неслучайно не только метанарративы можно противопоставить исходящему из прошлого мифу, но и утопию, также ориентированную на будущее (Pańków 1990: 188-197; Czeremski, Sadowski 2012). Утопия, однако, в отличие от мифа и метанарратива, не призвана оправдать существующий социокультурный порядок – она выступает против него. В двадцатом веке

в России была осуществлена попытка реализовать утопию в невиданном ранее масштабе, создав на ее основе очередной «большой рассказ». Это исключительно современный жест.

Советский эксперимент, как и другие современные проекты, возник из убеждения о возможности и необходимости перестройки мира по принципам разума – в противовес естественным, идущим снизу процессам. Именно этот момент надо здесь особо подчеркнуть: речь идет о рационалистическом проекте, созданном интеллектуалами в тиши кабинетов и внедряемом в жизнь решительными единицами – сверху и силой (Scott 1998). По своей природе он выступал против фрагментарных, низовых и стихийных действий, а также традиции как естественной легитимации социальных институтов.

Реализацией этого убеждения был советский городской эксперимент, предполагавший, что именно город станет основным пространством функционирования нового человека. Пример советской урбанизации здесь чрезвычайно интересен: во-первых, из-за масштаба предпринятого проекта, а во-вторых, из-за бескомпромиссного характера анализируемой культуры.

Что же касается советской культуры, то здесь можно идти и дальше – анализировать ее не просто как проект модерности, но прямо как проект европейской модерности; не как альтернативу европейской модели, а, наоборот, как плод европейской цивилизации. Внутреннее разнообразие европейской культуры оправдывает предложение не ограничивать Европу лишь в пределах ее западной части, а русскую и советскую культуры рассматривать в качестве европейских *par excellence* (Nędza-Sikoniowska 2018).

Для оправдания подобного подхода надо, впрочем, определить специфику европейской модерности. Можно здесь перечислить ряд элементов, прямо с ней ассоциируемых и лишь заимствованных (выборочно) другими культурами. Однако могут ли такие факторы, как капитализм, секуляризация, эмансипация женщин, демократия, общедоступная система образования, национальное государство, индустриализация, культ спорта и гигиены и т. п., считаться определяющими феномен европейской модерности? Ведь нет монополии на них у Запада, нет монополии на них у Нового времени. Элементом, действительно отличающим Европу, выступает лишь традиция, по отношению которой и возникла модерность, – традиция, вырастающая из двух базовых начал: античности и христианства. Этот момент остается общим как для Западной, так и для Восточной Европы.

Надо здесь подчеркнуть два момента. Во-первых, традиция является не только состоянием, вопреки которому рождается модерность, – из нее модерность вырастает. Во-вторых (как уже было сказано), разрыв с традицией никогда не оказывается полным: в действительности модерность развивается параллельно традиции, вступая с ней в сложные взаимосвязи (Дэвид-Фокс 2016: 28-29). Тоже для того, чтобы уловить эти тонкости, приходится расширить классическую теорию модерности, отталкиваясь от теории Эйзенштадта.

В этом смысле российский / (пост)советский проект можно рассматривать как пример европейской модерности. Тем более, что важным

элементом Европы (отличающим ее, допустим, от североамериканской модели), следует считать четкую сетку формировавшейся веками (на фундаменте античности и христианства) региональной специфики, иногда чрезвычайно острой. Русская культура со своими отличиями прекрасно вписывается в эту модель.

Онтология утопии. «Утопия – это мечта, которая становится системой, идеал, превращенный в доктрину» (Szacki 2000: 27), – сказал однажды польский исследователь по вопросам утопии Ежи Шацкий. Не от холодного расчета рождается она: за утопией стоит пылкое желание перемен, коренящееся в мифах о счастливом, справедливом обществе¹. Оба утопических пласта – рациональная доктрина и иррациональная мечта – вырастают из несогласия с реальностью, они становятся альтернативой ей, требуют выхода за пределы того, что представляет действительность.

Утопическое сознание объединяло мышление Восточной и Западной Европы, являясь пространством социальных, политических и моральных экспериментов. Образцовые утопические проекты создавались на Западе; тем не менее крупнейший утопический эксперимент был предложен Восточной Европой.

Генезис советского утопизма можно объяснять как импортом чужой идеи, так и его имманентной природой. Для русской традиции утопические элементы не были новыми – они уже существовали в фольклоре, литературе, общественной мысли. В природе русского менталитета, якобы максималистского и бескомпромиссного, ставившего общество выше личности, доверяющего сверхчеловеческой легитимности власти (Lazari 1995), можно увидеть благодатную почву для роста утопического зерна. Можно, однако, обратиться и к тем аспектам утопического советского сознания, которые носили исключительно европейский характер и как таковые участвовали в создании и интерпретации модерности, вырастающей из рационализма эпохи Просвещения.

Утопию определяют как неосуществимую и не считающуюся с действительностью картину идеального, эгалитарного общества (Kopaliński 1985: 1235). Положительный аспект утопии всегда связан с ее критической стороной. Утопия не столько описывает предлагаемую идеальную модель, сколько отрицает реальность, из которой выросла. Как отмечает Ирена Панькув, «утопия – это теория социальной реальности, состоящая из двух основных компонентов: критически-разрушительного и положительного-проектирующего. Утопия в своем критическом слое характеризуется значительным реализмом, пронизательностью, внутренней последовательностью» (Pańków 1990: 171).

Сила утопического предложения заключается в точности критической оценки современности, наиболее наглядным примером чего является успех марксизма. Смена, снос, несогласие – роль этой стороны утопии особо подчеркивает Карл Маннгейм: «Утопичным является то сознание, которое не

¹ Об отношениях утопии и мифа см., например: (Pańków 1990: 188-197; Czeremski, Sadowski 2012).

находится в соответствии с окружающим его “бытием”. Это несоответствие проявляется всегда в том, что подобное сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, которые реально не содержатся в этом “бытии”. Однако [...] Мы будем считать утопичной лишь ту “трансцендентную по отношению к действительности” ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей» (Mannheim 1992: 159)¹.

Рациональный элемент доминирует в критической стороне утопии, мечта – в положительной. Это разделение ни в коем случае не является резким и однозначным. Горизонт мечты определяет перспективу критики, идеальная альтернатива всегда последовательна в своем рационализме.

Оба пласта утопии объединяет их целостный, тотальный подход.

Утопист – не реформатор. Он не стремится улучшить один лишь элемент реальности – ему нужна всеобщая перемена социальной обстановки. Утопия – это проект глобального характера, но не чурается она и деталей. Ее черта – дотошность, но дотошность особенная: не учитывающая исключений из правил. Ей интересно то, что является предсказуемым, повторяемым, обрядовым – как в повседневности, так и в праздник (Szacki 2000: 14, 27, 33-36). Не учитывает она случайности, ненормативного поведения, но прежде всего – несогласия со своим проектом. Утопия основана на предположении о том, что поведение человека можно (и надо) проектировать – подобно природным явлениям.

И именно этому моменту онтологии утопии стоит уделить особое внимание, вписывая его в сеть связей с проектом европейской модерности.

Бескомпромиссная природа модерности. Неслучайно отец современной философии Ренэ Декарт выбрал фигуру градостроителя, чтобы проиллюстрировать направление нового – современного – мышления. В «Рассуждении о методе» он говорит о необходимости строительства «города философии» с нуля, не оглядываясь на предложения предшествующих «архитекторов». Следуя вкусу своей эпохи – столь близкому модернистам XX столетия, он ставит целостный, рациональный, идущий сверху план над низовым, стихийно сформировавшимся укладом: «...часто работа, составленная из многих частей и сделанная руками многих мастеров, не имеет такого совершенства, как работа, над которой трудился один человек. Так, мы видим, что здания, задуманные и исполненные одним архитектором, обыкновенно красивее и лучше устроены, чем те, в переделке которых принимали участие многие, пользуясь старыми стенами, построенными для других целей. Точно так же старинные города, разрастаясь с течением времени из небольших посадов и становясь большими городами, обычно столь плохо распланированы, по сравнению с городами-крепостями, построенными на равнине по замыслу одного инженера, что, хотя при рассмотрении этих зданий поодиночке нередко находишь в них никак не меньше искусства,

¹ См. перевод: <http://www.politnauka.org>. Это, согласно Маннгейму, отличается утопическое сознание от идеологического, также ориентированного на цели, «трансцендентные по отношению к действительности», но при этом остающегося «вмонтированным» в существующую картину мира (Mannheim 1992: 159-174).

нежели в зданиях крепостей, однако при виде того, как они расположены – здесь маленькое здание, там большое – и как улицы от них становятся искривленными и неравной длины, можно подумать, что это скорее дело случая, чем разумной воли людей. А если иметь в виду, что всегда были должностные лица, заботившиеся о том, чтобы частные постройки служили к украшению города, то станет ясным, как нелегко создать что-либо законченное, имея дело только с чужим творением» (Декарт 1953: 17).

На красоту рационального города может повлиять не только прошлое, понимаемое как балласт, но и будущее – замысел реализовать идеальный план, перенести его с чертежной доски в реальную жизнь. Даже город, который возникает на пустом месте, спланированный целостно и рационально, неизбежно сталкивается с объективными вызовами реальности: ландшафтом, климатом, экономикой, социальным укладом и индивидуальной психологией. От мелочей до серьезных препятствий – все влияет на первоначальный план, изменяет его, заставляет быть гибким. «Картографическая монополия» – согласно Бауману, ситуация, в которой карта предшествует появлению города (Bauman 1998: 18), – дает планировщику преимущество лишь на короткое время. Скоро оказывается, что даже в столь комфортной ситуации он должен постоянно догонять реальность и приспособляться к ней.

При встрече с реальностью основные положения утопического плана строителей коммунизма вынуждены были претерпеть изменения, что, однако, официальная советская культура – принципиально бескомпромиссная – тщательно скрывала. Таким образом, дискурс власти и реальная картина советского города все больше расходились. Наглядность этого процесса дезавуировала изначальный проект. Единственным способом очередного сближения жизни и официальной культуры мог стать лишь резкий перелом в доминирующем дискурсе, остающемся при этом в рамках парадигмы советской культуры. Радикальные эстетические изменения в городском пространстве – наглядный тому пример.

Главной целью упомянутых дискурсивных переломов являлось сохранение мобилизационного характера культуры, благодаря поддержанию атмосферы непрекращающегося начинания с нуля. Вольфганг Вельш именно в «пафосе радикального нового начала» находит один из определяющих факторов Нового времени (Welsch 1998: 99-101). Рационалистическая утопия Просвещения должна была построить новый мир, основанный не на истории, а на чисто интеллектуальном акте и смелой человеческой воле – создавать города на пустом месте, полностью контролируя каждый элемент процесса. Картезианский инженер, который строит на пустой равнине совершенный (потому что новый) город, оправдывает очередные переломы, постоянные повороты к неискаженному началу. Лиотар в «Заметке о смысле “пост-”» подобный способ рассматривать историю сочетает с модерностью (современностью): «...идея линейной хронологии абсолютно “современна”. Она свойственна разом и христианству, и картезианству, и якобинству: коль скоро мы зачинаем нечто совершенно новое, значит нам нужно перевести стрелки часов на нулевую отметку. Сама идея современности тесно соот-

несена с принципом, согласно которому возможно и необходимо рвать с традицией и учреждать некий абсолютно новый образ жизни и мышления» (Лиотар 2008а: 105-106). Философ, однако, сразу добавляет важное возражение: «Сегодня мы подозреваем, что этот *разрыв* – не столько способ превзойти прошлое, сколько способ его забыть или подавить, т. е. повторить» (Лиотар 2008а: 106).

Динамика переломов в советском городском дискурсе привела к тому, что линейный изначально принцип культурного развития со временем приобрел циклическую форму. Чем было тогда «новое начало»? Стало ли настоящей «нулевой точкой» вытеснение языка авангарда соцреализмом и соцреализма – поздним модернизмом? Переломы Сталина и Хрущева имеют много общего. Отказываясь от «ошибок и искажений» своих предшественников, они возвращались к отвергнутым раньше решениям. Оба узаконивали свою революцию прошлым: вместе того, чтобы выработать новое, возвращались к проверенным идеям¹. Таким образом, оба они имеют сильно консервативный характер, который и отличает их от революции 1917 г., являющейся совершенно новым экспериментом. Надо согласиться с замечанием Мартина Малии: каждый народ лишь один раз в своей истории может совершить революцию (Malia 2006).

Модерность – ложь – насилие. В поисках детерминантов Нового времени Вольфганг Вельш, помимо рациональности (ведущей к радикальной новизне), рассматривает идею универсализма: тотальной, обобщающей, беспощадно нивелирующей разнообразие (Welsch 1998: 102). Картезианская позиция навязывает тотальность: негативно относится она к постепенным, фрагментарным реформам и отстаивает необходимость совершения всеобъемлющей революции. Такой взгляд отрицает возможность любого компромисса, столь необходимого для реализации абстрактного плана. Для маскировки несовпадений между идеальным проектом и реальностью необходимо обратиться к лжи; чтобы сохранить мобилизацию – к насилию (Szacki 2000: 176). В ситуации «реализованной» утопии как ложь, так и насилие становятся институтом.

Следует здесь обратить внимание на важную особенность советской доктрины: обладая якобы научным характером, принципиально исключала она возможность критики, что и превращало ее в догму: ее не признавали – ее исповедывали (Imos 2007). Забота о сохранении веры в непогрешимость доктрины (и ее стражи) порождала оруэлловское «двоемыслие», которое, таким образом, не являлось искажением проекта – оно выросло из его основ.

Лешек Колаковский в эссе 1985 г. «Коммунизм как культурная формация» обратил внимание на одно тревожное противоречие утопий Нового времени: обществом совершенного эгалитаризма правит – иногда жестоко – элита (Kołakowski 1990: 302). Именно в эпохе Просвещения философ ищет корни проблемы: «Вырастающий из Просвещения рационализм,

¹ У Вельша другой подход. По его мнению, «ссылки на традицию следует понимать не как оправдание новизны, а как критику старого» (Welsch 1998: 101). Тем не менее кажется, что оба элемента ни в коем случае не исключают друг друга – цитата легитимизирует как отобранный фрагмент прошлого, так и настоящее.

презрение к традиции и ненависть к целому мифологическому слою культуры принес в коммунизме плоды не только в форме жестокого преследования религии; они были также выражены в качестве принципа – скорее на уровне практики, чем явного признания, согласно которому человеческие личности полностью заменяемы, а жизни отдельных людей имеют значение лишь в качестве инструмента *общего дела*, то есть государства, поскольку нет рациональных оснований для того, чтобы присвоить человеческой личности любой особенный, субъективный статус; рационализм таким способом превратился в идею рабства» (Kořakowski 1990: 311-312).

Перефразируя Лиотара, можно утверждать, что если модернность началась с цареубийства – кровавой расправы с законным сувереном, власть которого строилась на традиции и мифе, то заканчивает ее повторное выступление против суверена геноцид (Лиотар 2008b: 35-36). Не только Аушвиц, но и ГУЛаг можно рассматривать как «слово-символ» поражения проекта модерности¹. Оба они разрушили веру человечества в прогресс и эмансипацию, оказавшись не предательством, а плодом модерности (Бауман 2010).

Проект модерности обратился к разуму для освобождения человечества от насилия природы и традиционной культуры. Человек должен был «расколдовывать мир», став его сознательным творцом. И все же модернность терпит здесь поражение, сама одеваясь в миф и порабощая человека (Хоркхаймер, Адорно 1997). Ее эффективность направляется против людей. Это порождает «абсурдность состояния, при котором насилие системы над людьми возрастает с каждым шагом, освобождающим их от природного насилия» (Хоркхаймер, Адорно 1997: 56). В этом контексте стоит вспомнить слова Пьера Бурдьё, с которыми он обратился к своим русским читателям в начале 1990-х гг.: «...недостаточно развернуться в обратную сторону от ошибки, чтобы прийти к истине» (Бурдьё 1993: 31).

* * *

Обе заявленные в начале статьи гипотезы, предполагающие трактовку советской культуры как единого феномена, определяемого при этом модерной стратегией, остаются все еще открытой проблемой как одна из возможных интерпретаций. Однако категория модерности кажется особенно оправданной в качестве перспективы, связывающей три выявленных облика советской культуры, так как не просто позволяет учитывать эти резкие смены, но и помогает уловить их природу. У резких переломов в советском городском дискурсе прослеживается далеко не одна причина: их провоцировали такие столь разные факторы, как социально-экономическая обстановка, международные эстетические тенденции и даже личный вкус руководителей страны. Все факторы не исключают друг друга. Предложение рассмотреть эти удивительные сдвиги через призму бескомпромиссно понимаемого модерного проекта является не менее оправданным, и именно оно позволяет наглядно изобразить ситуацию радикального несогласия идти путем эволюции и компромисса.

¹ Об Освенциме Лиотар пишет, ссылаясь на Адорна (Лиотар 2008a: 107).

Реализованная утопия превращается в идеологию, то есть стратегию, которая по своей природе не так бескомпромиссная, как утопия. Однако в случае проекта принципиально бескомпромиссного признать этот факт нельзя. «Ложное сознание» оказывается общим элементом как утопии, так и идеологии (Mannheim 1992: 48), и это оно продуцирует сильнейший – в мобилизационном плане – дискурс нового начала. Повторяющиеся каждые 20 лет очередные переломы по своей природе являлись лже-революциями, не затрагивая сути системы. Осуществлялись они согласно одному принципу: сохранить полный контроль над реальностью – на уровне дискурса, а дискурс скомпрометированный заменить новым.

Вышеупомянутые процессы наглядно изображает советский город. Архитектура как явление длительного времени способна пережить культуры, которые создали ее. Остается она записью прошлого, однако иногда – как закрытый для сегодняшнего прочтения палимпсест. Что способен рассказать про советскую культуру современный российский город? Что, например, про Сталинск говорит нам сегодняшний Новокузнецк?

Суровую строчную застройку, спроектированную немецким архитектором Эрнстом Маем, спрятали за обрамляющими ее кольцами пафосных сталинок. Спиной к сталинским проспектам расположился полный простора и повторяемости модернистский новый центр. Целостность впечатления от этих трех частей, при их очевидных отличиях, внушительна. Не разницу мы здесь наблюдаем, а единый и повторяемый упорно жест – жест строительства города с нуля.

Но, на самом деле, подобный жест случился лишь один раз – когда в начале 30-х гг. было решено возвести новый промышленный город. Один из старейших сибирских городов, Кузнецк, географически остался за рекой, а в дискурсе оказался за чертой забвения. Новокузнецк–Сталинск строили не рядом с ним, а в некоем «глухом месте» среди степи¹. Прошлое не являлось полноценным соперником, его же стоило замалчивать.

Этот жест удивительным способом попытались повторять. Однако – не получилось. Получился – один ансамбль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баканов С.А. 2013. Мобилизационная модель развития советского общества: проблемы теории и историографии // Вестник Челябинского государственного университета. № 18 (309). Серия «История». Вып. 56. С. 87-92.

Бауман З. 2010. Актуальность холокоста. Москва : Европа. 316 с.

Бурдые П. 1993. Социология политики. Москва : Socio-Logos. 336 с.

Гройс Б.Е. 2013. Gesamtkunstwerk Сталин. Москва : Ад Маргинем Пресс. 168 с.

Декарт Р. 1953. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Москва : АН СССР. 656 с.

¹ «В глухих местах возникли новые города: Новокузнецк, Игарка, Белово, Прокопьевск и др. Расширялись и благоустраивались старые города» (Окладников, Шунков 1968: 354).

- Дэвид-Фокс М. 2016. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. № 4 (140). С. 19-44.
- Коткин С. 2001. Говорить по-большевистски // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период : антология / под редакцией М. Дэвид-Фокс. Самара : Изд-во Самар. ун-та. С. 250-328.
- Лиотар Ж.-Ф. 1998. Состояние постмодерна. Москва ; Санкт-Петербург : Ин-т эксперимент. социологии ; Алетейя. 160 с.
- Лиотар Ж.-Ф. 2008а. Заметка о смысле «пост-» // Ж.-Ф. Лиотар. Постмодерн в изложении для детей : Письма 1982–1985. Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т. С. 104-111.
- Лиотар Ж.-Ф. 2008b. Примечание к рассказам // Ж.-Ф. Лиотар. Постмодерн в изложении для детей : Письма 1982–1985. Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т. С. 33-38.
- Марков А.В. 2016. Советская модерность: производство отсутствия // Новое литературное обозрение. № 140. С. 76-79.
- Мартьянов В.С. 2010. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. Москва : РОССПЭН. 367 с.
- Мостаков А. 1937. Безобразное «наследство» архитектора Э. Мая // Архитектура СССР. № 9. С. 60-63.
- Окладников А.П., Шунков В.И. (ред.) 1968. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4 / главные редакторы А.П. Окладников и В.И. Шунков. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние. 501 с.
- Паперный В.З. 2011. Культура два. Изд. 3-е. Москва : Новое лит. обозрение. 408 с.
- Поселягин Н. 2016. Испытание модерностью: от редактора // Новое литературное обозрение. № 4 (140). С. 16-18.
- Снопек К. 2013. Беляево навсегда. Сохранение непримечательного. Москва : Ин-т медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка». 100 с. URL: <https://e-libra.ru/read/494283-belyaevonavsegda-sohranenieneprimechatelnogo.html> (дата обращения: 12.06.2019).
- Сталин И.В. 1949. Год великого перелома: к XII годовщине Октября // И.В. Сталин. Сочинения. Москва : Госполитиздат. Т. 12. С. 118-135.
- Тимошенко А.И. (ред.) 2012. Мобилизационная роль советского государства в хозяйственном освоении Сибири (1920–1980-е гг.) / ответственный редактор А.И. Тимошенко. Новосибирск : Сибир. науч. изд-во. 249 с.
- Фуко М. 2004. Археология знания. Санкт-Петербург : Гуманит. акад. 416 с.
- Хан-Магомедов С.О. 1996. Архитектура советского авангарда. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. Москва : Стройиздат. 709 с.
- Хмельницкий Д.С. 2006. Архитектура Сталина. Психология и стиль. Москва : Прогресс-Традиция. 559 с.
- Хмельницкий Д.С., Милютин Е.Н. 2013. Николай Милютин в истории советской архитектуры / Д.С. Хмельницкий. Мы наш, мы новый мир построим / Е.Н. Милютин. Москва : Новое лит. обозрение. 504 с.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.В. 1997. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. Москва ; Санкт-Петербург : Медиум : Ювента. 312 с.
- Хоффманн Д.Л. 2018. Возвращение масс: современное государство и советский социализм. 1914–1939. Москва : Новое лит. обозрение. 424 с.
- Bauman Z. 1998. O ładzie, który niszczy, i chaosie, który tworzy, czyli o polityce przestrzeni miejskiej // Formy estetyzacji przestrzeni publicznej / J.S. Wojciechowski i A. Zeidler-Janiszewska (red.). Warszawa : Instytut Kultury. S. 7-23.
- Czeremski M., Sadowski J. 2012. Mit i utopia. Kraków : Libron. 216 s.

- David-Fox M. 2015. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, PA : Pittsburgh Univ. Press. VIII, 286 p.
- Eisenstadt S. 2000. *Multiple Modernities* // *Daedalus*. 2000. Winter. Vol. 129, № 1. P. 1-29.
- Giddens A. 1990. *The Consequences of Modernity*. Cambridge : Polity Press. 186 p.
- Imos R. 2007. *Wiara człowieka radzieckiego*. Kraków : Nomos. 238 s.
- Kołąkowski L. 1990. *Komunizm jako formacja kulturalna* // L. Kołąkowski. *Cywilizacja na ławie oskarżonych*. Warszawa : Res Publica. S. 295-319.
- Kopaliński W. 1985. *Słownik mitów i tradycji kultury*. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy. 1360 s.
- Lazari A. (red.) 1995. *Mentalność rosyjska. Słownik* / red. A. Lazari. Katowice : Śląsk. 119 s.
- Leszczyński A. 2013. *Skok w nowoczesność. Polityka wzrostu w krajach peryferyjnych 1943–1980*. Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, Wydawnictwo Krytyki Politycznej. 583 s.
- Malia M. 2006. *History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World*. New Haven ; London : Yale Univ. Press. 360 p.
- Mannheim K. 1992. *Ideologia i utopia* / przekład J. Miziński. Lublin : Test. XXXIII, 260 s.
- Нędза-Сикониовска К. 2018. *European Par Excellence. Several Remarks on Interpreting Soviet Urbanization in Siberia* // *Modernization and Multiple Modernities : The ISPS Convention 2017 Conference Proceedings, Russia, Yekaterinburg, 28-29 April 2017* / E. Stepanova & T. Kruglova (editors) ; KnE Social Sciences. P. 175-189. URL: <https://www.knepublishing.com/index.php/Kne-Social/issue/view/99>. – Дата публикации: 07.06.2018.
- Pańków I. 1990. *Filozofia utopii*. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 199 s.
- Sadowski J. 2009. *Między Pałacem Rad a Pałacem Kultury. Studium kultury totalitarnej*. Kraków : EGIS. 293 s.
- Scott J.C. 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven ; London : Yale Univ. Press. 445 p.
- Szacki J. 2000. *Spotkania z utopią*. Warszawa : Sic!. 240 s.
- Therborn G. 2003. *Entangled Modernities* // *European Journal of Social Theory*. Vol. 6, № 3. P. 293-305.
- Tołoczko Z. 1995. *Wybrane problemy współczesnej estetyki architektonicznej*. Kraków : PK. 195 s.
- Udovički-Selb D. 2009. *Between Modernism and Socialist Realism: Soviet Architectural Culture under Stalin's Revolution from Above, 1928–1938* // *Journal of the Society of Architectural Historians*. Vol. 68, № 4. P. 467-495.
- Welsch W. 1998. *Nasza postmodernistyczna moderna* / przekład R. Kubicki i A. Zeidler-Janiszewska. Warszawa : Oficyna Naukowa. XXXI, 484 s.

Kinga Nędza-Sikoniowska,

Institute of Russia and Eastern Europe of the Jagiellonian University, Krakow, Poland.
E-mail: ns.kinga@gmail.com

Article received 12.08.2019, accepted 07.10.2019, available online 13.01.2020

SOVIET URBAN EXPERIMENT – BETWEEN THE PROJECT OF MODERNITY AND UTOPIAN CONSCIOUSNESS

Abstract. The article raises the problem of sharp turning points in the Soviet urban discourse that occurred with the moment of Stalin's strengthening in power and after his death. The analyzed urban material was limited by three perspectives: (1) the city's creator (architect and authority), (2) urban space (architectural culture), and (3) the official discourse.

The article substantiates the point of view according to which, and despite the radically different formal languages of the avant-garde, the Stalinist style, and late Soviet modernism one can see behind them a single “content”, namely, the phenomenon of the Soviet city. The changes concerned only the discourse (in our case, urban planning, and architectural one); the main paradigm of the culture did not change: it was remaining uncompromisingly modern.

The article follows the tradition of the critical analysis of modernity – developed both by the members of the Frankfurt School and by postmodernists – but expands the concept of European modernity into Soviet culture. The Soviet metanarrative was based on the belief in the possibility (and necessity) of comprehensive and rational constructing of the reality. It had the character of a total and uncompromising project. And it is the uncompromising nature of Soviet modernity that dooms it to failure. To trace this process, the article explores the relationship between modernity and utopia – both uncompromising and rejecting the legitimacy of the past in favour of a rational plan.

Any attempt to realize utopia means changes in the initial, ideal, theoretical plan, and official Soviet culture – fundamentally uncompromising – carefully concealed that fact (lie and violence become an institution). However, the official discourse and the real image of the Soviet city diverged more and more. The only way for the rapprochement of life and official culture could be an abrupt shift in the dominant discourse playing at the same time the central mobilization role (the pathos of a radical new beginning, according to W. Welsch).

Keywords: modernity; utopia; revolution; Soviet city; Soviet culture; avant-garde; Stalinist architecture; late Soviet modernism.

The research was carried out with the financial support of the National Science Center, Poland (Narodowe Centrum Nauki) in the framework of the project no. 2016/23/N/HS2/01372.

For citation: Nędza-Sikoniowska K. *Sovetskiy gorodskoy eksperiment – mezhdru proektom modernosti i utopicheskim soznaniem* [Soviet urban experiment – between the project of modernity and utopian consciousness], *Antinomii=Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 66-87. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00009. (in Russ.).

References

Bakanov S.A. *Mobilizatsionnaya model' razvitiya sovetskogo obshchestva: problemy teorii i istoriografii* [Mobilization Model of the Development of Soviet Society: Problems of Theory and Historiography], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 18 (309). Seriya «Istoriya»*, 2013, iss. 56, pp. 87-92. (in Russ.).

Bauman Z. *Aktual'nost' kholokosta* [Modernity and the Holocaust], Moscow, Evropa, 2010, 316 p. (in Russ.).

Bauman Z. *O ładzie, który niszczy, i chaosie, który tworzy, czyli o polityce przestrzeni miejskiej* [About the Order that Destroys, and the Chaos that Creates, or About the Politics of Urban Space], J.S. Wojciechowski, A. Zeidler-Janiszewska (eds.). *Formy estetyzacji przestrzeni publicznej*, Warszawa, Instytut Kultury, 1998, pp. 7-23. (in Polish).

Bourdieu P. *Sotsiologiya polityki* [Sociology of Politics], Moscow, Socio-Logos, 1993, 336 p. (in Russ.).

Czeremski M., Sadowski J. *Mit i utopia* [Myth and utopia], Kraków, Libron, 2012, 216 p. (in Polish).

David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*, Pittsburgh, PA, Pittsburgh Univ. Press, 2015, viii, 286 p.

David-Fox M. *Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, al'ternativnaya ili perepletennaya?* [Russian—Soviet Modernity: None, Shared, Alternative, or Entangled?], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 4 (140), pp. 19-44. (in Russ.).

Descartes R. *Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoy razum i otyskivat' istinu v naukakh* [Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences], Moscow, AN SSSR, 1953, 656 p. (in Russ.).

Eisenstadt S. Multiple Modernities, *Daedalus*, 2000, winter, vol. 129, no. 1, pp. 1-29.

Foucault M. *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge], St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, 2004, 416 p. (in Russ.).

Giddens A. *The Consequences of Modernity*, Cambridge, Polity Press, 1990, 186 p.

Groys B.E. *Gesamtkunstwerk Stalin* [Gesamtkunstwerk Stalin], Moscow, Ad Marginem Press, 2013, 168 p. (in Russ.).

Hoffmann D.L. *Vzrashchivanie mass: modernoe gosudarstvo i sovetskiy sotsializm. 1914–1939* [Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939], Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2018, 424 p. (in Russ.).

Horkheimer M., Adorno T.W. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments], Moscow, St. Petersburg, Medium, Yuventa, 1997, 312 p. (in Russ.).

Imos R. *Wiara człowieka radzieckiego* [The Faith of the Soviet Man], Kraków, Nomos, 2007, 238 p. (in Polish).

Khan-Magomedov S.O. *Arkhitektura sovetskogo avangarda. Kn. 1. Problemy formoobrazovaniya. Mastera i techeniya* [The Architecture of the Soviet Avant-garde. B. 1: Problems of Shaping. Masters and Currents], Moscow, Stroyizdat, 1996, 709 p. (in Russ.).

Khmelnitsky D.S. *Arkhitektura Stalina. Psikhologiya i stil'* [Stalin's architecture. Psychology and style], Moscow, Progress-Traditsiya, 2006, 559 p. (in Russ.).

Khmelnitsky D.S., Milyutina E.N. *Nikolay Milyutin v istorii sovetskoy arkhitektury. My nash, my novyy mir postroim* [D.S. Khmelnitsky. Nikolai Milyutin in the history of Soviet architecture; E.N. Milyutina. We are ours, we will build a new world], Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, 504 p. (in Russ.).

Kołakowski L. *Komunizm jako formacja kulturalna* [Communism as a Cultural Formation], L. Kołakowski. *Cywilizacja na ławie oskarżonych*, Warszawa, Res Publica, 1990, pp. 295-319. (in Polish).

Kopaliński W. *Słownik mitów i tradycji kultury* [Dictionary of Myths and Cultural Traditions], Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985, 1360 p. (in Polish).

Kotkin C. *Govorit' po-bolshevistski* [Speaking Bolshevik], M. David-Foks (ed.) *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period : antologiya*, Samara, Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2001, pp. 250-328. (in Russ.).

Lazari A. (ed.) *Mentalność rosyjska. Słownik* [The Russian Mentality. Dictionary], Katowice, Śląsk, 1995, 119 p. (in Polish).

Leszczyński A. *Skok w nowoczesność. Polityka wzrostu w krajach peryferyjnych 1943–1980* [The Leap into Modernity: Growth Politics in Peripheral Countries, 1943–1980], Warszawa, Instytut Studiów Politycznych PAN, Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2013, 583 p. (in Polish).

Lyotard J.-F. *Primechanie k rasskazam* [A Note to Stories], *Zh.-F. Liotar. Postmodern v izlozhenii dlya detey : Pis'ma 1982–1985*, Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2008, pp. 33–38. (in Russ.).

Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition], Moscow, St. Petersburg, Institut eksperimental'noy sotsiologii, Aleteyya, 1998, 160 p. (in Russ.).

Lyotard J.-F. *Zametka o smysle «post-»* [Note on the Meaning of “post”], *Zh.-F. Liotar. Postmodern v izlozhenii dlya detey : Pis'ma 1982–1985*, Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2008, pp. 104–111. (in Russ.).

Malia M. *History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World*, New Haven, London, Yale Univ. Press, 2006, 360 p.

Mannheim K. *Ideologia i utopia* [Ideology and Utopia], Lublin, Test, 1992, xxxiii, 260 p. (in Polish).

Markov A.V. *Sovetskaya modernost': proizvodstvo otsutstviya* [Soviet Modernity: The Production of Absence], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 140, pp. 76–79.

Martianov V.S. *Politicheskiy proekt Moderna. Ot miroekonomiki k miropolitike: strategiya Rossii v globaliziruyushchemsya mire* [The Political Project of Modernity. From the World–Economy to World–Politics: Russia's Strategy in the Globalized World], Moscow, ROSSPEN, 2010, 367 p. (in Russ.).

Mostakov A. *Bezobraznoe «nasledstvo» arkhitekтора E. Maya* [Ugly “legacy” of the architect E. May], *Arkhitektura SSSR*, 1937, no. 9, pp. 60–63. (in Russ.).

Ńedza-Sikonowska K. European Par Excellence. Several Remarks on Interpreting Soviet Urbanization in Siberia, *E. Stepanova & T. Kruglova (eds.) Modernization and Multiple Modernities : The ISPS Convention 2017 Conference Proceedings, Russia, Yekaterinburg, 28-29 April 2017. KnE Social Sciences*, 2018, pp. 175–189, available at: <https://www.knepublishing.com/index.php/Kne-Social/issue/view/99>. (date of publication June 07, 2018).

Okladnikov A.P., Shunkov V.I. (gen. eds.) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney. T. 4* [The History of Siberia from Earliest Times to Present Day, vol. 4], Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1968, 501 p. (in Russ.).

Pańków I. *Filozofia utopii* [The Philosophy of Utopia], Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990, 199 p. (in Polish).

Paperny V.Z. *Kul'tura dva* [Culture Two], 3rd ed., Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 408 p. (in Russ.).

Poselyagin N. *Ispytanie modernost'yu: ot redaktora* [Trial by Modernity: (From the Editor)], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 4 (140), pp. 16–18. (in Russ.).

Sadowski J. *Między Pałacem Rad a Pałacem Kultury. Studium kultury totalitarnej* [Between the Palace of the Soviets and the Palace of Culture. Study of totalitarian culture], Kraków, EGIS, 2009, 293 p. (in Polish).

Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, New Haven, London, Yale Univ. Press, 1998, 445 p.

Snopek K. *Belyaevu navsegda. Cokhranenie neprimechatel'nogo* [Belyayev Forever: Preserving the Generic], Moscow, Institut media, arkitektury i dizayna «Strelka», 2013, 100 p. available at: <https://e-libra.ru/read/494283-belyaevu-navsegda-sohranenie-neprimechatel-nogo.html> (accessed June 12, 2019). (in Russ.).

Stalin I.V. *God velikogo pereloma: k XII godovshchine Oktyabrya* [The Year of the Great Turn: by the XII Anniversary of October], *I.V. Stalin. Sochineniya*, Moscow, Gospolitizdat, 1949, vol. 12, pp. 118-135. (in Russ.).

Szacki J. *Spotkania z utopią* [Meetings with Utopia], Warszawa, Sic!, 2000, 240 p. (in Polish).

Therborn G. Entangled Modernities, *European Journal of Social Theory*, 2003, vol. 6, no. 3, pp. 293-305.

Timoshenko A.I. (resp. ed.) *Mobilizatsionnaya rol' sovetskogo gosudarstva v khozyaystvennom osvoenii Sibiri (1920–1980-e gg.)* [The Mobilization Role of the Soviet State in the Economic Development of Siberia (1920s – 1980s)], Novosibirsk, Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2012, 249 p. (in Russ.).

Tołoczko Z. *Wybrane problemy współczesnej estetyki architektonicznej* [Selected Problems of Contemporary Architectural Aesthetics], Kraków, PK, 1995, 195 p. (in Polish).

Udovički-Selb D. Between Modernism and Socialist Realism: Soviet Architectural Culture under Stalin's Revolution from Above, 1928–1938, *Journal of the Society of Architectural Historians*, 2009, vol. 68, no. 4, pp. 467-495.

Welsch W. *Nasza postmodernistyczna moderna* [Our Postmodern Modernity], Warszawa, Oficyna Naukowa, 1998, xxxi, 484 p. (in Polish).

Ahmed A. Right wing ascendance in India and politicisation of India's military. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00010 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 88–106.

УДК 323(540)

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00010

ДОМИНИРОВАНИЕ «ПРАВЫХ» В ИНДИИ И ПОЛИТИЗАЦИЯ ИНДИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Али Ахмед

Приглашенный профессор,

Центр по исследованию проблем мира

и урегулированию конфликтов Нельсона Манделы,

Национальный исламский университет, Нью-Дели, Индия

E-mail: aliahd66@gmail.com

*Статья поступила 20.09.2019, принята к печати 18.11.2019,
доступна online 13.01.2020*

С приходом к власти сил большинства в результате выборов 2014 г. в Индии наблюдается ослабление правительственных институтов. Правящая Индийская народная партия (Бхартия джаната парти – БДП) вернулась к власти с увеличившимся парламентским большинством в результате выборов 2019 г. Усиление влияния хиндутвы (*санскр.* индусскость) – политической философии индуских националистических образований и «Сангх Паривар» (группа организаций Сангха), связанной также с организацией правого толка «Раштрия сваямсевак сангх» (*санскр.* Союз добровольных слуг родины) привело к переформатированию дискурса индийской национальной идеи. Представляется, что переформулирование индийских политических ценностей в терминах доминирующего национализма также затронет индийские вооруженные силы, которые традиционно считаются профессиональным, аполитичным и не связанным с религией институтом.

Вопрос о возможном влиянии диктатуры большинства на вооруженные силы Индии изучен недостаточно. Автор статьи исследует влияние режима мажоритарной демократии на индийские вооруженные силы, рассматривая трансформацию гражданско-военных отношений при правительстве, сформированном БДП. В гражданско-военных отношениях наблюдается сдвиг от объективного гражданского контроля, который поддерживает профессионализм вооруженных сил и позволяет им оставаться вне политики, в сторону субъективного гражданского контроля. Этот сдвиг создает риск утраты вооруженными силами их аполитичной этики, что в свою очередь приведет к изменению присущей им секулярной этики.

Выводы статьи в равной степени актуальны как для политической практики, так и для теории. С точки зрения практики, существует необходимость в сохранении профессионализма индийских вооруженных сил при помощи модели объективного гражданского контроля. Теоретическая актуальность состоит в выявлении границ

идеи подчинения вооруженных сил гражданским правителям. В случае проникновения политической идеологии в вооруженные силы и угрозы для их профессионализма вооруженные силы должны оказывать сопротивление ради сохранения национальной безопасности.

Ключевые слова: вооруженные силы Индии, военная социология, хиндутва, профессионализм вооруженных сил, гражданско-военные отношения, индийская политика.

Introduction. The Indian military is widely regarded as professional, which is defined in civil-military theory as embodying expertise, corporate autonomy and social responsibility (Huntington 1957: 8-18). In addition, India's military also has a reputation for being apolitical (Cohen 1971: 166-167, 176) and secular. Its apolitical ethic has long distinguished it from peer militaries since historically it has stayed out of politics (Wilkinson 2015: 3; Cohen 2010: 5). Its secular ethic is its being imbued with the notable Indian cultural value of secularism enshrined in the Constitution's preamble (Ogden 2017: 13-14). Of late there are concerns over the possible erosion in this apolitical and secular ethic.

As regards secularism, the apprehensions of a revision in India's approach to secularism renewed with the votaries of *hindutva* (Hindu-ness) or cultural nationalism gaining power in 2014. It was accompanied by the Bharatiya Janata Party (BJP) attaining a parliamentary majority for the first time in thirty years (Ogden 2017: 19). The ideological dominance facilitated by power has enabled reelection of the ruling party in 2019 with more votes than in 2014. The normalisation of the world view of the BJP has shifted the high ground in Indian politics towards their ideas, which has "lastingly altered the Indian political landscape" (Ogden 2017: 19). It is possible to predict the incorporation of cultural nationalist verities into the Indian political culture in its second term (Chandra 2019).

Hindutva is a concept articulated by its leading adherent, VD Savarkar, as defining the Hindu nation along the lines of special geography, a common language, a shared culture and belief in the native land as a holy land (Ahmed H. 2019: 66-67). The contours of the majoritarian national project of the right wing have been described by a political scientist as: "[I]deologically adherent to *Hindutva* ['Hindu-ness'] and premised on Brahmanical dominance, Hindu nationalists are amplifying their seemingly irreversible crusade to render India into a Hindu state" (Chatterji 2019: 398). The change in political culture is evident from the dropping of the word "secularism" from the 2019 election manifesto of the leading opposition party, the Congress (Kumar 2019). The common observation is that the opposition has taken to "soft *hindutva*" for its electoral calculations, suggestive of the near hegemonic status of the cultural nationalist ideology in electoral politics (Palshikar 2019: 101).

The argument and scope. In theory, there are two options of civilian control over the military. Objective civilian control is the "maximisation of military professionalism" in order to keep it politically "sterile and neutral". On the other hand, subjective civilian control is maximisation of the power of a particular civilian group in relation to the military (Huntington 1957: 80-85). Objective

civilian control underpins professionalism. Subjective civilian control entails subscription to the ideological orientation of their civilian political masters by the military. Ideology is “a set of values and attitudes oriented about the problems of state” (Huntington 1957: 90). Since political parties differ in ideological orientations, in a democratic polity the military needs to maintain its ideological neutrality, easing its deference to civilian authority of any ideological hue.

Thus far, Indian civil-military relations have largely been characterised by objective civilian control, wherein the military is kept distant from politics by an emphasis on its professionalism. India has been close to the Huntingtonian ideal of mutually respected political-military distance, wherein militaries restrict lobbying to such military-relevant matters as budgets, pay, weapons acquisition etc (Kundu 1998: 1) and protecting bureaucratic turf, without overly indulging in policy activism. On this aspect, Stephen Cohen’s observation of the early years of Independence, is that, “[T]o officers [in the Indian Army at least] profession comes first, and ‘politics’ finds no place” (Cohen 1971: 195).

The paper discusses politicisation by visualizing the cultural space as three nested circles: political, strategic and organisational culture. The three nested circles, with political culture at the outer layer and organisational culture in the core, have inter-permeable boundaries. Political culture provides the top-down context for strategic culture or political-military culture. Strategic culture is also subject to a bottom-up influence from the military’s organisational culture (Kier 1997).

Culture is collectively held at a national-societal-community level as “a set of unselfconscious assumptions as to seem a natural, transparent, undeniable and rarely debated part of the structure of the world” (Kier 1997: 26). Political culture includes “commitment to values like democratic principles and institutions, ideas about morality and the use of force, the rights of individuals and collectives, or predispositions toward the role of a country in global politics” (Lantis 2002: 90). The ruling party operating on a mix of authoritarianism, majoritarianism, nationalism and populism (Jaffrelot 2019: 4), is undertaking a makeover of India. The New India – a phrase coined by Prime Minister Narendra Modi – fostered by the “Hindu nationalist dominance to establish a majoritarian state in India” (Jaffrelot 2019: 1), may require more of the military than political inertness. The difference in political culture with right wing ascendance is in *hindutva* papering over shared divisions by emphasis on a shared religion. It is attempting to homogenize Hinduism, otherwise differentiated into several castes and sects.

Political culture impacts strategic culture. Strategic culture is an ideational milieu, setting pervasive strategic preferences for a state based on widely held concepts of roles and efficacy of use of force in political affairs by its political and strategic elites (Johnston 1995: 46). Apprehending a consequent national weakness, the ruling formations have alongside militarized the social and cultural spaces. Militarism in strategic policy is also much in evidence. Riding on the back of an upward economic trajectory, military modernisation over this century has recreated Indian military power. This has enabled a shift in strategic culture from strategic restraint (Cohen 2010: 13) to strategic proactivism in the Modi era, best signified by the surgical strikes (Ahmed 2016).

Strategic culture abuts organisational culture, which is, “the patterns of assumptions, ideas, and beliefs that prescribe how a group should adapt to external environment and manage its internal structure” (Legro 1994: 115). Since military culture comprises “beliefs and norms about the optimal means to fight wars” (Legro 1994: 109), organisational culture has an autonomous influence on military preferences. There are two routes for political cultural impact on organisational culture: one being the direct influence of political cultural change on the military’s organisational culture; and second, is through mediation by an intervening strategic culture.

Since the military, as a political community, is resident within a larger political community, its host society, it is affected by the dominant tendencies within the larger national community (Rosen 1996: 267). So far, India’s military as a technical and professional group maintained an isolation from society – best signified by its inhabiting cantonments distinct from local communities – not only due to inertia since the days of its origin as a British colonial institution, but also in order to keep away from the social and political tumult. Rapid political cultural change is voiding old verities. There is a collapse among the three circles with a monocular – saffron-political culture engulfing organisational culture, impacting the latter’s apolitical and secular facets.

The paper only briefly probes for changes in secularism, though a detailed study is separately needed. Secularism has been under redefinition by cultural nationalism (Chandhoke 2019: 538). Briefly, the incidence of cultural nationalist thinking has not been unknown in the military. Omar Khalidi, taking a sociological look at the military of the nineties, made critical observations on this score (Khalidi 2003: 38–40). The trend is a continuing distancing from civic nationalism towards religion-based ethnic nationalism (Ansari 2019). The *hindutva* version of secularism is not based on respect of plurality stemming from India’s diversity, but on the belief that India is secular since Hinduism is secular (Noorani 2019: 376).

The military is predominantly Hindu in social composition. The military’s sociological composition is unrepresentative of India’s social diversity (Rosen 1996: 206, 239; Jaffrelot 2019: 43–46). While numbers are not in the open domain, Muslims comprise about three per cent of the army and less than two per cent of the more consequential officer corps (Ahmed 2018). Even so, this does not *ipso facto* imply the military need be any more receptive to *hindutva* or political Hinduism.

Hindutva doctrine is essentially politicized Hinduism, a reactionary version of the syncretic Hindu faith. A case to point on the drawbacks is brought out in Christine Fair’s work (Fair 2014) on the Islamisation of the Pakistan army in the years of President Zia ul Haq. Drawing analogy by likening political Hinduism with political Islam, it is averred here that diluted professionalism, or departure from modern rational-legal norms, could accrue in case of India too.

Methodology and layout. The paper is a qualitative study based on secondary sources. The paper takes the rise of the political Right in Indian politics as an independent variable and the military’s professionalism as the dependent variable. There are two intervening variables within the military’s organisational

culture: apolitical ethic and secularism. To observe the impact of *hindutva* on the organizational culture, the paper confines itself to observations on the apolitical ethic. It presents the shift from objective to subjective civilian control as evidence of implications of *hindutva* for the apolitical ethic. Change in the intervening variable – apolitical ethic – can be expected to herald a change in the sister ethic, secularism (discussed briefly in the paper).

The paper has two parts. In Part I, it undertakes a case study of the February 2019 crisis between India and Pakistan and the immediate aftermath (Shankar et al. 2019) to highlight changes in the apolitical ethic of India's military. This part highlights the manner in which the military has supported the government's political interests by egregiously intervening in the then ongoing election-relevant debates. In Part II, it discusses permeation of *hindutva* into organisational culture. As evidence of a direct route of such penetration, the paper presents an article published in a professional journal of a training institution of the army wherein the author, the head of the institution, reveals political polarisation within the military (Ghura 2018). A brief sub-section carries illustrative examples of presence of right wing trope in Indian military professional journals.

Part 1. Case study on the India-Pakistan crisis.

The political contention. In the run-up to the 2019 national elections, over 150 veterans of the armed forces wrote an open domain letter to the President of India¹. Noting the references to military operations in electioneering, in particular by the ruling party, the letter expressed apprehensions over the politicisation of the military. The letter served the purpose of bringing the threat of politicisation of the military into the open.

In the run up to the 2019 elections, persuasive narratives spelling a challenge for the BJP built up around such issues as unemployment, the effects of demonetisation, the implementation of the goods and services tax, farmers' suicides, rural distress etc. (Safi 2019). However, as the elections approached, the game changer turned out to be the Balakot aerial strike by India on 26 February 2019. The aerial strike was the first one inside Pakistan since the 1971 War, Balakot being inside Khyber Pukhtunistan province. Aerial targeting of an alleged terrorist training facility was conducted by India in retaliation for the 16 February car-borne improvised explosive device attack on the Indian security convoy in Pulwama in Kashmir that resulted in 44 troopers as casualties (Rashid 2019).

On the campaign trail, Prime Minister Narendra Modi took credit for the strikes. He had been rather critical of the preceding Congress-led government's response – or lack thereof – to the Mumbai terror attack, 26/11, in November 2008². His posturing over security in the election run-up met with the

¹ URL: <https://thewire.in/security/veterans-ask-president-to-urge-parties-to-stop-using-military-for-political-gains>

² URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/modi-played-despicable-politics-during-26-11-mumbai-terror-attack-congress-1396976-2018-11-27>

opposition's protests to the election commission that that violated the model code of conduct. The election commission found nothing amiss, though, as it later turned out, its decision lacked consensus (Chopra 2019). Over subsequent days, the government's version was exposed by international media as lacking substance (Vijayan, Drennan 2019). This led to the pushback by the opposition seeking to undercut the ruling party.

The BJP's election strategy had precedence in its similarly playing up the land-based surgical strikes of 29 September 2016, when across a wide front the army had launched multiple trans-Line of Control (LC) raids on terrorists' camps in retaliation to the terror attack on the army garrison at Uri on 18 September 2016 (Transcript... 2016). In the event, Pakistan denied those had ever taken place¹. The surgical strikes were put to political use by the ruling party in state elections in Uttar Pradesh in February 2017, resulting in its sweeping victory. The government hyped up the surgical strikes yet again in 2018, this time by observing *Parakram Parv*, Surgical Strike Day (Joshi 2018a), as elections to three cow-dust belt state assemblies – Rajasthan, Madhya Pradesh and Chhattisgarh – loomed large. Nevertheless, later in the year, the BJP lost the three assembly elections narrowly, setting the stage for the national elections.

The BJP, seemingly checked, was looking out for an opportunity to reframe the election narrative away from issues of governance. The opportunity came in the form of the Pulwama terror attack, allowing it to use its bold retaliation at Balakot to elevate national security as the core election issue. To assert its strong-on-defence credentials, it also undertook an anti-satellite weapons test, with Prime Minister Narendra Modi using an address to the nation to proclaim the success of the test². Sensing the reframing of the electoral agenda, the opposition Congress party claimed that while in power it had similarly launched trans-LC raids³. It specified six such strikes, with former commanders testifying along the same lines in the media.

The army's partisanship. In so far as the claims and counter claims played out between the two political parties, it could be taken as par for electioneering course. However, the military joined the electoral debate on the side of the government. Whether it was put to it by the government or its action was at its own behest is unknown. In either case, it was a political intervention on the part of the military.

In the case of the controversy surrounding the surgical strikes, the military contested the version of a retired general who had conducted the September 2016 surgical strikes. Retired General DS Hooda had been critical of the government for overhyping the surgical strikes. Hooda had been contracted by the opposition Congress party to write up its national security doctrine

¹ URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/09/pakistan-denies-india-carried-surgical-strikes-160929165646369.html>

² URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pm-addresses-the-nation/

³ URL: <https://scroll.in/latest/922364/ex-army-officer-who-oversaw-surgical-strikes-says-cross-border-operations-were-conducted-before>

(Hooda 2019). The Congress party wary of being accused of being soft on security used Hooda's doctrinal ideas to inform its manifesto to pep up its electoral prospects. In response, the northern army commander, Lieutenant General Ranbir Singh, argued that surgical strikes helped to communicate deterrence to Pakistan (Sengupta 2018). The controversy resurfaced as voting came to an end. Contradicting the Congress' claims on overseeing surgical strikes in its time in power, the army operations branch claimed that it had no record of any previous surgical strikes (Bhat 2019). The northern army commander, Lt Gen Ranbir Singh, seconded the operations branch¹, yet again at odds with the claim of his predecessor, retired General DS Hooda².

This indirect public exchange at the election time between a former and a serving general – with the serving general, Singh, contradicting the retired one, Hooda, associated with the opposition party – is an instance of politicisation (Joshi 2018b). It is not known whether General Ranbir Singh was acting at his own behest or was put to it by his political masters who wanted to refute the authoritative voice of retired General Hooda seen as favouring the opposition. In either case, it amounts to an intervention by the army relying on its professional credibility and credible image in the public eye to back the ruling party's case and is, therefore, an avoidable departure from its apolitical tradition.

The air force plays partisan. A similar departure from the apolitical credo can be made out from the controversy surrounding the Balakot episode and its immediate aftermath in a counter aerial strike by Pakistan in the Rajauri-Naushera sector on 27 February 2019. India lost a fighter plane in the dogfight and claimed to have shot down a Pakistani F-16. An information war with Pakistan resulted from that³. India subsequently awarded a combat medal to the pilot of its downed aircraft for having shot down a superior Pakistani fighter jet prior to bailing out in Pakistani territory. (He was later repatriated by Pakistan in a gesture that de-escalated the crisis.) The election time gain for the BJP is its image of a new, muscular India, which was provided by the narrative of exacting a higher damage on Pakistan for the loss of its Mig 21 fighter jet. The air force's lending credibility to the narrative – of having shot down an F-16 – amounts to political partisanship since it obscures its loss of an aircraft.

In addition, a major controversy played out in the national media over alleged procedural lapses in the acquisition of the Rafale jet aircraft from France. The Rafale aircraft purchase was fast-forwarded by the prime minister during his visit to Paris in 2015. The modified deal led to fewer aircrafts to be purchased than in the original agreement. The departures from the procedures this entailed led to allegations of benefits from the linked offset contract going to a corporate house allegedly favoured by the ruling party. In the event, a

¹ URL: https://www.business-standard.com/article/news-ani/first-surgical-strike-was-carried-out-in-sept-2016-confirms-lt-gen-ranbir-singh-119052000515_1.html

² URL: <http://www.newindianexpress.com/nation/2019/may/20/army-carried-out-first-surgical-strike-in-september-2016-to-avenge-uri-lt-gen-ranbir-singh-1979480.html>

³ URL: http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/68733231.cms?from=mdr&utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

controversial ruling by the Supreme Court in the government's favour stopped further attempts¹.

As the controversy unfolded at the political level, the air chief publicly rued the absence of the Rafale aircraft (Peri 2019) in the inventory. The implicit criticism was that non-realisation of the deal in a timely manner deprived India of a technological edge. This was suggestive of a slovenly approach to defence procurements by the Congress-led predecessor government, which had long negotiated over the deal without finalizing it. In contrast, the BJP had it that the lack of aircrafts was caused by the Prime Minister Modi's decisive intervention in the Rafale purchase when he clinched the deal in his trip to France in 2015. In the process, he generated the controversy over the off-sets clause of the deal, the comparative price of aircraft and the fewer numbers settled for. Given the political backdrop of the Rafale deal, the air chief's unbidden reference to it was questionable.

Moreover, the air force delayed an inquiry over the downing of its helicopter in a fratricide incident over Budgam in Kashmir on 27 February, at the time of the heightened crisis when Pakistan carried out its counter strike. The cover up during elections was with the excuse that the black box recorder of the helicopter was stolen by Kashmiri locals, thereby delaying the inquiry (Javaid 2019). The timing of the release of the outcome of the inquiry till after the elections is suggestive of a political rationale. Friction is intrinsic to military action. The loss of the helicopter was due to the friction from the military action in the crisis, the responsibility for which did not require to be hidden. To the extent the military kept the reality voters, the military's actions can be seen as partisan.

Significantly, after the election, the air chief went on to claim that there was no intervention by the Pakistan air force into Indian airspace in their counter strike of 27 February². This contradicted the government's statement complaining of an air intrusion³. No clarification ensued. The air chief used the credibility of the military uniform and his appointment to rewrite the record of the crisis to the government's advantage.

Part 2. Political-organisational cultural interplay.

The cultural milieu. Stephen Peter Rosen in his book, *India and its Armies*, recalls noted political scientist Myron Weiner's observation of the sixties that there are two political cultures in India: a traditionalist-stone-Hindu – and, the second one – elite-apolitical culture with a modern and national outlook (Rosen 1996: 33). The latter – the elite strategic culture – subsumes the strategic subcultures:

¹ URL: <https://thewire.in/government/rafale-review-petition-full-text-of-written-submissions-by-bhushan-shourie-and-sinha>; (Shourie 2019).

² URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/69926362.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

³ URL: https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/31100/Pakistan_demarched_on_the_act_of_aggression_against_India

hyper-nationalist, neo-liberal and Nehruvian (Bajpai 2002). The difference in the three strategic subcultures conceptualized by Kanti Bajpai is in the differing utility accorded to use of force and alternatives as economic incentives. However, over this decade, the rise of *hindutva* has substantially dominated the elite political culture in India's ideational milieu. Resultantly, Weiner's traditionalist Hindu culture now partially straddles the hyper-nationalist and neo-liberal strategic subcultural spaces and has decisively edged out Nehruvian strategic subculture.

Tenets of a revivalist strategic subculture are references to a hoary past vandalized by invading Muslim hordes. A worldview propagated by the prime minister early in his tenure is that Hindu power was eclipsed by subjugation for over a thousand years, including two hundred years under the colonial power, the British (Modi 2014). The revivalist strategic narrative accounts that by disunity within. Consequently, India needs a unifying adhesive, readily available in the shared Hindu religion, culture and heritage (Mehta 2019). This puts religion at the center of nation-building, with access to and control of state power necessary to extend this *hindutva* project.

Religion has the advantage of being a step higher than a caste, compensating for division into castes by religious affinity. Stephen Rosen surveyed the pervasive role of caste in its host society and its effect on the army (Rosen 1996: viii-x). With divisive caste superseded by harmonizing religion, military power could potentially be optimized. The separation of the military from society – to keep the divisions in society from being reflected in the army – could then be minimized. Strategic self-assertion has been largely welcomed by the military¹.

A view of the military's internal debates.

The polarisation within. The direct route of political cultural impact on organisational culture can be viewed in the article titled, "Keeping the military apolitical: Looking inwards" (Ghura 2018), authored by the then commanding general of the army's Counter Insurgency and Jungle Warfare School (CIJWS) in Veirangte, Mizoram, in the training institution's flagship journal *Pratividrohi* (Counter insurgent)². The question he poses is, "How do soldiers get polarized?" (p. 22). The question he poses presupposes polarisation within the military and a shortfall from his definition of apolitical: "[A] soldier is said to be apolitical if his biases toward any political party / politicians does not affect his ability to do his duty in service of his nation on orders of the Govt [government] or that political party in power" (p. 20). He underlines the touchstone of the apolitical ethic, thus: "The military needs to be apolitical so that the rule of law and democratic process prevails in the country in accordance with the Constitution. Military alignments can lead to crating biases amongst voters / citizens and election of politicians who may be Military favourites, which is neither acceptable nor desirable in democratic India" (p. 20). By this yardstick, he apprehends "a real danger – breakdown of professionalism" (p. 21).

¹ URL: http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/60885703.cms?from=mdr&utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

² Words in initial capitals in the extracts below from the article are of the author, Major General MS Ghura.

In India, polarisation is usually a euphemism for a divide along religious lines. Ascendance of the ruling party has been attributed to its increasing polarisation within society, furthered by the ruling party for political gains. The political strategy is to marginalize the minority, India's Muslims, and to generate for the BJP, a vote bank of the denominational majority, the Hindu community, comprising 80 per cent of the population (Jaffrelot et al. 2019: 8-11). Polarisation in society has been promoted by the personalized style of the Prime Minister Modi's politics (Jayal 2019: xxix). In the article, the author appears to refer to polarisation within the military between those in support for the ruling party and those wary of the ruling party and the traditionally neutral. The extent to which support for the ruling party implies support for its *hindutva* can only be defined through a wider survey-based study. It is not possible to conduct in a relatively closed military domain.

Querying the policy of deep selection. The author apprehends a possibility of compromise of the apolitical ethic in observing a "perceived change in the attitude of Senior military commanders as a result of the changed policy of selection of higher ranks with in the Services" (p. 22). To him, in such an environment, "decision making and risk taking ability becomes casualty" (p. 22), presumably because generals so afflicted would be looking over their shoulders to a cue from their political masters. He decries the resulting onset of "political ambitions of serving and retired military personnel" (p. 22).

He refers to politically inclined generals positioning themselves for higher ranks by signaling political pliability to the government. This change has been facilitated by the government's policy of deep selection of higher appointments against the earlier system of seniority based selection. This may incentivize ambitious generals to political proclivities of the ruling party, as spelled out by a former general: "Though it is good to have a meritocracy, there must be clear criteria for determining merit. Otherwise, generals will start approaching politicians who can promote them to the top, and that will end the apolitical character of the army" (Shukla 2016).

A case to point is controversial beginning of the deep selection system adopted by the government in the elevation of the army chief, General Bipin Rawat. It resulted in supersession of two of his seniors (Joseph 2016). An explanation put out was that the appointment resulted from Rawat's operational experience in counter insurgency and on the LC against Pakistan. This would prove useful for the government in its hardline policy against Pakistan involving retributory surgical strikes. Rawat had in a previous appointment overseen similar strikes in Myanmar territory in 2015¹ that had set the stage for replication of the tactics on the LC in 2016 (Dutta 2016).

Selected for concordance with the government's hardline policy, allegations of partisanship have since plagued Rawat². He courted controversy in conferring an award on the perpetrator in a signal human rights violations case, the "human

¹ URL: http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/47617871.cms?from=mdr&utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

² URL: <https://thewire.in/video/watch-why-india-may-need-a-cds-but-its-not-bipin-rawat>

shield” episode in Kashmir. The case in question was in which an army major tied a Kashmiri to the bonnet of a jeep and paraded the jeep past a few villages as deterrent against stone throwing (Rowlatt 2017). Rawat once ventured out of his remit in controversially referring to domestic politics in India’s north eastern state, Assam, that has a relatively delicate ethnic balance, claiming a link between a regional political party and a voter base of illegal immigrants¹.

Recently, during his 2019 Independence Day speech the prime minister announced creation of the position of the chief of defence staff (CDS). The CDS would be a four-star appointment, mandated to oversee joint operational and support entities of the armed forces. Critics have it that, “Modi has shown a marked preference for officials either already known to him or those considered ideologically reliable” (Gupta S. 2019: 12). A CDS appointed on the basis of like-mindedness would open up the military further in-roads. The power of the government for elevating senior commanders to higher appointments may translate into a loyalty test. In the governance structure, NSA Doval, who was earlier head of the right wing think tank, is in charge of national security with a cabinet rank². There is a palpable danger to the apolitical ethic.

Direct political-organisational cultural osmosis. The author refers to a second conduit of domestic politics into the military: the retired military fraternity. The politicized section of the veterans’ community acts as a transmission belt of political positions³. The ruling party has inducted military veterans in large numbers into its ranks⁴. The first election foray of Narendra Modi in his 2014 bid for national power took place at an ex-servicemen rally organized by the retired army chief, who then went on to a ministerial position in Modi’s council of ministers⁵.

Within the military, pro-Modi elements within the ranks amplify the right wing trope in social media groups internal to the military, making such spaces politically charged (Ahmed A. 2017). The military is a conservative institution with its members being of a largely realist and nationalist persuasion (IDS 2017: 59). Therefore, the ruling party ideology holds resonance in a military constituency. The projection of decisiveness and being strong on defence issues enable Modi’s adherents – *bhakts* (devotees) in colloquial parlance – to rationalize their support in national security terms. It obfuscates their political inclination and political behavior under a populist sway. With the support of the media, Modi has personalized foreign and security policy for electoral ends (Noorani

¹ URL: <https://thewire.in/diplomacy/army-chief-bipin-rawat-questions-aiudf-expansion-assam-proxy-game-pak-china>

² URL: <https://www.ndtv.com/india-news/pms-office-defines-work-for-top-bureaucrats-security-advisor-ajit-doval-2101719>

³ Other avenues such as family ties, caste affiliations, social media groups, glossy publications in the national security publications, national security websites are not discussed here, but form the ecosystem propagating Hindu nationalism.

⁴ URL: <https://www.thehindu.com/elections/lok-sabha-2019/senior-ex-servicemen-join-bjp/article26964734.ece>

⁵ URL: <https://www.ndtv.com/india-news/narendra-modi-addresses-rally-in-haryana-his-first-as-bjps-pm-candidate-534670>

2019: 365; Varshney 2019: 335). This sets a process of direct interplay between political and organisational culture.

A pushback from within. In his article, the author perceptively notes, “[H]ighlighting military successes for political gains, like surgical strikes / success in war and tasking soldiers for unauthorised tasks demotivates the soldiers” (p. 23). This reflects the resentment within the army for its operational successes being appropriated for electoral purposes, highlighted by the veterans in their letter to the President of India (referred to in the earlier section), writing: “...unusual and completely unacceptable practice of political leaders taking credit for military operations like cross-border strikes, and even going so far as to claim the Armed Forces to be ‘*Modi ji ki Sena*’ [Modi’s army]”¹. To the extent this is in line with the opposition’s view, the military apparently has within it a segment responsive to Modi’s critics, too. This underlines the polarisation the author addresses in his concluding recommendation below:

“One can keep dwelling on how the Politicians, Media and the society at large is forcing the Military senior leaders and personnel to take sides or become politically aligned to a party. ...[we must] *recognise this challenge and address it upfront. However we must also discreetly inform the Governments in power not to politicize the Military actions or successes, since it effects and weakens the organization and Nation*” (p. 25) (italics added. – A.A.).

Evidence of right wing cadence. Evidence of right wing thinking surfacing within the military’s intellectual sphere is visible in a recent issue of the professional journal, *Pratividrohi*, Autumn 2019. In the lead article of the journal on insurgency in Jammu and Kashmir (J&K), the author – a serving colonel – writes: “[A]t the time of independence, J&K had 77 percent [sic] Muslims favouring accession to Pakistan...” (Gupta A. 2019: 2). It is difficult to agree with that since it is well known that the major Kashmiri political party popular with a substantial section of Muslims wanting accession to India in 1947 was the secular National Conference. On the current situation in Kashmir, the colonel goes on to write that, “Proliferation of large number of religious places has led to a constant flow of radical material for the masses” (Gupta A. 2019: 6). He equates religious literature in mosques with “radical material” implying that in his mind’s eye Islamic cultural transmission within the social sphere of a mosque equals radicalisation, a precursor to terrorism. Frustrated with the interference with military operations by stone pelting mobs of the Kashmiri youth, a feature of the last few years in Kashmir, he recommends, “Stone pelters have to be dealt with as terrorists to negate their nuisance value during operations” (Gupta A. 2019: 5-6). Remarkably, this rather extreme measure of elimination of unarmed stone pelting youth, that goes against the army’s well-regarded doctrine of “winning hearts and minds” in counter insurgency situations, is carried in its premier professional journal on counter insurgency.

Another illustration in the same journal is from the article by the CIJWS’ present Commandant, Major General MK Mago, who claims, “Global Jihadists into the country and tacit support and merger with home grown radicalised

¹ URL: <https://thewire.in/security/veterans-ask-president-to-urge-parties-to-stop-using-military-for-political-gains>

groups such as Student (sic) Islamic Movement of India (SIMI) and Indian Mujahedeen has deeply Radicalized people of a particular faith” (Mago 2019: 90). He defines radicalisation as “the process of adopting an extremist belief system including the willingness to use, support or facilitate violence, as a method to effect societal change” (Mago 2019: 88). The reference to Indian Muslims as “deeply radicalized” is arguably false. Such imagery is usually found in right wing literature for political purposes of Othering and marginalisation of India’s Muslim minority.

The general goes on to conclude that, “there is a need to revitalize India’s and the region’s socio cultural ethos, wherein countries should not just represent political unions but should emerge as organic, composite entities. In the absence of a strong social fabric and common cultural ethos, security measures can never prove sufficiently resilient against the threat of Radicalisation” (Mago 2019: 96). This extract has echoes of cultural nationalism. It is not known as to whether right wing motifs finding their way into military literature is part of a policy of the government or individual proclivities of right wing inclined officers.

Future course of politicisation. Polarisation within the military has opened it up to subjective civilian control, the first stage of politicisation. A closer embrace of the military is made possible by the right wing’s dominance of political culture, exercise of parliamentary majority and populist leadership at the helm. This creates the conditions for the second stage of politicisation – indoctrination with cultural nationalism. This will preclude the military having a different worldview, setting it at odds with the changed polity. Incentive thus exists for the government to proceed down this route.

Institutions and agencies of governance have been under pressure to conform to a cultural nationalist dictate (Varshney 2019: 342-345). The military cannot be an exception. Universally, military members largely vote for conservative parties; this is valid also for the Indian military. A former army vice chief, Vijay Oberoi, notes the affinity of the military with conservative parties, stating, “The language of those on the right of centre has always had greater appeal for men in uniform in most democracies. I have done a course in the United States and I saw 90 per cent of the officers were Republican” (Dutta et al. 2008). This predisposition makes it easier to bridge any gaps in the conservative world view of the military and cultural nationalism.

The army cannot be an institution for the autonomous formation of a worldview or ideology among its personnel. However, besides the usual national security and institutional interest related lobbying – for arms purchases etc. for instance – the military cannot be a player in domestic politics. If it is at odds with or is aloof from the cultural nationalist enterprise, it could by default be taken as favouring the other side in domestic politics; thereby intensifying the struggle between political forces for its affiliation. This threat of the military being sucked in willy-nilly into domestic politics makes it necessary to settle on ground rules keeping the military outside the religion and ideology framework and maintaining objective civilian control.

Being apolitical has the advantage of preserving the three planks of professionalism: expertise, advisory and corporate autonomy. Expertise is diluted

by elevation to apex military positions of officers inclined to the dominant ideological position. This may be occurring at the cost of their expertise, since their professionalism may be overlooked in favour of their ideological affinity or amenability to political manipulation. The second – advisory – function stands to suffer in case such appointees proffer advice that the political principal may wish to hear. The third – corporate autonomy – is compromised when the pliant organisational leader subordinates the organisational interest to the political interest of the governing political party.

More importantly, alternation of ruling parties in the dispensation of democracy implies that the military owing allegiance to a particular political party because of their ideological affinity would run afoul of other political parties elected to power. Exercise of the advisory function would be visibly affected, in addition to tensions in civil-military relations. Modi's adoption of a muscular national security policy has tapped into the doctrinally-expressed strategic preferences of the military¹. In Modi, the military has a pro-military leader. Pro-military is a predisposition to being sympathetic to a military viewpoint (Huntington 1957: 97). The personalisation of the connection compounds the problem, threatening to compromise the military in its relations with other political groupings if and when elected to power.

An attraction for *hindutva* cannot be without its anti-minority baggage, leading to detraction from secularism. Proximity to *hindutva* implies disdain for religious and cultural diversity (Jaffrelot 2019). Contraction of secularism means a setback for modernity and scientific thinking. That the change is occurring can be seen in the message from the new naval chief. In the letter to naval members, the navy chief required curtailment of religious rituals in official ceremonies². This tacitly suggests that religious observance was increasing to such levels that the armed forces head had to curtail it.

Finally, the army is heavily involved in internal security operations in Kashmir, where there is a Muslim population. A major prospective adversary in a possible future war is Pakistan, a Muslim state. In case military operations acquire a religious colouring, emotive issues may cloud professional judgment.

Conclusion. India is turning into a majoritarian state. Right wing ideology has it that India's millennia-long weakness has been its diversity and its respect of diversity. An overarching sense of affiliation tying citizens together and to the state can be instilled by pan-Indian Hinduism. The right wing has acquired democratic power to give effect to their re-imagination of India as a Hindu India.

Since *hindutva* has not acquired political hegemony so far and is only making a bid for it politically and socially, having taken over the state through the ruling party, politically ascendant *hindutva* votaries would be inclined to use the military as part of their project. To them, displacement of the apolitical ethic in the military is a small price to pay for the larger national transformation.

¹ URL: <https://www.ids.nic.in/doctrine.php>

² URL: <https://theprint.in/defence/new-navy-chiefs-first-order-no-quasi-religious-functions-please-we-are-the-navy/245834/>

Adherence to cultural nationalism will make the military a reliable instrument in the defence and propagation of *hindutva*. Thus incentivized, the right wing take-over of the military will facilitate cultural nationalism and their hegemonic status.

This calls for a watchfulness on the military's part and a self-regulation on part of the political class to follow the time tested norm on keeping the military out of politics. In case of neglect of such an early warning, involvement of the military into politics sets the stage for the military's involvement in politics on its own volition. If the onset of subjective civilian control keeps the military subordinate to its cultural nationalist overseers in the initial phases of the national transformation exercise, it also simultaneously creates the conditions for military interference in politics subsequently. A cultural nationalism-inclined military maximally could veto democratic transition to a popularly elected future government not subscribing to *hindutva* or minimally prove insubordinate.

Politicisation of the military may prove both, the benchmark of success for the political project of *hindutva*, and the instrument of *hindutva* spread. That the incipient politicisation is underway is evident in the polarisation within the military. Cultural nationalism has been directly seeping into the military's organisational culture by way of the leadership cult around Modi, popular with the middle classes, from which spring the officership of the military, and due to the wide societal approval and allegiance of cultural nationalism. Indirectly, this has been reinforced through the strategic cultural shift to strategic proactivism that has the military's approval, under Modi.

The manner in which the military's organisational culture shapes up, will depend on the consolidation of hegemony of *hindutva*. Even if cultural nationalists succeed, the military will remain traditionally politically neutered through subjective civilian control. Subjective civilian control of the military then may arguably be employed as it may be necessary to ensure the military's subordination. However, a premature shift to subjective civilian control at the time when *hindutva* is contested can end up making the military a site of the competition by ending its traditional and hypothecated neutrality. This paper states that the apolitical ethic of the military is currently on the front line due to intentions of *hindutva* revivalists to co-opt the military in their reshaping of India and their desire to find partial resonance within the military. Consequently, the cautionary word for the government and the military is that both need persisting with the tried and tested mode of political direction and military subordination respectively.

Научная редакция и подготовка текста –

Е.А. Вахрушевой¹, Е.Е. Романовой².

¹ Вахрушева Евгения Александровна, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

² Романова Евгения Евгеньевна, доцент кафедры иностранных языков Института философии и права УрО РАН. E-mail: evgeniya.romanova@icloud.com

Ali Ahmed, Nelson Mandela Center for Peace and Conflict Resolution
Jamia Millia Islamia (a Central University), New Delhi, India
E-mail: aliahd66@gmail.com

Article received 20.09.2019, accepted 18.11.2019, available online 13.01.2020

RIGHT WING ASCENDANCE IN INDIA AND POLITICISATION OF INDIA'S MILITARY

Abstract. The rise to taking over state power after elections of 2014 by majoritarian forces in India has since witnessed weakening of institutions of governance. The ruling Bhartiya Janata Party (BJP) has returned to power with an enhanced parliamentary majority in the 2019 elections. The rise of *hindutva* (Hindu-ness), the Hindu nationalist political philosophy of the formations comprising the BJP and the *Sangh parivaar* (organizational family of the *Sangh*) or affiliates of the right wing *Rashtriya Swayamsevak Sangh* (RSS), has reshaped the discourse on the “idea of India”. Under the extensive reframing in majoritarian nationalist terms of Indian political verities, it is conceivable that the Indian military, widely regarded as a professional, apolitical and secular force, will also be impacted.

There has been little academic scrutiny of the possible influence of majoritarianism on the Indian military. The paper examines impact of the onset of majoritarianism democracy on India's military by taking a close look at the movement in civil-military relations under the BJP government. There is a shift in civil-military relations from objective civilian control, that enhances professionalism and keeps the military apolitical, to subjective civilian control, wherein the military is co-opted through subscribing to the ideology-based security perspective of the ruling party. This shift poses for the military a risk of losing their a political ethic. Erosion of the apolitical ethic of the military will open up the military's secular ethic to modification.

The conclusions are both relevant for policy and theory. The relevance for policy lies in the need for the Indian state and the military to preserve professionalism by persisting with the objective civilian control model. The theoretical relevance is in discerning limits to the concept of obedience of the military to the civilian political rulers. Where there is a threat from a political ideology or its penetration into the military's intellectual domain with the potential to dilute the military's professionalism, the military needs to pushback for the sake of national security.

Keywords: Indian military; military sociology; Hindutva; military professionalism; civil-military relations; Indian politics..

For citation: Ahmed A. Right wing ascendance in India and politicisation of India's military, *Antinomii=Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 88-106. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00010.

References

Ahmed A. 2016. From Restraint to Proactivism: India's Strategic Shift, *Economic and Political Weekly*, vol. 51, iss. 48, Nov. 26, pp. 10-12.

Ahmed A. 2017. Dark side of Army's social media groups, *The Tribune*, March 02, available at: <https://www.tribuneindia.com/news/comment/dark-side-of-army-s-social-media-groups/371308.html> (accessed August 13, 2019).

Ahmed A. 2018. The Missing Muslim Army Officers, *Economic & Political weekly*, vol. 53, iss. 4, pp. 12-14, available at: <https://www.epw.in/journal/2018/4/strategic-affairs/missing-muslim-army-officers.html> (accessed January 01, 2018).

Ahmed H. 2019. *Siyasi Muslims*, Gurgaon, India, Penguin Viking, xiv, 240 p.

Ansari H. 2019. "The RSS – A Menace to India": Hamid Ansari's Speech at the Book Launch, April 15, 2019, *Left word*, available at: <https://mayday.leftword.com/blog/post/hamid-ansari-speech-at-noorani-rss-book-launch/> (accessed August 15, 2019).

Bajpai K. 2002. Indian Strategic Culture, *Michael Chalmers (ed.) South Asia 2020: Future Strategic Balances and Alliances*, Carlisle, PA, Strategic Studies Institute, pp. 245-304.

Bhat S. 2019. In RTI reply, Centre Says No Records of Surgical Strikes during UPA Regime, *India Today*, May 07, available at: <https://www.indiatoday.in/india/story/rti-reply-upa-surgical-strikes-1519181-2019-05-07> (accessed August 10, 2019).

Chandhoke N. 2019. Secularism under siege, *Neerja Gopal Jayal (ed.) Reforming India: The Nation Today*, New Delhi, Penguin, pp. 537-550.

Chandra K. 2019. The Roots of Hindu Nationalism's Triumph in India, 2019, *Foreign Affairs*, September 11, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/india/2019-09-11/roots-hindu-nationalisms-triumph-india> (accessed September 11, 2019).

Chatterji A.P. 2019. Remaking the Hindu Nation, *Jaffrelot Ch., Angana P.Ch., Hansen T.B. Majoritarian State: How Hindu Nationalism is Changing India*, New Delhi, Harper Collins, pp. 397-418.

Chopra R. 2019. Election Commissioner Lavasa opposed five clean chits to Amit Shah, PM Modi, *Indian Express*, available at: <https://indianexpress.com/elections/lok-sabha-elections-lavasa-opposed-five-clean-chits-to-amit-shah-pm-modi-5710773/> (accessed May 05, 2019).

Cohen St. 1971. *The Indian Army: It's contribution to the development of a nation*, Bombay, Oxford Univ. Press.

Cohen St. 2010. *Emerging India*, New Delhi, Oxford Univ. Press.

Dutta S. 2016. Rawat's appointment as Army chief is in line with Modi's aggressive foreign policy, *Scroll*, December 19.

Dutta S. et al. 2008. Something Not Uniform, *Outlook*, New Delhi, November 24.

Fair Ch. 2014. *Fighting to the End: Pakistan Army's Way of War*, Oxford, Oxford Univ. Press, xv, 347 p.

Ghura MS. 2018. Keeping the military apolitical: Looking inwards, *Pratividrohi*, Counter Insurgency and Jungle Warfare School, Autumn, pp. 20-25.

Gupta A. 2019. Insurgency trends in Jammu and Kashmir: Reflections and Prospects, *Pratividrohi*, Counter Insurgency and Jungle Warfare School, Autumn, pp. 2-7.

Gupta S. 2019. The Modi PMO, *Neerja Gopal Jayal (ed.) Reforming India: The Nation Today*, New Delhi, Penguin, pp. 3-28.

Hooda D.S. 2019. *National Security Strategy : Indian National Congress Manifesto*, March 2019, 41 p., available at: https://manifesto.inc.in/en/national_security_strategy_gen_hooda.html (accessed August 03, 2019).

Huntington S. 1957. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 534 p.

IDS. 2017. *Joint Doctrine for the Indian Armed Forces*, New Delhi: Headquarters Integrated Defence Staff, Ministry of Defence, Government of India, New Delhi.

Jaffrelot Ch. 2019. The Fate of Secularism in India, April 04, *Carnegie Endowment for International Peace*, available at: <https://carnegieendowment.org/2019/04/04/fate-of-secularism-in-india-pub-78689> (accessed August 13, 2019).

Jaffrelot Ch., Chatterjee A.P., Hansen T.B. 2019. *Majoritarian State: How Hindu Nationalism is Changing India*, New Delhi, Harper Collins.

Javaid A. 2019. Kashmir villagers say didn't steal crashed IAF chopper black box, uniformed men took it, *The Print*, May 02, available at: <https://theprint.in/india/kashmir-villagers-say-didnt-steal-crashed-iaf-chopper-black-box-uniformed-men-took-it/229942/> (accessed May 02, 2019).

Jayal N.G. (ed.) 2019. *Reforming India: The Nation Today*, New Delhi, Penguin.

Johnston A.I. 1995. Thinking about strategic culture, *International Security*, vol. 19, no. 4, pp. 32-64.

Joseph J. 2016. Questions about an appointment, *The Hindu*, December 21, available at: <https://www.thehindu.com/opinion/columns/Questions-about-an-appointment/article16913382.ece> (accessed December 21, 2016).

Joshi M. 2018a. "Surgical strikes day" is just a pre-election dose of patriotic political fodder, *Observer Research Foundation*, September 24, available at: <https://www.orfonline.org/research/44449-surgical-strikes-day-is-just-a-pre-election-dose-of-patriotic-political-fodder/> (accessed September 24, 2018).

Joshi M. 2018b. *The politics of surgical strikes*, December 12, available at: <https://www.orfonline.org/research/the-politics-of-surgical-strikes-46193> (accessed December 12, 2018).

Khalidi O. 2003. *Khaki and ethnic violence in India*, New Delhi, Three Essays Collective, 126 p.

Kier E. 1997. *Imagining War: French and Military doctrine between the Wars*, Princeton, Princeton Univ. Press, x, 240 p.

Kumar B. 2019. "Congress promises": Apart from NYAY, nearly 200 others to take on BJP, *Business Standard*, April 12, available at: https://www.business-standard.com/article/elections/security-to-secularism-what-congress-manifesto-promises-in-its-own-words-119041101547_1.html (accessed April 12, 2019).

Kundu A. 1998. *Militarism in India: The Army and Civil Society in Consensus*, New Delhi, Vikas Books.

Lantis J.S. 2002. Strategic culture and national security policy, *International Studies Review*, vol. 4, no. 3, pp. 87-113.

Legro J. 1994. Military Culture and Inadvertent Escalation in World War II, *International Security*, vol. 18, iss. 4, pp. 108-142.

Mago MK. 2019. De-radicalisation, *Pratidirohi*, Counter Insurgency and Jungle Warfare School, Autumn, pp. 88-96.

Mehta P.Bh. 2019. The tactical Sangh, *Indian Express*, September 14, available at: <https://indianexpress.com/article/lifestyle/books/the-ominous-organisation-rss-a-g-noorani-5993684/> (accessed September 14, 2019).

Modi Sh.N. 2014. *Text of Prime Minister Shri Narendra Modi's address to the Indian community at Madison Square Garden, New York, September 28, 2014*, Press Information Bureau, Government of India, Prime Minister's Office, available at: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=136737> (accessed September 28, 2014).

Noorani A.G. 2019. *The RSS: A Menace to India*, New Delhi, LeftWord Books, 547 p.

Ogden Ch. 2017. *Indian National Security*, New Delhi, Oxford Univ. Press, xxvi, 152 p.

Palshikar S. 2019. Towards hegemony: The BJP beyond electoral dominance, *Jaffrelot Ch., Angana P.Ch., Hansen T.B. Majoritarian State: How Hindu Nationalism is Changing India*, New Delhi, Harper Collins, pp. 101-116.

Peri D. 2019. IAF Achieved its Objective in Balakot: Air Chief Dhanoa, *The Hindu*, April 15, available at: <https://www.thehindu.com/news/national/had-rafale-been->

inducted-on-time-balakot-result-would-have-been-even-more-in-our-favour-air-chief-dhanoa/article26844542.ece (accessed August 01, 2019).

Rashid H.I. 2019. 44 dead in J&K's deadliest attack, convoy had 78 buses with 2,500 jawans, *Economic Times*, available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/44-dead-in-jks-deadliest-attack-convoy-had-78-buses-with-2500-jawans/articleshow/68002998.cms> (accessed February 15, 2019).

Rosen St.P. 1996. *Societies and Military Power: India and its Armies*, Ithaca, Cornell Univ. Press, xiii, 280 p.

Rowlatt J. 2017. Why Indian army defended Kashmir "human shield" officer, *BBC*, May 31.

Safi M. 2019. India's jobs crisis casts shadow over Modi's re-election hopes, *The Guardian*, available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/feb/01/indias-jobs-crisis-casts-shadow-over-modis-re-election-hopes> (accessed February 01, 2019).

Sengupta A. (ed.) 2018. Surgical Strikes Were a Successful Tactical Operation: Army's Northern Command Chief, *News 18.com*, December 08, available at: <https://www.news18.com/news/india/surgical-strikes-were-a-successful-tactical-operation-armys-northern-command-chief-1965139.html> (accessed December 08, 2018).

Shankar V., Karamat J., Sethi M., Tasleem S., Dalton T., Narang V. (comp.) 2019. *South Asia Post-Crisis Brief*, Nuclear Crisis Group, June, 24 p., available at: <https://www.globalzero.org/wp-content/uploads/2019/06/South-Asia-Post-Crisis-Brief.pdf> (accessed August 12, 2019).

Shourie A. 2019. If I Had Got More Than a Minute to Speak: Arun Shourie on Rafale Proceedings in SC, *The Wire*, March 20, available at: <https://thewire.in/government/arun-shourie-rafale-proceedings-supreme-court> (accessed August 01, 2019).

Shukla A. 2016. Controversy Clouds Out-Of-Turn Appointment of Bipin Rawat as Next Army Chief, *The Wire*, December 19, available at: <https://thewire.in/politics/bipin-rawat-army-chief> (accessed December 19, 2016).

Transcript of Joint Briefing by MEA and MoD, September 29, 2016, available at: https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/27446/Transcript_of_Joint_Briefing_by_MEA_and_MoD_September_29_2016 (accessed September 29, 2016).

Varshney A. 2019. The emergence of right wing populism in India, *Neerja Gopal Jayal (ed.) Reforming India: The Nation Today*, New Delhi, Penguin, pp. 327-345.

Vijayan S., Drennan V.S. 2019. After Pulwama, the Indian media proves it is the BJP's propaganda machine, *Washington Post*, 4 March, available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/03/04/after-pulwama-indian-media-proves-it-is-bjps-propaganda-machine/?noredirect=on> (accessed March 04, 2019).

Wilkinson St.I. 2015. *Army and Nation: The Military and Indian Democracy since Independence*, New Delhi, Orient Blackswan.

Марей А.В. Закон, обычай и обыкновение в представлении Альфонсо X Мудрого. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00011 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 107–137.

УДК 32.019.52

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00011

ЗАКОН, ОБЫЧАЙ И ОБЫКНОВЕНИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ АЛЬФОНСО X МУДРОГО¹

Александр Владимирович Марей

кандидат юридических наук, доцент,
исследователь (ВМУ) по программе 5-100
Центра исследований русской мысли
Балтийского федерального университета им. И. Канта
г. Калининград, Россия
E-mail: fijodalgo@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6185-0453
ResearcherID: F-8569-2015
ScopusID: 55270372800
SPIN-код: 6616-4143

*Статья поступила 06.11.2019, принята к печати 12.12.2019,
доступна online 13.01.2020*

В статье представлен анализ понятий «закон», «обыкновение», «обычай» и «фуэро» в тексте «Семи Партид» короля Альфонсо X Мудрого. На русский язык впервые переведены два титула из Первой Партиды, предмет которой составляют понятия права и закона, а также вопросы канонического права. В первой части статьи автор дает общую характеристику Партидам как источнику по истории права, анализирует существующие издания памятника. Во второй части разбирается место обыкновения и обычая в системе источников права Кастильского королевства, рассматриваются

¹ В сокращенной версии часть этого материала публиковалась ранее: (Марей 2013).

процедуры их установления и отмены, анализируются их функции. Особое внимание уделяется органической взаимосвязи кастильского средневекового права с доктриной европейского *ius commune*. Третью часть статьи составляет авторский перевод двух первых титулов Первой Партиды, первый из которых посвящен тому, что такое закон, второй же – обыкновению, обычаю и фуэро как источникам права.

Ключевые слова: Альфонсо X, Кастилия, Партиды, закон, обычай, обыкновение.

«Семь Партид» относятся к числу основных европейских национальных памятников права периода Высокого Средневековья и формально стоят в одном ряду с «Саксонским зеркалом» и «Кутюмами Бовези», фактически же многократно превосходят их и охватом материала, и глубиной его проработки. Созданные по приказу короля Кастилии и Леона Альфонсо X (1252–1284) в период, когда он претендовал на трон императора Священной Римской империи¹, Партиды охватывают все существовавшие на тот момент сферы права, воплотив в реальность мечту Мудрого короля о правовом универсуме. По сути, они представляют собой не *corpus iuris* в точном значении этого слова, но, скорее, гигантскую правовую энциклопедию, содержащую всю информацию, в которой только могла возникнуть нужда у юриста того времени. Силу закона они получили позже, при правнучке Альфонсо Мудрого – короле Альфонсо XI, который в знаменитом 28-м параграфе «Уложения Алькалы» закрепил за Партидами статус вспомогательного источника права. С тех пор Партиды стали неотъемлемой частью правовой жизни Кастильской, а затем и Испанской монархии, утратив официально силу лишь в середине XIX в.; в судах они использовались фактически до второй трети XX в.

Вплоть до настоящего времени отсутствуют однозначные ответы на фундаментальные источниковедческие вопросы, касающиеся свода Альфонсо Мудрого: до сих пор не решены окончательно проблемы датировки памятника, его авторства, его источников². Основную причину сложившейся ситуации следует, безусловно, искать в отсутствии на сегодняшний день критического издания «Семи Партид». На данный момент существуют всего три редакции полного текста Партид, осуществленные последовательно Алонсо Диасом де Монтальво (1405–1499), Грегорио Лопесом (1496–1560) и, наконец, коллективом Королевской академии истории в начале XIX в. Каждой из них следует дать краткую характеристику.

Партиды в редакции Монтальво вышли в свет в Севилье в 1491 г. Текст Партид в данном издании сопровождали только краткие согласо-

¹ По вопросу датировки Партид существуют различные точки зрения, максимально полно суммированные в статье Х. Санчеса-Арсилья Берналя (Sánchez-Arcilla Bernal 1999) и в моей монографии (Марей 2008). Я придерживаюсь наиболее распространенной на настоящий момент позиции, согласно которой Партиды были созданы в 1265–1272 гг.

² Количество работ, посвященных этим вопросам, с трудом поддается осмыслению. Приведу здесь лишь самые основные издания. *Датировка Партид:* (Санчес-Арсилья Берналь 2015; Sánchez-Arcilla Bernal 1999). *Проблема авторства:* (Ureña y Smenjaud, Bonilla y San Martín 1924; Pérez Martín 1999). *Источники Партид:* (Pérez Martín 1992a; Pérez Martín 1992b; Марей 2008).

ния с законодательством Кастильского королевства более позднего периода, а также с текстами традиции *ius commune*. Однако уже в переиздании 1501 г. Партиды были снабжены авторской глоссой, завершенной А. Диасом де Монтальво к 1492 г. В таком виде они неоднократно тиражировались типографиями Испании, Италии и Франции вплоть до 1550 г. Сам Монтальво нигде не отмечал, с какими рукописями Партид (или хотя бы с каким количеством) ему пришлось работать, и сейчас это можно и следует восстанавливать, сличая его текст с известным рукописным наследием. С этой точки зрения перспективным представляется наблюдение молодого испанского историка Рауля Орельяны-Кальдерона, предположившего, на основе анализа Третьей Партиды, что Монтальво готовил свое издание по какой-то одной рукописи (Orellana-Calderón 2006: 467). Следуя его логике, можно предположить, что Монтальво использовал по одной рукописи для каждой из Партид. Косвенно это может быть подтверждено и словами самого юриста, который в латинском прологе к глоссе, характеризуя свою работу, сделал основной упор не на обработку нескольких рукописных текстов, но на согласование законов Партид с нормами римского и канонического права, а также с последующим законодательством испанских королей.

После 1550 г. версия Алонсо Диаса де Монтальво не переиздавалась, поскольку была заменена новой редакцией, подготовленной испанским юристом, членом Совета Индий Грегорио Лопесом. Эта версия Партид, снабженная подробной глоссой Лопеса и получившая императорское благословение от Карла V, стала основной на несколько веков, выдержав 14 переизданий вплоть до середины XIX в. В отличие от Монтальво, Лопес сопоставлял при подготовке своего издания несколько рукописей и, по всей видимости, несколько версий текста своего предшественника. Как отмечает упомянутый выше Р. Орельяна-Кальдерон, Лопес, по всей видимости, шел главным образом по тексту Монтальво, используя рукописи только для исправления его ошибок и заполнения лакун (Orellana-Calderón 2006: 469, 471). Таким образом, основная ценность издания Партид, подготовленного Грегорио Лопесом, заключается, прежде всего, не в самом тексте памятника, но в глоссе. Отчасти это понимал и император Карл V, который в 1555 г. отдельной прагматикой придал глоссе Лопеса силу самостоятельного закона, разрешив ссылаться на нее в судах.

Издание Королевской академии истории было опубликовано в 1807 г. В процессе его подготовки было отобрано и использовано более 60 рукописей отдельных Партид. При этом – по непонятной причине – членам Академии, проводившим отбор рукописей, остался неизвестен и, как следствие, не использован ими знаменитый манускрипт Vitr/4/6 Национальной (в то время – Королевской) библиотеки – единственная рукопись, содержащая все «Семь Партид» полностью. Такое упущение тем более непонятно, что издание готовилось при деятельной поддержке королевской власти; король лично отдал приказ предоставить Академии все имеющиеся рукописи свода Альфонсо X.

После издания Королевской академии новых версий «Семи Партид» не появлялось на протяжении почти двухсот лет. В 2004 г. Комплутенский

университет подготовил адаптированную версию «Семи Партид» под редакцией профессора Х. Санчеса-Арсильи Берналя (Sánchez-Arcilla Bernal 2004). Серьезный коллектив ученых разрабатывал эту версию в расчете на студентов с целями более дидактическими, нежели научными. В основу ее легла редакция Партид, осуществленная Гр. Лопесом, текст был адаптирован под современного читателя и снабжен вступительным исследованием и рядом небольших примечаний.

Между тем во второй половине XX столетия вышли в свет ряд изданий отдельных Партид, осуществленных по какой-либо одной рукописи. Так, в 1975 г. Х. Ариасом-Бонетом была издана Первая Партида по лондонской рукописи (ms.20787 Британской библиотеки) (Arias Bonet 1975), в 1984-м Фр. Рамос Боссини опубликовал другую версию Первой Партиды по рукописи Американского общества испанистов (ms.НС 397/573) (Ramos Bossini 1984), а в 1991 г. Х. Монтойя-Мартинес вместе с сотрудниками подготовили текст Второй Партиды по рукописи 12794 Национальной библиотеки Испании (Juarez Blanquer, Torres Delgado, Montoya Martínez 1991). Помимо этих больших публикаций можно назвать несколько работ меньшего объема, представляющих собой критические издания отдельных титулов Партид (Orellana-Calderón 2006; Carpenter 1986; Craddock, Rodríguez-Velasco 2008). Авторы практически всех названных трудов подчеркивают особую важность исследования рукописной традиции Партид для подготовки – в перспективе – их полного критического издания.

Композиционно текст Партид, как следует из названия памятника, состоит из семи книг, собранных по тематическому принципу. Книги разбиты на титулы, в которые, в свою очередь, сгруппированы законы. Структура закона как наименьшей составной части Партид сама по себе заслуживает отдельного исследования, и потому в данной статье я ограничусь лишь коротким замечанием о том, что практически каждый такой закон, не подразделяясь формально на параграфы, все же состоит из ряда норм, собранных вместе. При этом источники каждой из норм, вошедших в один и тот же закон, могли быть различными и варьироваться от фрагментов из Свода гражданского права Юстиниана или Свода канонического права до собственных законодательных новелл Альфонсо X¹.

Содержательно Партиды охватывают все существовавшие на тот момент отрасли права и превосходят любой из современных им правовых сводов по широте охвата материала и глубине его теоретической и доктринальной проработки. В одном тексте юристами Альфонсо X были собраны нормы церковного и канонического (1-я Партида), процессуального (3-я Партида), семейного (4-я Партида), обязательственного (5-я Партида), наследственного (6-я Партида) и уголовного права (7-я Партида), а также установления, регламентирующие статусы короля, его се-

¹ Проблема законотворческой техники составителей «Семи Партид» еще ждет своего исследования. Некоторые предварительные наблюдения по этому поводу представлены мною в двух статьях (Marey 2006; Марей 2011); более полное исследование техники работы юристов Альфонсо X будет опубликовано в рамках академического комментария к русскому изданию «Семи Партид».

мы, министерялов и официалов королевского двора, ординарных судей королевства (2-я Партида). Таким образом, по замыслу короля, Партиды были призваны заменить собой все остальные нормативные тексты королевства и духовного, и светского характера, объединить в себе функции, выполняемые на тот момент сводами гражданского и канонического права, а также другими, меньшими по объему текстами местной, пиренейской, правовой традиции¹. Практически Альфонсо X претендовал на создание нового имперского свода права, превосходящего все ранее созданные образцы, включая Свод Юстиниана.

Получившийся в результате работы комиссии королевских легистов текст сильно опередил свое время: он оказался не востребован практически ни одним из сословий феодального кастильского общества, более того, вызвал серьезные социальные возмущения, переросшие в войну королевства против своего короля. Альфонсо X был вынужден дерогировать Партиды, и они лишились статуса источника права более чем на 50 лет, вплоть до 1348 г., когда правнуком Альфонсо Мудрого было издано «Уложение Алькалы». Именно в этом документе король Альфонсо XI закрепил за Партидами статус вспомогательного источника права², который они и сохраняли в Испании вплоть до создания Гражданского и Уголовного кодексов первой половины XIX столетия, а в государствах Латинской Америки, бывших до того колониями Испании, и того дольше – до конца XIX в.³ Для европейских же монархий позднего Средневековья и раннего Нового времени Партиды стали первым сводом права, созданным на национальном языке.

В начале пролога ко второму титулу Первой Партиды кастильский законодатель выстраивает трехчленную классификацию социальных норм, обладающих способностью лишать силы закон, подробно рассмотренный в предыдущем, первом титуле. Низшее звено в этой схеме занимает обыкновение (*uso*), далее следует обычай (*costumbre*), и завершает ее фуэро (*fuero*)⁴. Источниками представлений о правоотменительной силе

¹ Подробнее о Партидах и их месте в законодательной деятельности Альфонсо X см. следующие работы: (Craddock 1990; Craddock 2008; Iglesia Ferreirós 1982; Pérez Martín 1992a; Panateri 2017).

² Ord. XXVIII.1: «Los pleytos e contiendas que se non pudieren librar por las leys deste Nuestro libro, e por los dichos fueros, mandamos que se libren por las leys contenidas en los libros de las siete Partidas, que el Rey Don Alfonso nuestro visabuelo mando ordenar, como quier que fasta aquí non se falla que sean publicadas por mandado del Rey nin fueron avidas por leys» (= Мы повелеваем, чтобы тяжбы и споры, которые нельзя будет разрешить по законам этой Нашей книги и по упомянутым фуэро, разбирались бы согласно законам, содержащимся в книгах «Семи Партид», которые приказал составить Наш прадед, король дон Альфонсо, хотя бы до сего дня и не известно, чтобы они были опубликованы по приказу короля или считались бы законами).

³ В частности, нормы, закрепляющие обыкновение и обычай в качестве источников права, были заимствованы из Партид и после некоторой доработки перенесены сначала в Законы и уложения, изданные Карлом V для Новой Испании в 1544 г., а затем в Собрание законов Индий, созданное в 1682 г.

⁴ P.I.2 pr.: «Embargar non puede ninguna cosa las leys, que no hayan la fuerza y el poder que habemos dicho, sino tres cosas. La primera, uso. La segunda, costumbre. La tercera, fuero».

обычая, как и некоторых других идей, вошедших в пролог к названному титулу, очевидно, послужили известный фрагмент из сочинения римского юриста Сальвия Юлиана, включенный в Дигесты Юстиниана¹, и многочисленные комментарии к нему, составленные средневековыми юристами Болонской школы. Однако, как легко заметить, ни в тексте Юлиана, ни в средневековой глоссе к нему не употреблялось латинское понятие *usus*, открывающее рассматриваемый титул Партид. Между тем очевидно, что институты обыкновения и обычая (*uso y costumbre*)² имели ключевое значение для юриста Альфонсо Х в рамках построенной ими иерархии источников права.

Термин *usus*, как отметила в своей недавней монографии, посвященной обычному праву Средних веков, аргентинская исследовательница Паола Мисели, практически не употреблялся в правовых текстах Древнего Рима в значении обычая, обладающего обязательной юридической силой (Miceli 2012; см. также: Panateri 2012). Единственным исключением стал отмеченный в названной работе фрагмент конституции императора Константина I, вошедший в соответствующий титул Кодекса Юстиниана³, в тексте которого, как ясно видно, термин *usus* употребляется синонимично с термином *consuetudo*, как правило, использовавшимся в юридической латыни для обозначения правового обычая⁴. Это дало основания целому ряду исследователей отождествлять указанные термины и утверждать, что «обыкновение» (*usus*) не представляет самоценного правового института, служа лишь незавершенной формой обычая, то есть *consuetudo* (см.: Vove 1985; Gaudemet 1938; Gaudemet 1956). Другая тенденция, представленная в основном работами по средневековому праву, состоит в отождествлении *usus*, в том числе в кастильских текстах (см.: Morin, Cucchi 1997; Petit 1990; Sánchez de la Vega 1990), с понятием *mos* и уже через него – с *consuetudo*. Данная точка зрения опирается, прежде всего, на первые фрагменты Декрета Грациана, в которых дается определение таким понятиям, как пра-

² Iul. LXXXIV dig. (D.1.3.32.1): «Inveterata consuetudo pro lege non immerito custoditur, et hoc est ius quod dicitur moribus constitutum. Nam cum ipsae leges nulla alia ex causa nos teneant, quam quod iudicio populi receptae sunt, merito et ea, quae sine ullo scripto populus probavit, tenebunt omnes: nam quid interest suffragio populus voluntatem suam declaret an rebus ipsis et factis? Quare rectissime etiam illud receptum est, ut leges non solum suffragio legislatoris, sed etiam tacito consensu omnium per desuetudinem abrogentur».

³ Именно такая формулировка – «обыкновение и обычай» – будет впоследствии заимствована и сохранится до сих пор в законодательстве латиноамериканских государств (например, Мексики).

⁴ C.8.52.2 Imp. Constantinus A. ad Proculum: «Consuetudinis ususque longaevis non vilis auctoritas est, verum non usque adeo sui valitura momento, ut aut rationem vincat aut legem» (D. VIII Kal. Mai, Constantino A. V et Licinio C. cons. [a. 319]).

⁵ О приведенном в предыдущей сноске фрагменте см. подробнее следующие работы: (Gallo 1993; Gallo 1979; Lombardi 1952; Schmiedel 1966; Stühff 1966; Thomas 1965). Среди этих работ особо следует отметить исследования Дж. Ломбарди и Г. Штюффа, в которых был сделан акцент на взаимосвязи проблематики правового обычая и так называемого вульгарного права.

во, закон, обычай и т.д.¹ В Декрете эти определения, в свою очередь, были заимствованы из «Этимологий» Исидора Севильского².

Между тем представляется, что применительно к тексту «Семи Партид» ни одна из вышеприведенных точек зрения не может быть признана достаточно корректной. Концепция обыкновения (*uso*) и обычая (*costumbre*), выведенная там, существенно отличается от теории обычая, разработанной как в позднеантичную, так и в раннесредневековую эпоху. В ней, прежде всего, обращает на себя внимание генетическая связь обыкновения, обычая и фуэро, подчеркиваемая законодателем. Уподобляя процесс формирования обычая возникновению текста, юристы Альфонсо X отмечают, что обыкновение, возникающее со временем (*tiempo*), порождает собой обычай, а тот, в свою очередь, дает жизнь фуэро³. Таким образом, в отмеченной триаде полноценным и самостоятельным источником права в полной мере становится лишь фуэро⁴ – в выстроенной метафоре оно соответствует смыслу (*razon*), возникающему из сочетания различных значений слов, в то время как обыкновение соотносится со словом (*verbo*), а обычай – со значением (*parte*). Однако и это не вполне отвечает мысли кастильских легистов, поскольку уже обычай обладает силой закона.

Обращаясь к проблеме возникновения обыкновения (*uso*), законодатель выводит его начало из человеческих слов и дел. На первый взгляд, это противоречит высказанной в прологе к тому же титулу мысли о том, что обыкновение рождается из времени. Однако это противоречие снимается за счет того, что, по словам законодателя, родившись из слов и поступков людей, обыкновение должно просуществовать долгое время, для того чтобы получить силу источника права⁵. Понятие долгого времени раскрывается в рассматриваемом титуле лишь применительно к обычаю (*costumbre*) – для его вступления в силу требуется срок от 10 до 20 лет⁶, но представляется, что это разъяснение действительно и в случае с обыкновением (*uso*). Таким образом, по-видимому, законодатель в Партидах придерживается традиционной точки зрения на природу *uso*, в соответствии

¹ D.1, c. 4: «Mos autem est longa consuetudo, de moribus tracta tantumdem».

D.1 c. 5: «Consuetudo autem est ius quoddam moribus institutum, quod pro lege suscipitur, cum deficit lex» etc.

² Етым. II.10.1-2; О проблеме влияния «Этимологий» на Декрет Грациана см. подробнее работу Ж. Годеме (Gaudemet 1980); о средневековой рецепции вышеприведенных определений и об их возможных интерпретациях см.: (García Gallo 1961; Prosdocimi 2001).

³ P.I.2 pr.: «Ca bien como de las letras nasce verbo, e de los verbos parte, e de la parte razon, asi nasce del tiempo uso, y del uso costumbre, e de la costumbre fuero».

⁴ Институт фуэро требует отдельного рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи. О нем см., например, недавнюю монографию О.В. Аурова и приведенную в ней библиографию: (Ауров 2012: 96-97, 134-135).

⁵ P.I.2.1: «Uso es cosa que nasce de aquellas cosas que hombre dice e face, e sigue continuamente por gran tiempo, e sin embargo ninguno».

⁶ P.I.2.5: «Tal pueblo como este o la mayor partida del, si usaren diez o veinte años a facer alguna cosa, como en manera de costumbre, sabiendolo el Señor de la tierra, e non lo contradiciendo e teniendolo por bien, puedenla facer, e debe ser tenuta e guardada por costumbre...».

с которой обыкновение требует лишь легитимации, происходящей с течением длительного времени.

Однако следующие законы меняют эту картину, привнося в создание обыкновения ясно различимый субъективный, волевой элемент. Даже на уровне лексики закрепляется мысль о том, что обыкновение не просто рождается и развивается, но оно должно быть установлено¹. Подобная конструкция, как правило, подразумевает наличие некоего субъекта действия, объектом для которого выступает как раз обыкновение. В данном случае таким субъектом оказывается сеньор, устанавливающий обыкновение для своих подвластных либо придающий силу уже существующему обыкновению своим одобрением². Под сеньором, естественно, подразумевается только и исключительно король, который, согласно Альфонсо Мудрому, один обладает привилегией правотворчества³.

Выстроенная таким образом идея обыкновения, устанавливаемого или подтверждаемого королем, дополняется еще несколькими немаловажными деталями. Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что обыкновение должно отвечать требованию всеобщей пользы (*pro comunal*)⁴. Этот концепт, без всякого сомнения, следует признать одним из ключевых для всей политической и правовой теории Альфонсо X. Именно всеобщей пользой аргументируется цель существования всего права, ей обосновывается понятие закона, наконец, именно ее наличием и соблюдением определяется качество правления короля. В принципе, это общее место для всей идеологической и правовой системы *ius commune*, базирующейся на наследии аристотелианской философии и римского права, и в этом нет ничего особенно оригинального⁵. Оригинальным в данном случае является то, что обыкновение и, соответственно, обычай также ставятся в зависимость от всеобщей пользы и, следовательно, встраиваются в единую иерархию источников права вместе с законами короля и постановлениями его заместителей.

¹ P.I.2.2: «En que manera ha de ser fecho el uso».

² P.I.2.3: «La quinta si se face por mandado del Señor que ha poder sobre ellos, o de acuerdo que ellos hayan entre si entendiendo que viene ende gran pro, luego consintiendo el Señor, y placiendole...».

³ P.II.1.5-6; FReal, IV.21.5. Интересно осмысление проблемы нормотворческой власти короля применительно к возникновению обычая в рамках доктрины *ius commune*. Плацентин в своем комментарии к C.8.52.2 заметил, что «*hodie principis est facere legem & sic consuetudine populi tolli non debet*», сделав тем самым акцент на том, что народный обычай не может отменить закона короля или императора, но сохранив объективную природу обычая. Этот фрагмент дословно был заимствован Аккурсием в его ординарной глоссе к Кодексу (gl. Aut legem ad C.8.52.2). Г. Лопес, комментируя разбираемый закон Партид, также опирается на это замечание Плацентина, однако несколько меняет в нем акценты: «*Cum hodie solus Princeps faciat legem, ideo consuetudo non valebit, nisi inducta sit de conscientia Principis, et si scit consuetudinem et non improbat, videtur in dubio approbare...*» (gl. Consintiendo el Señor, e placiendole ad P.I.2.3), так что обычай предстает как волеустановленный элемент правовой системы.

⁴ P.I.2.2: «Facer se debe el uso de manera que sea a pro comunal e sin daño...».

⁵ О средневековых трактовках идеи общего блага или общей выгоды см. следующие работы: (Collard 2010; Lecuppre-Desjardin, Van Bruaene 2010 et al.).

Наконец, включение обыкновения в систему источников права подкрепляется и тем, что оно может обрести силу права, лишь будучи обсужденным и подтвержденным людьми «разумными и сведущими в праве», то есть королевскими юристами¹. При этом понятие *uso* все же остается в известной степени размытым за счет присутствия в нем эмоциональной, чувственной компоненты: несмотря на необходимость обсуждений среди юристов, утверждения со стороны короля и всего прочего, о чем говорилось выше, главную силу и основной смысл обыкновения легисты Альфонсо X видят в том, что люди следуют ему и любят его². Собственно, если некое обыкновение не вызывает у людей положительных чувств, оно вскоре исчезает и прекращает свое существование. Если же обыкновение нравится людям и практикуется ими в течение длительного времени, оно превращается в обычай (*costumbre*), переходя тем самым на более высокую ступень своего развития.

Обычай понимается юристами Альфонсо X как «право или фуэро, которое не записано, которым люди руководствовались на протяжении долгого времени, опираясь на него в различных делах и обстоятельствах»³. Представляется, что при отсутствии внятных формальных критериев определения обыкновения и обычая⁴ эта дефиниция устанавливает четкое сущностное их разграничение. Обыкновение в Партидах никогда не называется правом, хотя из него и могут следовать известные нормы правового поведения, в то время как обычай уже представляет собой право, отличающееся от иных норм лишь устным характером.

Регламентируя процедуру установления правового обычая, юристы Альфонсо X, в отличие от римских юристов, выдвигавших один критерий для признания обычая источником права – его длительность (обычай должен был быть древним, *consuetudo inveterata*), сформулировали четыре критерия. Во-первых, обычай должен объединять или весь народ, или большую его часть; во-вторых, его возраст должен измеряться 10 или 20 годами; в-третьих, он должен подтверждаться как минимум двумя судебными решениями, оглашенными публично в

¹ P.I.2.2: «Debe ser fecho... en manera que lo sepan e se paguen los que fueron conosedores de razon e de derecho».

² P.I.2.7: «El uso, porque los homes se fagan a el e lo amen».

³ P.I.2.4: «Costumbre es derecho o fuero que non es escrito: el que han usado los homes luengo tiempo ayudandose de el en las cosas e en las razones, sobre que lo usaron».

П. Мисели обращает внимание на то, что в некоторых существующих изданиях Партид обычай не называется «правом» (см., например, соответствующее место в издании А. Диаса де Монтальво (*costunbre es fecho que no es escripto, qual ha vusado el pueblo antiguamente*) (Miceli 2012: 133)), однако исходя из характера различия (*fecho* в издании А. Диаса де Монтальво против *derecho* в издании Г. Лопеса) можно предположить, что речь идет об ошибке переписчика или самого Монтальво. Впрочем, окончательный ответ на этот вопрос сможет дать только исчерпывающий анализ рукописной традиции Партид, до сих пор никем не проведенный.

⁴ Об отсутствии внятного разделения обыкновения и обычая в Партидах см.: (Miceli 2012: 133; Pacheco 1995: 78).

течение означенного срока¹, и в-четвертых, сеньор королевства, то есть король, должен его подтвердить или по крайней мере не высказываться против него². Прочие требования к обычаю в общем совпадают с аналогичными требованиями к обычкновению: обычай следовало устанавливать после длительного и серьезного обсуждения, он не должен был противоречить естественному праву, общей пользе королевства, власти сеньора, нормам Священного Писания³.

Одно замечание относительно срока, необходимого для того, чтобы обычай стал считаться источником права. Установление обычая традиционно рассматривалось юристами *ius commune* по аналогии с приобретением имущества по давности, и, как следствие, срок, необходимый для того, чтобы обычай стал источником права, был аналогичен по смыслу *praescriptio longi temporis*⁴. Этим объясняются фигурирующие в законе Партид отрезки времени 10 и 20 лет, по истечении которых обычай обретал силу закона. Интересно осмысление этой нормы издателем Партид Г. Лопесом, который указал на то, что 20-летний срок в подобном случае лишен смысла, поскольку «народ всегда присутствует», и потому достаточно 10-летнего срока для утверждения обычая⁵. Данный вывод Лопеса совпал с позицией целого ряда крупных цивилистов и канонистов XIV–XV вв., считавших 10-летний срок достаточным для подтверждения обычая, за исключением ситуации, когда обычай противоречил существовавшим нормам канонического права, – в этом случае предписывалось ждать 40 лет⁶.

Переходя к вопросу о функциях правового обычая, регламентируемых в Партидах, можно отметить несколько важных моментов. Во-первых, как уже говорилось, правильно установленный обычай, не противоречащий естественному праву и нормам Священного Писания, мог отменять законы,

¹ Эта норма была заимствована юристами Альфонсо X из ординарной глоссы Ф. Аккурсия к приводившемуся выше фрагменту Юлиана: gl. *Inveterata* ad D.1.3.32.1: «Sed qualiter ex decennio consuetudo inducitur? Respondit si bis fuerit iudicatum in illo tempore, vel libellum vel querimoniam contra talem consuetudinem spreverit iudex...».

² P.I.2.5; ср. ниже.

³ P.I.2.5: «Otrosti decimos que la costumbre que el pueblo quiere poner e usar della debe ser con derecha razon, e non contra la Ley de Dios, ni contra señorío, ni contra derecho natural, ni contra pro comunal de toda la tierra del logar do se face, e debenla poner con gran consejo, e non por yerro, ni por antojo, ni por ninguna otra cosa que les mueva, sino derecho e razon e pro».

⁴ Cfr.: gl. *Inveterata* ad D.1.3.31.1: «Sed Johannes [Bassianus] contra dicit enim decem annis quod patet ex Rubrica hic & C. eodem [C.8.52] ubi dicitur longaevum longum autem dicitur decennium, ut Institutiones de usucapionibus in principio [I.2.6 pr.]...».

Cfr. autem: gl. *Diuturna* ad D.1.3.32: «Scilicet decem vel viginti annorum diximus super lege proxima secundum que est differentia inter hanc et eam...».

⁵ Gl. *Diez o veinte años* ad P.I.2.5: «Decem sufficiunt, quia cum populus sit semper praesens, non curatur de 20 annis, qui dantur in praescriptione contra absentes».

⁶ Отмечу, что это также совпадало с наиболее длительным сроком прескрипции длительного владения, установленным в одной из новелл Юстиниана (Nov.111.1) для приобретения по давности церковного имущества, так называемой *praescriptio longissimi temporis*; об этом см.: (Дождев 2008: 429).

изданные прежде него¹. Причем авторы указанного закона, следуя в этом вопросе за современной им доктриной *ius commune*, отраженной в ординарной глоссе Аккурсия², различают обычай общие (*generales*), объединяющие все королевство, и частные (*speciales*), имеющие место лишь в какой-то отдельной провинции. Соответственно этому разделению указывается, что общий обычай может отменять закон как таковой, тогда как обычай частный может лишь приостановить действие того или иного акта на территории распространения данного обычая. Также отдельно делается акцент на том, что обычай может отменять только законы, изданные прежде его установления, тогда как законы, вышедшие и утвержденные после появления данного обычая, он отменять уже не может, но, наоборот, может быть отменен с их помощью³.

Обычай, согласно кастильским легистам, обладает, помимо правоотменительной, и правоустанавливающей функцией. В случае лакуны в действующем законодательстве предписывалось разрешать возникающие споры на основании обычая, который, «к тому же, имеет силу закона»⁴. Наконец, третьей и последней функцией обычая, выделяемой юристами Альфонсо X, стала та, которую, следуя языку Партид, можно назвать «право-толковательной». Обычаи, согласно составителям свода, могут «толковать законы» (*interpretar las leyes*)⁵ в тех случаях, когда возникает сомнение в том, как следует их применять.

Наконец, отменить обычай мог, согласно Партидам, только сеньор королевства, который для достижения этой цели использовал два механизма: либо устанавливал новый обычай, противоречащий старому, либо издавал законы или фуэро, дублирующие старый обычай или противоречащие ему. В этом случае обычай неизбежно отменялся, поскольку новое установление имело приоритет перед старым. Характерно, что королевские юристы закрепили за королем не только и даже не столько право установления обычая (ведь он мог быть установлен в числе прочего и с пассивного согласия сеньора, без каких бы то ни было его активных действий), сколько право его

¹ P.I.2.6: «Fuerza muy grande ha la costumbre, quando es puesta con razon, asi como diximos... que puede tirar las leyes antiguas que fuesen fechas antes que ella, pues que el Rey de la tierra lo consintiese usar contra ellas tanto tiempo como sobredicho es o mayor. Esto se debe entender, quando la costumbre fuese usada generalmente en tod el Reynoñ mas si la costumbre fuese especial, estonce no desataria la ley sino en aquel logar tan solamente do fuese usada».

² Gl. *Abrogentur* ad D.1.3.32.1: «Distingue, aut est consuetudo generalis & tunc generaliter vincit legem, ut hic, aut est specialis & tunc vincit specialiter...».

³ P.I.2.6: «Desatase la costumbre en dos maneras, aunque sea buena ...si fuesen despues fechas leyes escritas o fuero que sean contrarios della, ca estonce deben ser guardadas las leyes o el fuero que fueron despues fechas, e non la costumbre antigua».

⁴ P.I.2.6: «Las contiendas que los homes han entre si, de que non fablan las leyes escritas, puedense librar por la costumbre, que fuese usada sobre las razones sobre que fue la contienda, e aun ha fuerza de ley».

⁵ P.I.2.6: «Otro si decimos que la costumbre puede interpretar la ley quando acaesciese dubda sobre ella, que ansi como acostubrarón otros de la entender, ansi debe ser entendida e guardada».

отмены, ставя тем самым под полный контроль монарха все обычное право королевства.

Доктрина закона и обычая, разработанная в Партидах, была впоследствии заимствована в более поздних сводах испанского права конца Средних веков и раннего Нового времени, в частности в знаменитом «Уложении Алькалы» 1348 г. В прологе к этому тексту издавший его король Альфонсо XI отдельно акцентировал внимание на том, что только королю принадлежит право устранять те элементы правовой системы, которые затрудняют или затягивают осуществление правосудия, мешают установлению справедливости. Среди подобных элементов были названы и обычаи, которые могли быть противны разуму и праву. Очевидно, данной декларацией закреплялись два основных положения: во-первых, основание легитимности практически любого обычая следовало искать лишь в воле короля, выразившейся посредством закона, во-вторых, конфликт между обычаем и законом фактически сводился к конфликту между законами (Pacheco 1995: 88-89). В дальнейшем именно эти моменты определяли позицию, занимаемую испанской правовой мыслью применительно к закону, обыкновению и обычаю как источникам права.

ТИТУЛЫ «О ЗАКОНАХ» И «ОБ ОБЫЧАЯХ» ИЗ ПЕРВОЙ ПАРТИДЫ¹

Титул 1. О законах и о том, по каким причинам эта книга разделена на титулы и каким образом это сделано

Мы создаем эту книгу для служения Богу и для общего блага людей, как Мы показали в ее начале. И мы делим ее на семь частей описанным выше образом, чтобы те, кто будут ее читать, находили там все на своих местах для удобства пользования. И каждую Партиду мы разделяем на титулы, а «титул» означает как бы сумму оснований, изложенных в нем. И эти основания, в которых проявляются все вещи в своей полноте, согласно тому, каковы они есть и какое значение имеют, называются законами. Но поскольку *латинские народы*² называют «законами» верования, распространенные среди людей, и поскольку некоторые могут подумать, что законы данной книги говорят лишь об этих верованиях и ни о чем более, Мы желаем развеять эти их сомнения и дать им понять, что это за законы, и каким образом они разделяются, и откуда происходит это их название, и каковы их достоинства и сила. А также откуда они были взяты и извлечены и какие из них относятся к исповеданию Господа Нашего Иисуса Христа, а какие – к управлению людьми. Также о том, почему они называются «законами», и

¹Перевод со старокастильского и комментарий А.В. Марья.

²В тексте – *gentes latinas*.

какими они должны быть сами по себе, и как должны составляться, и в чем их польза, каким должен быть творец законов, и у кого есть власть творить законы, и как следует их понимать, и кто может их разъяснять и делать так, чтобы их понимали, когда появляется какое-либо сомнение. И как следует им повиноваться, и как люди обязаны их соблюдать и судиться по ним, и каким образом следует соединять их с вновь создаваемыми. И по какой причине люди не смогут освободиться от суждения законов, сказав, будто они их не знают. И каковы те, кто могут быть освобождены от наказания, установленного законами, хотя бы они их и не знали¹.

Закон 1. О том, что это за законы

Эти законы суть установления, составленные, чтобы люди научились жить правильно и упорядоченно, как угодно Богу, и согласно тому, как подобает вести добрую жизнь в этом мире, и хранить веру Господа Нашего Иисуса Христа в ее полноте так, как она есть. Также и для того, чтобы люди жили одни с другими в праве и справедливости, согласно тому, как дальше показывается в законах, посвященных каждому из этих оснований. Те законы, которые определенно относятся к вере, согласно уложению Святой Церкви, Мы собрали в первой Партиде этой книги. Прочие же, говорящие о поддержании народов², помещены в шести Партидах, следующих за этой.

Закон 2. О естественном праве и о всеобщем

Ius naturale на латыни означает на романсе естественное право, которое от природы есть во присуще всем людям и также в прочих некоторым животным, имеющим *способность чувствовать*. Ведь согласно побуждению этого права мужчина соединяется с женщиной, и это мы называем браком, и по нему же люди и прочие животные воспитывают своих детей³. Также *ius gentium* на латыни означает то же, что и право, общее для всех народов, подобающее людям, а не прочим животным⁴. И оно было основано разумом и также силой, поскольку люди не смогли бы благоденствовать⁵ во взаимном согласии и мире, если бы не придерживались бы этого права. Ведь благодаря ему каждый человек узнаёт то, что принадлежит ему отдельно [от других]. И по этому праву разделены поля и округа городов и все люди обязаны хвалить Бога и повиноваться своим отцам и матерям и своей *стране*, которую на латыни называют *patria*. Также это право позволяет, чтобы каждый мог защищаться против тех, кто хочет совершить по отношению к нему бесчестье или насилие и, более того, чтобы все, что он совершит для защиты от насилия, которое хотят

¹ Пролог выстроен в соответствии с классической моделью схоластического *accessus ad auctores* – вступления к материалу, в котором подробно объяснялось, что будет в основной части, какой цели этот материал служит, для чего может быть полезен и т.д. См. об этом: (Quain 1945).

² В тексте – *mantenimiento de las gentes*.

³ Цитата из Ульпиана, D.1.1.1.3.

⁴ Ссылка на Ульпиана, D.1.1.1.4.

⁵ В тексте дословно – *bien vivir*; авторы закона имеют в виду политическую жизнь как искусство ведения благой жизни, по Аристотелю.

учинить над его личностью, считалось бы согласным праву. Из постановлений двух вышеназванных видов права и из других важных источников знания Мы собрали и объединили все законы этой Нашей книги согласно тому, как нашли их записанными в книгах древних мудрецов, помещая каждый закон на его место соответственно установленному Нами порядку.

Закон 3. О разделении законов

Хотя в том, что касается права, законы едины, разумом они подразделяются на два вида, один из которых приносит пользу душе, второй – телу. Законы, приносящие пользу душе, относятся к вере, приносящие же пользу телу – к правильной жизни. И о каждом из этих видов Мы скажем в дальнейшем, как их следует создавать. И этими двумя видами законов управляется весь мир, поскольку на них покоятся вознаграждение за благодеяния и наказание за злые дела. И благодеяния делятся на три вида. Первый из них относится к старшим, как например, к сеньорам или к родителям, каждый из которых имеет право совершать благодеяния *из принадлежащего ему*¹: отцы по отношению к детям или прочим кровным родственникам, сеньоры – к своим вассалам или к прочим, кто находится в их сеньории, за услуги, получаемые от них. Второй вид относится к равным друг другу, как например в помолвках или в браках, поскольку благодеяние подобного рода вдвойне оборачивается к пользе совершающего его: во-первых, потому, что ему приятно это совершать, во-вторых, потому, что это оборачивается его собственной пользой и честью. Третий вид – это благодеяние меньших, как например сыновей, воспитанников, вассалов или рабов, поскольку такое благодеяние указывает на выдающуюся доброту совершающего его и из него рождаются два весьма заметных блага, которые суть величие и власть. Но так как это деление благодеяний не сможет приносить человеку пользу, если не будет соблюдаться, возникает необходимость в умеренности, то есть требуется вершить добро тогда, там и столько, сколько подобает, а также уметь обуздывать зло и искоренять его и наказывать за него тогда и там, где в этом есть нужда, принимая во внимание качество деяний, кто их совершил, каким образом и в каком месте. И этими двумя видами законов украшается мир, когда по отношению к тем, кто творит добро, творится добро, а тем, кто это заслуживает, назначаются наказания и казни. И Мы, Король дон Альфонсо, видя, что в прочих книгах, называемых «книгами права», назначают лишь наказания за совершаемые злодеяния, но не награды за добрые дела, посчитали разумным приказать внести в эту книгу как наказания, так и награды.

¹ В тексте – *fazer bien de lo suyo*. Скотт читает это выражение как дательный падеж, то есть «творить добро по отношению к тем, кто от них зависит». Не могу согласиться с подобным вариантом трактовки, поскольку считаю, что в данном законе *lo suyo* имеет то же значение, что и в предыдущем, и, таким образом, предлог *de* указывает на источник творения благодеяния, подчеркивая, что только у «старших» есть своя собственность. В подтверждение предлагаемой точки зрения см. употребление *lo suyo* в прологе к 4-й Партиде.

Закон 4. Почему законы так называются

«Закон» (*ley*) означает то же, что и «чтение» (*leyenda*), содержащее записанные поучения и наставления, связывающие и принуждающие человека не совершать зла, показывающие и наставляющие добро, которое человек должен творить и использовать. И также он называется «законом» (*ley*) потому, что все его постановления должны быть верными (*leales*) и правыми и совершенными согласно Богу и справедливости.

Закон 5. Каковы добродетели законов

Добродетелей законов суть семь: первая – это верить, вторая – упорядочивать вещи, третья – повелевать, четвертая – объединять, пятая – вознаграждать, шестая – запрещать и седьмая – карать. И потому подобает, чтобы тот, кто пожелает прочесть законы этой нашей книги, крепко бы над ними задумался и изучал бы их, пока не понял. Ведь тот, кто полностью поймет их, найдет в них все, о чем Мы сказали, и извлечет из этого двоякую пользу: во-первых, он станет более ученым, во-вторых, он многое из них возьмет. И, согласно тому, что говорили мудрецы, тот, кто читает написанное, но не понимает его, как бы пренебрегает им; также и тот, кто видит нечто во сне, но не находит этого на самом деле, когда его разбудят.

Закон 6. Откуда были взяты эти законы

Эти законы были взяты из двух источников. Один из них – это слова святых, говоривших *духовно*¹ о том, что подобает для блага человека и спасения его души. Другой же источник – высказывания мудрецов, которые показывали вещи, как они есть, что нужно для упорядочивания мирских дел, чтобы они велись правильно и разумно. И в соединении эти два вида законов имеют столь великую силу, что приносят настоящее единство телу и душе человеческим. И потому тот, кто хорошо знает их и понимает, есть человек совершенный, знающий все, что необходимо для пользы и души, и тела.

Закон 7. О законах, относящихся к вопросам веры, и о тех, что относятся к управлению людьми

Законы, повествующие о вере, относятся к исповеданию² Господа Нашего Иисуса Христа, поскольку они соединяют людей с Богом через любовь. Ведь праведная вера по праву требует, чтобы Бога любили, и чттили, и боялись, любя его за благо, которое в Нем, а также за добро, творимое Им для нас. А чтить Его должны за Его великую знатность и

¹ В тексте – *spiritualmente*. Очевидно, в данном случае имеется в виду библейское противопоставление духовного (*spiritualis*) душевному (*animalis*). См.: 1 Кор. 2:14, Откр. 11:8.

² В данном случае как «вера» переводится кастильское *fe*, а как «исповедание» – *creencia*; подобный перевод, во-первых, служит разведению в рамках данного закона двух родственных друг другу, но не идентичных понятий, а во-вторых, подчеркивает, что законы как регулятивные нормы человеческого поведения относятся к объективированной сфере духовного, коей является религия.

Его великую доблесть, а бояться – за великую Его власть и великую Его справедливость. И тот, кто делает это, не может впасть в заблуждение и полностью потерять любовь Бога. А к управлению народами относятся законы, соединяющие любовью сердца людей, и они суть право и разум. И из них двоих выходит совершенная справедливость, понуждающая людей жить так, как подобает каждому из них. И у тех, кто ведет такую жизнь, нет оснований для взаимной утраты любви, но лишь для усиления ее. Потому законы, согласные праву, объединяют волю одного человека с другим посредством дружбы.

Закон 8. Какими должны быть законы сами по себе

Законы должны быть совершенными и полностью выверенными таким образом, чтобы они были разумными и трактовали о вещах, которые могут происходить согласно природе. Их слова должны быть правильными, и достаточными, и ясными, чтобы всякий человек мог их понять и запомнить. И также в них не должно быть искажений и мелочей, чтобы по причине того, что их плохо поняли, из права не могли бы вывести несправедное основание, желая выдать ложь за правду или правду за ложь. И они не должны противоречить один другому.

Закон 9. Как должны создаваться законы

Законы должны быть завершенными и совершенными, как Мы сказали в предыдущем законе. Также, прежде чем показывать законы народу, следует весьма тщательно отобрать право, которое будет в них помещено. И когда законы будут созданы таким образом, они будут безошибочны и будут служить Богу, славе и чести сеньоров, приказавших их составить, пользе и благу тех, кто будет должен судиться по ним. И также, когда их будут создавать, должны следить за тем, чтобы не было споров и ничего иного, мешающего и препятствующего их созданию. Законы следует создавать в совете с людьми знающими, и понимающими, верными и неалчными, поскольку таковые будут знать то, что необходимо для права и справедливости и для общего блага всех.

Закон 10. Какая польза происходит от законов

Огромна и чудесна та польза, что законы приносят людям, поскольку они указывают путь к познанию Бога, а люди, познавая Его, узнают, как им следует любить Его и бояться. И также указывается людям путь к познанию своих сеньоров и своих начальников и то, как они должны повиноваться им и хранить верность. Также показывают законы, как одни люди должны любить других, чтобы каждый желал своего права для другого, остерегаясь поступать так, как он не хотел бы, чтобы поступали по отношению к нему. Ведь, соблюдая эти вещи, люди живут по праву, свободно и мирно, и каждый пользуется своим, к собственному удовольствию, и люди обогащаются, народ увеличивается, сеньория разрастается, зло обуздывается, а добро растет. И, по всем этим причинам, законы указывают человеку путь, чтобы ему было хорошо и в этом мире, и в ином.

Закон 11. Каким должен быть творец законов

Творец законов должен любить Бога и иметь его перед глазами, когда создает их, чтобы законы были справедливыми и совершенными. И также должен он любить справедливость и общую пользу всех. И должен он быть образованным, чтобы уметь отделять право от беззакония¹ и не стыдиться изменять или улучшать свои законы, когда либо сам поймет, либо ему покажут, почему он должен это сделать. Ведь весьма справедливо, чтобы тот, кто должен направлять и исправлять других, мог бы сделать это с самим собой, когда впадет в заблуждение.

Закон 12. У кого есть власть творить законы

Творить законы для людей своей сеньории может император или король, а более ни у кого нет такой власти в этом мире, если только это не будет делаться по пожалованию короля или императора. То же, что будет сделано иным образом, не имеет ни имени, ни силы законов и не должно действовать никогда.

Закон 13. Как следует понимать законы

Законы следует понимать полностью и согласно праву, принимая всегда их истинное значение в наиболее полезной и выгодной части согласно словам, записанным в законах. И по этой причине законы должны записываться не аббревиатурами, но целыми словами. И потому говорили мудрецы, что «знать законы» означает не только выучить и знать наизусть их букву, но и понимать их истинный смысл.

Закон 14. Кто может разъяснять законы, если в них возникнет сомнение

В случае, если законы будут порождать сомнения из-за ошибки в письме либо из-за плохого разумения того, кто будет их читать, их следует полностью прояснить и добиться понимания их истинного смысла. Это не может быть сделано никем, кроме как тем, кто их составил, или кем-либо иным, занимающим его место, у кого будет власть творить новые законы и соблюдать уже созданные.

Закон 15. О том, что следует повиноваться законам и судиться по ним

Все принадлежащие к сеньории творца законов, для которой он их издал, обязаны повиноваться им, и соблюдать их, и судиться по ним, а не по каким-либо другим записям иных законов, изданных каким бы то ни было образом. А тот, кто создает законы, должен заставлять исполнять их. И то же самое Мы говорим о других людях, относящихся к иной сеньории, которые

¹ В тексте – *tuerto*; в данном случае это слово употребляется в наиболее общем своем контексте – то, что не является правом, неправда, кривда. Автор закона очевидно играет на этимологии, выстраивая пару *derecho* (**directum*) – *tuerto* (*tortus*), то есть «право» в значении чего-то прямого – и «беззаконие, кривда» в значении чего-то непрямого, искривленного.

заклучат сделку или договор или совершат проступок в стране, где судятся по ее законам, поскольку, хотя они и из другого места, это не может их избавить от повиновения данным законам, раз они совершили проступок там, где эти законы имеют власть. И, хотя они и из другой сеньории, они не могут не судиться по законам того сеньора, в чьей стране они совершили что-либо из этого. А если вдруг они окажутся бунтовщиками и не захотят поступать так по своей воле, судьи и юстициарии¹ должны силой принудить их поступать так, как повелевают законы этой Нашей книги. Также говорим, что хорошо, когда творец законов желает жить по ним, хотя он и не обязан делать это по принуждению.

Закон 16. О том, что все обязаны соблюдать законы

Король должен блюсти законы как свою честь и свое произведение, потому что он получает власть и разум для того, чтобы вершить справедливость. Ведь если он не будет соблюдать их, он пойдет против своего же творения, разрушая их, и от этого ему произойдет двоякий вред. С одной стороны, он погубит столь добрую вещь, сделанную им, с другой – обратится к общему вреду для народа, унизит себя самого, предстанет неразумным, а его законы и повеления будут презираемы. И народ также должен соблюдать законы как свою жизнь и свою пользу, поскольку по ним он живет в мире и получает удовольствие и выгоду от того, что имеет. И если народ не будет поступать так, то покажет себя как не повинующегося повелениям ни Бога, ни своего мирского сеньора и пойдет против них, и тем самым вступит на дорогу погибели по трем причинам. Во-первых, по причине неповиновения, во-вторых, – дерзости, в-третьих, – злобы, показывая себя как дурных людей, которым более нравится зло, нежели добро. И по названным выше причинам и короли, и весь народ королевства в целом обязаны соблюдать законы. И никому не может быть позволено не соблюдать их по причине религии, или знатности рода, или власти, или чести, или даже по причине желанья показать себя подлым в своей жизни и в своих делах. И поскольку в законах есть то, что относится к восхвалению Бога и увеличению веры в Него, а также то, что касается королей и прочих знатных сеньоров и того, как они должны поступать, чтобы поддерживать в порядке свою сеньорию, и, наконец, что относится к всему народу королевства, к его общей пользе и к тому, что каждый извлекает из нее свою часть, то никому не может быть разрешено не соблюдать их и не повиноваться им. И те, кто так будет поступать, впадут в заблуждение против Божьего творения и против мирских сеньоров, и приведет это к ущербу для них самих и для страны, откуда они родом или где проживают. И по праву подпадут они под три наказания: Бога, сеньора по рождению и фуэро страны.

Закон 17. О том, как следует улучшать законы

В этом мире не может существовать ни одной вещи, не требующей какого-либо улучшения, и потому, если в законах найдется что-либо, что

¹ В тексте – *juezes e las justicias*.

нужно улучшить, это следует сделать. И если король поймет это, сперва должен он договориться со сведущими людьми, со знатоками права, чтобы они тщательно проверили то, что необходимо исправить, а затем должен сделать это вместе со столь многими добрыми людьми¹, скольких сможет найти, из многих краев, чтобы многие согласились бы в одном. Ведь хотя право – вещь добрая и знатная, все же чем более оно согласовано и выверено, тем оно лучше и крепче. И когда это будет подобным образом согласовано, король должен объявить по всему своему королевству те ошибки, что были прежде в законах и указать, что он считает правильным их исправить. И это – один из самых лучших способов, которыми можно улучшить право. Но если король не сможет найти стольких людей, ни столь сведущих, ни столь знающих, он должен сделать это с теми, кто, по его пониманию, наиболее любят Бога и общее благо королевства.

Закон 18. О том, что законы не должны отменяться без разумного основания, и о том, как это следует делать

Законы не следует отменять никоим образом, если только они не будут рушить то благо, которое должны были сотворять. И это будет, если в них найдется что-либо, противное закону Бога или праву сеньора, или против великой общей пользы королевства или против бесспорного блага. И поскольку творить что-либо очень тяжело, а рушить весьма легко, посему отмена законов, то есть полное лишение их какой бы то ни было силы, не должна делаться иначе, кроме как с совета всех добрых людей королевства, наиболее чтимых и наиболее знающих, после предварительного оглашения всех бед, коренящихся в законах, за что их следует устранить, а также всех благ, которые есть в них или могут быть. И если, рассмотрев все это, найдут, что основания этих законов более тяготеют ко злу, нежели к добру, могут полностью лишить их силы. Если же решат, что в этих законах сильна добрая часть, хотя бы она и не была равна дурной, то должны они устранить оттуда избыток дурного и соблюсти полезность добра, поскольку из нее и из стесненности зла рождается доброе и общее право. Итак, законы могут отменяться лишь всеми теми способами, о которых Мы сказали, а не другими.

Закон 19. Каким образом вновь издаваемые законы следует объединять с этими

Если случится так, что в этой книге не будет закона и потому возникнет нужда написать его заново, король должен собрать людей сведущих и знающих для того, чтобы отобрать право и затем договориться с ними, каким образом должен делаться этот закон. И, договорившись об этом, должен он приказать записать его в свою книгу, а затем во все остальные книги королевства, над которым он имеет власть и сеньорию. И законы, заново созданные и добавленные подобным образом, имеют такую же силу, как и прежние, или даже большую, поскольку более ранние законы люди уже

¹ В тексте *omes buenos*; под этим словосочетанием в Партидах понимается ординарный судья края (*juex ordinario de la tierra*), см. P.VII.34.31: «И еще говорили, что под словами “добрый человек” понимается ординарный судья края...».

использовали столько времени, что они как бы устарели и вызывают недовольство из-за ежедневного использования, а также потому, что от природы люди страстно желают видеть, и слышать, и знать новые вещи. И потому, те, кто создает законы, должны желать добра и права, чтобы ни те, кто знал их прежде, не отвергли бы их, ни те, кто придет после, не повредили бы их из-за непонимания. И потому, тот, кто творит законы, должен продумать и то, что было прежде, и то, что будет после; и а когда тщательно обдумает эти две вещи, то поймет, что находится между ними. И законы, созданные таким образом, должны быть помещены среди прочих и даже им предшествовать.

Закон 20. Почему люди не могут освободить себя от суждения закона, заявляя, что они их не знали

Никто не может освободиться от санкций¹, установленных законами, сказав, что они ему неизвестны, ведь, поскольку люди должны жить по законам, получая право и творя его, разумно, чтобы они знали их и читали или, с тем чтобы понять или чтобы узнать их, постигали ли бы их другим образом, не читая. Ведь у людей и так есть возможность освободить себя [от закона] из-за многого, происходящего с ними, например, из-за болезней и прочих многочисленных забот, встречающихся в этом мире. Но они не могут уклониться, не посылая вместо себя других, кто отстаивал бы их право. И если у них не будет кого послать, они должны дать знать своим друзьям, чтобы те были в том месте, где они обязаны судиться по законам, и чтобы они представляли бы их право и отстаивали бы его за них; и должны они дать друзьям власть это делать. И, поскольку они могут уклониться сами по себе или посредством документов либо своих посыльных, нельзя, чтобы они уклонялись, заявляя, что они не знали законов. И, если они приведут подобный довод, он не должен быть принят.

Закон 21. О том, кому может быть позволено не знать законов

Есть определенный круг лиц, которые могут быть освобождены от наказания, установленного законами, хотя бы они не понимали законы или не знали их в то время, когда совершали проступок, идя против законов. Например, тот, кто был безумен настолько, что не понимал, что он делает. И хотя бы и установили, что он совершил нечто такое, за что другой человек должен был быть взят под стражу или казнен, все же, принимая во внимание, что тот, о ком Мы сказали, совершил это, не будучи в своем уме, пусть не назначают ему столь большого наказания², как тому, кто находится в здравом уме. То же самое скажем и о мальчике, который будет младше четырнадцати лет, или о девочке младше двенадцати: хотя бы в их отношении и будет доказан проступок, совершенный из похоти, следует считать, что он не понимал, что делает³. Эти лица будут освобождены от наказания по закону, поскольку они не знают о нем. Но если вдруг им будет менее

¹ В тексте – *excusar se... de las penas*.

² P.VII.8.3 – глосса Гр. Лопеса.

³ P.VII.1.9 – глосса Гр. Лопеса.

десяти с половиной лет и они совершат какой-либо другой проступок такой, как, например, кража, или убийство, или подлог, или какое-либо иное злодеяние, пусть будут они освобождены от наказания, установленного законами, по причине малого возраста и слабого рассудка. Также говорим, что рыцарей, которые должны защищать королевство и отвоевывать его оружием у врагов веры, следует простить за незнание законов. И это будет, если они, придя в суд, потеряют часть своего имущества или потерпят в нем ущерб, или если заключат договоры или сделки во вред себе, или если потеряют что-либо из своего имущества по причине истечения срока¹. Но все это должно приниматься во внимание, когда они будут на войне, поскольку разумно и согласно праву, чтобы того, кто подвергает себя риску пленения или смерти, не обременяли бы иными тяготами, ущемляющими его, *если он не примется за изучение и освоение законов, поскольку оставит воинское дело*. Но если рыцарь совершит предательство, или подлог, или измену, или иной проступок, о котором человек сам по себе должен понимать, что он дурен, то не сможет он освободиться от наказания, предписанного законом. И то же самое скажем о селянах, возделывающих землю либо проживающих в местах, где нет населения, и о пастухах, забирающихся со стадами в горы и в пустынные места, и о женщинах, проживающих в местах, подобных этим.

Титул 2. Об обыкновении, об обычае и о фуэро

Ничто не может сделать так, чтобы законы не имели силы и власти, о которых Мы сказали, за исключением трех вещей, из которых первая – обыкновение, вторая – обычай, а третья – фуэро. Они рождаются одна из другой и содержат в себе естественное право согласно тому, как показывается в этой книге. И так же, как из букв рождается слово, из слов – значения, а из значения – смысл², так из времени рождается обыкновение, из обыкновения – обычай, из обычая – фуэро. И потому Мы в этом титуле хотим рассказать о том, что такое обыкновение, и каким образом оно должно быть установлено, и по каким причинам оно получает силу с течением времени и по каким теряет. Также Мы скажем о том, что такое обычай, и сколько есть его видов, и кто может его устанавливать и каким образом; и каким он должен быть сам по себе и какую силу должен иметь, чтобы быть действительным, и как он может быть отменен. И то же самое Мы скажем про фуэро и покажем, в чем оно препятствует закону и в чем помогает и как одно превращается в другое.

Закон 1. Что такое обыкновение

Обыкновение – это то, что рождается из человеческих высказываний и дел и длится на протяжении долгого времени, ничем не прерываясь.

¹ Имеется в виду срок приобретательной давности.

² ...*De las letras nasce verbo, de los verbos parte, de la parte razon...* – перевод кастильского *parte* как «значение» обоснован наличием в понятийном спектре латинского *pars* подобной коннотации; в данном случае мой перевод совпадает также с переводом Скотта (*parte = meaning*).

Закон 2. Как должно устанавливаться обыкновение

Обыкновение должно устанавливаться таким образом, чтобы служить ко всеобщей пользе и не приносить вреда. И оно не должно устанавливаться ни обманом, ни тайно, но так, чтобы оно было известно и радовало бы людей разумных и сведущих в праве.

Закон 3. По каким причинам обыкновение получает силу с течением времени и по каким теряет

Есть пять причин, по которым обыкновение получает силу с течением времени. Во-первых, если оно проистекает из того, что может принести добро, а не зло так, как Мы уже сказали. Во-вторых, когда оно устанавливается ясно и после серьезного обсуждения. В-третьих, когда те, кто поступает в соответствии с ним, делают это, находясь в здравом уме и к удовольствию тех, в чьей власти они находятся, либо тех, над которыми у них есть власть. В-четвертых, если обыкновение не противоречит установленным нормам права, при условии, что они не были до того отменены. В-пятых, когда обыкновение устанавливается по приказу сеньора, имеющего власть над теми, кто поступает в соответствии с ним, либо по их взаимному согласию, если они понимают, что это принесет им большую пользу, и затем их сеньор соглашается с этим и одобряет это. Что же касается времени, в течение которого обыкновение получает силу, то оно бывает двояким: во-первых, краткое время, в течение которого обыкновение не может быть отменено, во-вторых, долгое время, зависящее от доброты обыкновения. И по всем этим причинам обыкновение может получить силу с течением времени согласно природе обыкновения, а если оно не было установлено таким образом, оно может быть отменено.

Закон 4. Что такое обычай и какие есть его виды

Обычай – это право или фуэро, которое не записано, которым люди руководствовались на протяжении долгого времени, опираясь на него в различных делах и обстоятельствах, где его использовали. И существует три вида обычаев. Первый касается чего-то конкретного, как например определенного места или лица. Второй – общий, касающийся также лиц или мест. Третий касается иных конкретных поступков, совершаемых людьми, в которых они чувствуют себя хорошо и которых они придерживаются.

Закон 5. Кто может устанавливать обычай и каким образом

«Народ» означает то же¹, что соединение всех людей того королевства, где они проживают. Из этого не исключаются ни мужчины, ни женщины, ни клирики, ни миряне. И если этот народ или большая его часть будет на протяжении десяти или двадцати лет делать что-либо, как бы принимая это за обычай, и сеньор страны будет знать об этом и не будет возражать, но будет считать это правильным, то это могут делать; и этого следует придерживаться и хранить как обычай, если в то же время в соответствии с ним людь-

¹ См.: Р.П.10.1.

ми, знающими и умеющими вершить суд, будут публично вынесены два судебных решения и их никто не оспорит. То же самое будет, если в течение означенного времени кто-либо выдвинет свое требование или иск против этого обычая, утверждая, что он не должен иметь силы, а судья, перед кем будет разбираться этот спор, выслушав доводы обеих сторон, заявит, что обычай действителен, не принимая доводы тех, кто высказывался против. И также говорим, что обычай, который народ пожелает установить и которому решает следовать, должен быть согласен праву и не быть противным ни закону Божьему, ни сеньории, ни естественному праву, ни общей пользе всего того королевства, в котором он устанавливается. Он должен быть установлен после серьезного обсуждения – и не по ошибке или по прихоти, и не по чему другому, кроме как по праву и по разуму и по общей пользе, поскольку, если он будет установлен иным образом, это будет не добрым обычаем, но лишь ущербом для установивших его и для всей справедливости.

Закон 6. Какую силу имеет обычай

Обычай, будучи установлен разумно, как Мы сказали, имеет очень большую силу, поскольку, когда между людьми возникают споры, о которых коих не говорится в писаных законах, они могут быть разрешены на основании обычая, применяемого в ситуациях, в которых возникают такие споры, и к тому же он имеет силу закона. И также Мы постановляем, что обычай может толковать закон, когда в нем возникает сомнение, и закон должен быть понимаем и соблюдаем так, как люди обычно его понимают. И еще у обычая есть весьма большая власть устранять древние законы, созданные прежде их появления, в том случае, если король этой страны допустит использование обычаев против этих законов на протяжении вышеназванного или более длительного времени. И это следует понимать так, когда обычай будет использоваться в общем, по всему королевству. Если же этот обычай будет частным¹, то он отменит закон только лишь в той местности, где будет использоваться. И обычай, хотя бы он и был добрым, отменяется двумя способами: во-первых, иным обычаем, который по приказу сеньора и к удовольствию народа королевства будет использоваться противно установленному первоначально; если народ поймет, что в этом обычае больше пользы для них, чем в первом, в зависимости от срока и случаев, в которых они его использовали. Во-вторых, если впоследствии будут изданы писанные законы или фуэро, которые будут противоречить обычаю, поскольку в этих случаях следует соблюдать законы и фуэро, созданные позже, а не древний обычай.

Закон 7. Что такое фуэро и почему оно так называется

Фуэро – это вещь, в которой заключены две других, о которых Мы сказали ранее, – обыкновение и обычай: поскольку оба они должны войти в

¹ За русским переводом «в общем... ...частным» скрываются кастильские *generalmente... ...especial*, что указывает на использование авторами закона болонской схемы деления на роды и виды.

фуэро, чтобы обрести крепость. Обыкновение – для того, чтобы люди следовали ему и любили бы его; обычай – чтобы он был для людей как бы наследством, о котором думали бы и которое бы хранили. Ведь если фуэро будет, как ему подобает быть, добрым обыкновением и добрым обычаем, то оно получит столь большую силу, что как бы превратится в закон, поскольку оно поддерживает людей и те живут, одни с другими, в мире и справедливости. Но между фуэро и двумя остальными такое различие, что и обыкновение, и обычай устанавливаются по конкретным поводам, хотя бы и действовали во многих краях, или в немногих, или в некоторых определенных местах. Фуэро же должно охватывать все и относиться ко всему, что определенно касается права и справедливости. И потому оно во всем шире и обычая, и обыкновения, так как везде может быть и установлено, и постигнуто. А имя «фуэро» оно имеет потому, что не должно ни устанавливаться, ни показываться тайно, но по площадям и прочим местам, любому, кто пожелает его услышать. Древние же называли на латыни словом *forum* рынок, где люди собираются для того, чтобы покупать и продавать свои вещи; и от этого места получило свое имя фуэро. В Испании же фуэро должно быть открытым и ясным так же, как и рынок должен работать публично.

Закон 8. Как следует устанавливать фуэро

Фуэро должно быть установлено правильно, и во всем необходимо соблюдать разум, право, равенство и справедливость¹. И следует устанавливать его по совету людей добрых и знающих и по воле сеньора, и к удовольствию тех, для кого оно устанавливается. И под ними понимаются люди в добром уме, пекущиеся более об общей пользе всех и королевства, в котором они проживают, нежели о своей собственной. И они не должны быть ни хитрыми, ни гордецами, ни злоумышленниками, ни находиться друг с другом в состоянии вражды, пока будут делать фуэро. И, когда оно будет таким образом установлено, можно будет пожаловать его и повелеть, чтобы оно соблюдалось и чтобы его придерживались по всем местам; и таким образом оно станет как бы законом.

Закон 9. Как можно отменить фуэро

Добро и зло суть две противоположности, и всегда одна из них мешает другой и уничтожает ее, как только сможет; так, когда у зла есть большая власть и большая сила, оно побеждает добро и бьется за то, чтобы уничтожить его. Так же поступает и добро, когда может больше, чем зло, за исключением лишь того, что добро имеет больше преимуществ, потому что оно более знатно в своей власти. И поскольку в праве покоится все добро, как в беззаконии – всякое зло, и поскольку зло ненавидимо, то у добра всегда есть сила и право уничтожать зло. И хотя фуэро устанавливается, дабы из него следовало во всем благо, если вдруг оно изначально не будет выверено

¹ В тексте *...egualdad e Iusticia*, то есть отсылка к типичному для западной культуры делению справедливости на «справедливость / равенство» (лат. *aequitas*) и «справедливость / правосудность» (лат. *iustitia*), первая из которых обеспечивается природным равенством всех людей, вторая же – решением справедливого суда.

на предмет блага и правильности или будет выверено, но им не будут пользоваться как следует, не соблюдая полностью ни постановлений Бога, ни приказов сеньора по рождению, ни пользы королевства, оно должно быть отменено. И если обыкновение, обычай или фуэро, о которых Мы сказали, будут такими, может течь время, хотя будут знать и понимать, что его следует улучшить. И чем больше пройдет времени, тем хуже. И, кроме того, отсюда происходят две вещи: во-первых, тот, кто должен отменить его, выказывает себя слабым и неразумным и страдает от этого; во-вторых, терпят потери и ущерб те, кто им пользуется

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ауров О.В. 2012. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII – середине XIV века. Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т. 581 с.
- Дождев Д.В. 2008. Римское частное право : учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Норма. 784 с.
- Марей А.В. 2008. Язык права средневековой Испании: от Законов XII Таблиц до Семи Партид. Москва : URSS. 232 с.
- Марей А.В. 2011. P. VII.1.3 и его источники: к вопросу о технике работы составителей «Семи Партид» // Электронный научно-образовательный журнал «История». № 8. URL: <https://history.jes.su/s207987840000238-0-1/>. – Дата размещения: 30.12.2011.
- Марей А.В. 2013. Обыкновение и обычай как источники права в кастильской правовой доктрине XIII в. (P. I.2) // *Aequum ius* : От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. Москва : Статут. С. 66-84.
- Санчес-Арсилья Берналь Х. 2015. «Теория закона» в законодательной деятельности Альфонсо X Мудрого // *Исторический вестник*. Т. 13, ч. 2. С. 4-59.
- Arias Bonet J.A. (ed.) 1975. Primera Partida según el manuscrito Add. 20.787 del British Museum / ed. by J.A. Arias Bonet. Universidad de Valladolid. CIII, 460 p.
- Bove L. 1985. La consuetudine in Diritto Romano. Napoli : Giovene editore. 299 p.
- Carpenter D.E. 1986. Alfonso X and the Jews: An Edition of and Commentary on Siete Partidas 7.24. California : Univ. of California Press. 172 p.
- Collard F. 2010. Pouvoir d'un seul et bien commun (VIe–XVIe siècles) // *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques*. Liv. 2 (№ 32). P. 227-230.
- Craddock J. 1990. The Legislative Works of Alfonso el Sabio // *Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance*. Philadelphia. P. 182-197.
- Craddock J. 2008. Palabra de rey: selección de estudios sobre legislación alfonsina. Salamanca : Seminario de Estudios Medievales y Renacentistas. 188 p.
- Craddock J., Rodríguez-Velasco J. 2008. Alfonso X, Siete Partidas 2.21 De los caballeros. Univ. de California, Berkeley. URL: <https://escholarship.org/uc/item/1cg57404> (дата обращения: 05.11.2019).
- Gallo F. 1979. La consuetudine nel Diritto romano // *Atti del Colloquio romanistico-canonistico*. Roma. P. 98-112.
- Gallo F. 1993. Interpretazione e formazione consuetudinaria del diritto (lezioni di diritto romano). Torino : Giappichelli. 225 p.
- García Gallo A. 1961. San Isidoro, jurista // *Isidoriana. Estudios sobre San Isidoro de Sevilla en el XIV Centenario de su nacimiento*. Leon. P. 133-141.

Gaudemet J. 1938. Coutume et raison en droit romain // *Revue Historique du Droit Français et Étranger*. № 17. P. 141-171.

Gaudemet J. 1956. La coutume au Bas-Empire. Rôle pratique et notion théorique // *Labeo*. № 2. P. 147-159.

Gaudemet J. 1980. La formation du droit canonique médiéval. London : Routledge. 384 p.

Iglesia Ferreirós A. 1982. Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores // *Historia. Instituciones. Documentos*. № 9. Sevilla. P. 9-112.

Jordan de Asso y del Rio I., Manuel y Rodriguez M. de (edd.) 1975. Ordenamiento de leyes que D. Alfonso XI hizo en las Cortes de Alcalá de Henares el año 1348 / publ. por I. Jordan de Asso y del Rio, M. de Manuel y Rodriguez. Madrid. XXVIII, 140 p. (Facsimil de 1774).

Juarez Blanquer A., Torres Delgado C., Montoya Martínez J. (edd.) 1991. Partida Segunda de Alfonso X el Sabio. Manuscrito 12794 de la B.N. / edición y estudios A. Juarez Blanquer, C. Torres Delgado, J. Montoya Martínez. Granada. 454 p.

Krüger P. (ed.) 1905. *Corpus iuris civilis*. Vol. 2. *Codex repetitae praelectionis* / ed. P. Krüger. Berolini.

Las Siete Partidas del muy noble rey D. Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio Lopez del Consejo Real de Indias de S.M. 3 vols., 1843. Madrid : Compañía general de impresores y libreros del reino.

Lecuppre-Desjardin E., Van Bruaene A.-L. (eds.) 2010. *De Bono Communi. The Discourse and Practice of the Common Good in the European City (13th–16th c.)* / eds. E. Lecuppre-Desjardin, A.-L. Van Bruaene. Turnhout : Brepols. VI, 290 p.

Lombardi G. 1952. Sul titolo “*quae sit longa consuetudo*” 8.52 [53] nel *Codice giustiniano* // *SDHI*. № 18. P. 21-87.

Marey A.V. 2006. “Propiamente es dicha acusacion profaçamiento:” El primer titulo de la Partida Septima: el texto y las fuentes // *E-Legal History Review*. Junio. № 2. P. 1-45.

Miceli P. 2012. Derecho consuetudinario y memoria. Práctica jurídica y costumbre en Castilla y León (siglos XI–XIV). Madrid : Universidad Carlos III de Madrid. 298 p.

Mommsen Th., Krüger P. (eds.) 1911. *Corpus iuris civilis*. Vol. 1. *Institutiones. Digesta* / edd. Th. Mommsen, P. Krüger. Berolini.

Morin A., Cucchi S. 1997. El tratamiento de la costumbre en la Primera Partida de Alfonso El Sabio // *Anales de Historia Antigua y Medieval*. № 30. P. 107-121.

Orellana-Calderón R. 2006. La Tercera Partida de Alfonso X el Sabio. Estudio y edición crítica de los títulos XVIII al XX : tesis doctoral. Madrid : Univ. Autonoma de Madrid. 730 p.

Pacheco F. 1995. Ley, costumbre y uso en la experiencia jurídica peninsular bajo-medieval y moderna // *El Dret Comú i Catalunya. Actes del IV Simposi Internacional. Homenatge al Professor Josep M. Gay Escoda* / ed. A. Iglesia Ferreirós. Barcelona : Ariel. P. 75-146.

Panateri D. 2012. Uso, costumbre y fuero en relación al discurso medieval de la soberanía: Alfonso X el Sabio y la glosa de Gregorio López // *Temas medievales*. Vol. 20, № 1. P. 147-196.

Panateri D. 2017. El discurso del rey. El discurso jurídico alfonsí y sus implicancias políticas. Madrid : Dykinson. 284 p.

Pérez Martín A. 1992a. Fuentes romanas en las Partidas // *Glossae*. № 4. P. 215-246.

Pérez Martín A. 1992b. La obra legislativa alfonsina y puesto que en ella ocupan las “Siete Partidas” // *Glossae*. № 3. P. 9-63.

Pérez Martín A. 1999. El Derecho procesal del “*Ius commune*” en España. Murcia : Universidad de Murcia. 288 p.

Petit C. 1990. Consuetudo y mos en la Lex Visigothorum // Recueils de la Société Jean Bodin. № 52. P. 89-120.

Prosdocimi L. 2001. Observantia. Ricerche sulle radici “fattuali” del diritto consuetudinario nella dottrina di giuristi dei secoli XII–XV. Milano : Giuffrè. 248 p.

Quain E. 1945. The Medieval Accessus ad auctores // Traditio. № 3. P. 215-264.

Ramos Bossini F. 1984. Primera Partida de Alfonso X el Sabio (Ms. HC 397/573, de la Hispanic Society, New York). Granada. 400 p.

Sánchez-Arcilla Bernal J. 1999. La obra legislativa de Alfonso X el Sabio. Historia de una polemica // El scriptorium alfonsi: de los libros de astrologia a las “Cantigas de Santa Maria”. Madrid : Universidad Complutense. P. 17-81.

Sánchez-Arcilla Bernal J. (ed.) 2004. Las Siete Partidas (El Libro del Fuero de las Leyes) / ed. J. Sánchez-Arcilla Bernal. Madrid : Ed. Reus. 450 p.

Sánchez de la Vega G. 1990. Costumbre a partir de las Partidas // Recueils de la Société Jean Bodin. № 52. P. 151-169.

Schmiedel B. 1966. Consuetudo im klassischen und nachklassischen römischen Recht. Köln ; Graz : Böhlau. 131 S. (Forschungen zum römischen Recht).

Stühff G. 1966. Vulgarrecht im Kaiserrecht unter besonderer Berücksichtigung der Gesetzgebung Konstantins des Grossen. Weimar : Hermann Böhlau Nachf. 139 S. (Forschungen zum römischen Recht).

Thomas J.A.C. 1965. Desuetudo // RIDA. № 12. P. 469-483.

Ureña y Smenjaud R. de, Bonilla y San Martin A. 1924. Obras del Maestro Jacobo de las Leyes, jurisconsulto del siglo XIII. Madrid : Univ. Central. 405 p.

Alexander V. Marey, Center for Research of Russian Thought,
Baltic Federal University named after Immanuel Kant, Kaliningrad, Russia.
E-mail: fijodalgo@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6185-0453
ResearcherID: F-8569-2015
ScopusID: 55270372800
SPIN-код: 6616-4143

Article received 06.11.2019, accepted 12.12.2019, available online 13.01.2020

LAW, CUSTOM AND USAGE IN JURIDICAL CONCEPTION OF ALPHONSE X THE WISE

Abstract. The article observes concepts of “Law”, “Custom”, “Usage”, and “Fuero” in the “Siete Partidas” of Alphonse X the Wise, a king of the Castile-Leon Kingdom from 1252 to 1284. In the first part, the author gives an overview of the legislative situation in the Castile-Leon Kingdom just before the reign of Alphonse X. He stresses that the king would justify the tremendous territorial gains made by his father, Fernando III, and Alphonse himself. Thus, the composition of one of the largest law codes in Europe was a part of his costly and full project. The second part of the article contains some explanations about the concept of “custom” in the Alphonsine legislation. The author analyses procedures of apparition of the custom, its being, and cancellation. The author gives particular place in his theory to the Roman Law, or, more precisely, to the Ius commune. Finally, the third part of the article contains translation into Russian of two first chapters of Partidas.

Keywords: Alphonse X the Wise; Castile; Partidas; law; custom; usage.

For citation: Marey A.V. *Zakon, obychay i obyknovenie v predstavlenii Al'fonso X Mudrogo*. [Law, Custom and Usage in juridical conception of Alphonse X the Wise], *Antinomii=Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 107-137. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00011 (in Russ.).

References

Arias Bonet J.A. (eds.) *Primera Partida según el manuscrito Add. 20.787 del British Museum* [The First Partida according to the ms. Add.20.787 of the British Museum], University of Valladolid, 1975, CIII, 460 p. (in Spanish).

Aurov O.V. *Gorod i rytsarstvo feodal'noy Kastilii: Sepul'veda i Kuel'yar v XIII – seredine XIV veka* [The City and Knighthood of the Feudal Castile: Cuellar and Sepulveda in 13th – mid.14th cent.], Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2012, 581 p. (in Russ.).

Bove L. *La consuetudine in Diritto Romano* [A Custom in the Roman Law], Napoli, Giovene editore, 1985, 299 p. (in Italian).

Carpenter D.E. *Alfonso X and the Jews: An Edition of and Commentary on Siete Partidas 7.24*, California, Univ. of California Press, 1986, 172 p.

Collard F. *Pouvoir d'un seul et bien commun (VIe–XVIe siècles)* [Power of one and the Commonwealth, 6-16th cent.], *Revue Française d'Histoire des Idées Politiques*, 2010, b. 2 (no. 32), pp. 227-230. (in French).

Craddock J. *Palabra de rey: selección de estudios sobre legislación alfonsina* [A Word of the King: a Selected Studies on the legislation of Alphonse the Wise], Salamanca, Seminario de Estudios Medievales y Renacentistas, 2008, 188 p. (in Spanish).

Craddock J. The Legislative Works of Alfonso el Sabio, *Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance*, Philadelphia, 1990, pp. 182-197.

Craddock J., Rodríguez-Velasco J. *Alfonso X, Siete Partidas 2.21 De los caballeros* [Alphonse X. Siete Partidas 2.21. On Knights], Univ. de California, Berkeley, 2008, available at: <https://escholarship.org/uc/item/1cg57404> (accessed November 05, 2019). (in Spanish).

Dozhdev D.V. *Rimskoe chastnoe pravo : uchebnyy dlya vuzov* [Roman private Law: a manual], 3rd ed., corr. and augm., Moscow, Norma, 2008, 784 p. (in Russ.).

Gallo F. *Interpretazione e formazione consuetudinaria del diritto (lezioni di diritto romano)* [Interpretation and formation of the custom within the law. Lectures on the Roman Law], Torino, Giappichelli, 1993, 225 p. (in Italian).

Gallo F. *La consuetudine nel Diritto romano* [Custom in the Roman Law], *Atti del Colloquio romanistico-canonistico*, Roma, 1979, pp. 98-112. (in Italian).

García Gallo A. *San Isidoro, jurista* [Saint Isidor, a Jurist], *Isidoriana. Estudios sobre San Isidoro de Sevilla en el XIV Centenario de su nacimiento*, Leon, 1961, pp. 133-141. (in Spanish).

Gaudemet J. *Coutume et raison en droit romain* [Custom and reason in the Roman Law], *Revue Historique du Droit Français et Étranger*, 1938, no. 17, pp. 141-171. (in Spanish).

Gaudemet J. *La coutume au Bas-Empire. Rôle pratique et notion théorique* [The Custom in the Late Empire. Its practical role and theoretical notion], *Labeo*, 1956, no. 2, pp. 147-159. (in French).

Gaudemet J. *La formation du droit canonique médiéval* [The Formation of the Medieval Canon Law], London, Routledge, 1980, 384 p. (in French).

Iglesia Ferreirós A. *Alfonso X, su labor legislativa y los historiadores* [Alphonse X, his legislative labour and the historians], *Historia. Instituciones. Documentos*, 1982, no. 9, Sevilla, pp. 9-112. (in Spanish).

Jordan de Asso y del Rio I., Manuel y Rodriguez M. de (eds.) 1975. *Ordenamiento de leyes que D. Alfonso XI hizo en las Cortes de Alcalá de Henares el año 1348 (Facsimil de 1774)* [The Book of Laws given by Alphonse XI during the Cortes at Alcalá de Henares, year 1348 (Facsimile of 1774)], Madrid, 1975, XXVIII, 140 p. (in Spanish).

Juarez Blanquer A., Torres Delgado C., Montoya Martínez J. (eds.) *Partida Segunda de Alfonso X el Sabio. Manuscrito 12794 de la B.N.* [The Second Partida of Alphonse X the Wise. Ms.12794 of the National Library], Granada, 1991, 454 p. (in Spanish).

Krüger P. (ed.) *Corpus iuris civilis. Vol. 2. Codex repetitae praelectionis*, Berolini, 1905.

Las Siete Partidas del muy noble rey D. Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio Lopez del Consejo Real de Indias de S.M. 3 vols. [Siete Partidas of the most noble king Alphonse the Wise with the glosses of the lic. Gr. Lopez. 3 vols.], Madrid, Compañía general de impresores y libreros del reino, 1843. (in Spanish).

Lecuppre-Desjardin E., Van Bruaene A.-L. (eds.) *De Bono Communi. The Discourse and Practice of the Common Good in the European City (13th–16th c.)*, Turnhout, Brepols, 2010, VI+290 p.

Lombardi G. *Sul titolo «quae sit longa consuetudo» 8.52 [53] nel Codice giustiniano* [On the title “quae sit longa consuetudo” 8.52 [53] in the Justinian Code], *SDHI*, 1952, no. 18, pp. 21-87. (in Spanish).

Marey A.V. “Propiamente es dicha acusacion profaçamiento:” *El primer titulo de la Partida Septima: el texto y las fuentes* [“Propiamente es dicha acusacion profaçamiento”: the first title of the Seventh Partida: the text and its sources], *E-Legal History Review*, 2006, Junio, no. 2, pp. 1-45. (in Spanish).

Marey A.V. *Obyknovenie i oby chay kak istochniki prava v kastil'skoy pravovoy doktrine XIII v. (P. I.2)* [A Juridical Custom as a Source of Law in the Castilian theory of Law of 13th cent. (P.I.2)], A.M. Shirvindt (resp. ed.) *Aequum ius : Ot druzey i kolleg k 50-letiyu professora D.V. Dozhdeva*, Moscow, Statut, 2013, pp. 66-84. (in Russ.).

Marey A.V. *P. VII.1.3 i ego istochniki: k voprosu o tekhnike raboty sostaviteley «Semi Partid»* [P.VII.1.3 and its sources: on the legislative technique of the Partidas’s compilers], *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”*, 2011, no. 8, available at: <https://history.jes.su/s207987840000238-0-1/> (accessed December 30, 2011). (in Russ.).

Marey A.V. *Yazyk prava srednevekovoy Ispanii: ot Zakonov XII Tablits do Semi Partid* [Language of Medieval Spanish Law: from the XII Tables Laws to the Siete Partidas], Moscow, URSS, 2008, 232 p. (in Russ.).

Miceli P. *Derecho consuetudinario y memoria. Práctica jurídica y costumbre en Castilla y León (siglos XI–XIV)* [A Customary Law and Memory. The juridical practices and a custom in Castile-Leon, 11-14th cent.], Madrid, Universidad Carlos III de Madrid, 2012, 298 p. (in Spanish).

Mommsen Th., Krüger P. (eds.) *Corpus iuris civilis. Vol. 1. Institutiones. Digesta*, Berolini, 1911.

Morin A., Cucchi S. *El tratamiento de la costumbre en la Primera Partida de Alfonso El Sabio* [The interpretation of the custom in the First Partida of Alphonse the Wise], *Anales de Historia Antigua y Medieval*, 1997, no. 30, pp. 107-121. (in Spanish).

Orellana-Calderón R. *La Tercera Partida de Alfonso X el Sabio. Estudio y edición crítica de los títulos XVIII al XX : Tesis doctoral* [The Third Partida of Alphonse X the Wise. A Study and a Critical Edition of the titles 18-20: dissertation], Madrid, Univ. Autónoma de Madrid, 2006, 730 p. (in Spanish).

Pacheco F. *Ley, costumbre y uso en la experiencia jurídica peninsular bajo-medieval y moderna* [Law, Custom and Use in the late medieval and Modern juridical experience of Iberian Peninsula], A. Iglesia Ferreirós (ed.) *El Dret Comú i Catalunya. Actes del IV Simposi Internacional. Homenatge al Professor Josep M. Gay Escoda*, Barcelona, Ariel, 1995, pp. 75-146. (in Spanish).

Panateri D. *El discurso del rey. El discurso jurídico alfonsí y sus implicancias políticas* [The Speech of the King. The juridical Discourse of Alphonse the Wise and its political implications], Madrid, Dykinson, 2017, 284 p.

Panateri D. *Uso, costumbre y fuero en relación al discurso medieval de la soberanía: Alfonso X el Sabio y la glosa de Gregorio López* [Use, Custom and Fuero with regard to the Medieval Discourse of Sovereignty], *Temas medievales*, 2012, vol. 20, no. 1, pp. 147-196. (in Spanish).

Pérez Martín A. *El Derecho procesal del "Ius commune" en España* [The Processual Law of "Ius commune" in Spain], Murcia, Universidad de Murcia, 1999, 288 p. (in Spanish).

Pérez Martín A. *Fuentes romanas en las Partidas* [Roman sources in the Partidas], *Glossae*, 1992, no. 4, pp. 215-246. (in Spanish).

Pérez Martín A. *La obra legislativa alfonsina y puesto que en ella ocupan las "Siete Partidas"* [The Legislative Work of Alphonse X the Wise and the Place of the "Siete Partidas" within the frame of], *Glossae*, 1992, no. 3, pp. 9-63. (in Spanish).

Petit C. *Consuetudo y mos en la Lex Visigothorum* [Custom and Manners in the Lex Visigothorum], *Recueils de la Société Jean Bodin*, 1990, no. 52, pp. 89-120. (in Spanish).

Prosdocimi L. *Observantia. Ricerche sulle radici «fattuali» del diritto consuetudinario nella dottrina di giuristi dei secoli XII-XV* [Observantia. Studies on the "factual" sources of the Customary Law in the juridical Doctrine of 12-14th cent.], Milano, Giuffrè, 2001, 248 p. (in Spanish).

Quain E. The Medieval Accessus ad auctores, *Traditio*, 1945, no. 3, pp. 215-264.

Ramos Bossini F. *Primera Partida de Alfonso X el Sabio (Ms. HC 397/573, de la Hispanic Society, New York)* [The First Partida of Alphonse X the Wise (ms.HC 397/573 of Hispanic Society, New York)], Granada, 1984, 400 p. (in Spanish).

Sánchez de la Vega G. *Costumbre a partir de las Partidas* [A Custom in the Siete Partidas], *Recueils de la Société Jean Bodin*, 1990, no. 52, pp. 151-169. (in Spanish).

Sánchez-Arcilla Bernal J. (ed.) *Las Siete Partidas (El Libro del Fuero de las Leyes)* [The Seven Partidas (A Book of Laws)], Madrid, Reus, 2004, 450 p. (in Spanish).

Sánchez-Arcilla Bernal J. «Teoriya zakona» v zakonodatel'noy deyatel'nosti Alfonso X Mudrogo [The "Theory of Law" in the legislative activity of Alphonse X the Wise], *Istoricheskiy vestnik*, 2015, vol. 13, pt. 2, pp. 4-59. (in Russ.).

Sanchez-Arcilla Bernal J. *La obra legislativa de Alfonso X el Sabio. Historia de una polemica* [The Legislative Work of Alphonse X the Wise. A History of the Polemics],

El scriptorium alfonsi: de los libros de astrologia a las “Cantigas de Santa Maria”, Madrid, Universidad Complutense, 1999, pp. 17-81. (in Spanish).

Schmiedel B. *Consuetudo im klassischen und nachklassischen römischen Recht* [A Custom in Classic and Postclassic Roman Law], Köln, Graz, Böhlau, 1966, 131 p. (in German).

Stühff G. *Vulgarrecht im Kaiserrecht unter besonderer Berücksichtigung der Gesetzgebung Konstantins des Grossen* [Vulgar Roman Law in Roman Empire with the special attention to the Legislation of Constantine the Great], Weimar, Hermann Böhlau Nachf, 1966, 139 p. (in German).

Thomas J.A.C. *Desuetudo* [Desuetude], *RIDA*, 1965, no. 12, pp. 469-483. (in Spanish).

Ureña y Smenjaud R. de, Bonilla y San Martin A. *Obras del Maestro Jacobo de las Leyes, juriconsulto del siglo XIII* [Works of Master Jacobo “de las Leyes”, a Lawyer of 13th cent.], Madrid, Univ. Central, 1924, 405 p. (in Spanish).

Руденко В.Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00012 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 138–155.

УДК 342.7

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00012

ПОПУЛИСТСКИЙ КОНЦЕПТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

Виктор Николаевич Руденко

доктор юридических наук, профессор,
академик РАН, главный научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: rudenkovn@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1802-2198

SPIN-код: 2836-8813

*Статья поступила 10.10.2019, принята к печати 16.11.2019,
доступна online 13.01.2020*

В статье раскрывается содержание современного кризиса согласительных политических систем и вызванного им роста популизма. Кризис согласительных политических систем, как полагает автор, во многом обусловлен следующими факторами: элитарным характером современной демократии; утратой традиционными политическими партиями функции представительства интересов; трансформацией социальной структуры общества, в частности появлением прекариата и других социальных групп с незащищенными правами. Эти процессы он связывает с доминированием в последние десятилетия такого типа рациональности, как неолиберализм, и утверждает, что неолиберальная политика способствовала разрушению основ либеральной демократии и становлению популистского сценария защиты прав граждан. В работе обозначены основные контуры этого сценария: смещение акцента с универсальной концепции защиты прав человека на партикуляристский концепт защиты прав «народа»; ограничение прав социальных групп, не охватываемых понятием «народ»; демократический экстремизм и авторитаризм. В связи с ростом популистской угрозы, по мнению автора, назрела необходимость выработки механизма согласования интересов всех социальных групп, а также общества и государства в меняющемся политико-правовом пространстве.

Ключевые слова: согласительные политические системы, либеральная демократия, неолиберализм, популизм, права человека, «народ», «права народа», антиэлитизм, этнический национализм, политический эгоцентризм, демократический экстремизм, авторитаризм.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

Сложившийся к концу прошлого века мировой порядок включает в качестве основных типов мобилизационные и согласительные политические системы (Эндрейн 2000). Мобилизационные системы характерны, главным образом, для обществ с авторитарным политическим режимом. Что касается демократических стран, то их политические системы основаны на механизмах согласования интересов всех ключевых акторов политического действия, прежде всего через политические партии. Системы второго типа вследствие развития плюрализма нуждаются в институтах, предназначенных для улаживания конфликтов. Чарльз Ф. Эндрейн характеризует согласительные системы следующим образом: участники политического процесса в лице разнообразных правительственных учреждений, независимых от государства групп влияния и коалиционных политических партий для достижения целей, отвечающих интересам всего общества, вступают в сделки, образуют объединения, выполняют роль посредников в конфликтах интересов. Они опираются на общность моральных ценностей, доверие и консенсус, возлагая на себя договорные обязательства. Улаживанию разногласий между различными группами общества способствуют независимые суды, представительные учреждения, общеобразовательные школы и др. Все эти институты содействуют осознанию необходимости сотрудничества для достижения общего блага (Эндрейн 2000: 70).

Согласительные политические системы базируются на ценностях либеральной демократии, таких как свобода и равенство, верховенство права, толерантность, уважение достоинства и признание приоритета человеческой личности. Поэтому им имманентна универсальная концепция прав человека, на которой основано международное и европейское право. На этом неоднократно акцентируется внимание, в частности, в Венской декларации и Программе действий от 25 июня 1993 г., принятой Всемирной конференцией по правам человека (Венская декларация...). Согласно данному документу универсальность прав и свобод человека «носит бесспорный характер» (п. 1). Участники конференции выразили единое мнение о том, что «процесс поощрения и защиты прав человека и основных свобод на национальном и международном уровнях должен носить универсальный характер и осуществляться без каких-либо условий» (п. 8). В связи с этим они обратили внимание «на важность обеспечения универсальности, объективности и неизбирательности при рассмотрении вопросов прав человека» (п. 32). Обозначенная в Венской декларации и Программе действий позиция непосредственно коррелирует с Всеобщей декларацией прав человека, провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (Всеобщая декларация...). В преамбуле этого акта международного права подчеркнута необходимость всеобщего понимания прав и свобод человека. В развитие вышеупомянутых документов на основе универсальной концепции прав человека разрабатываются и закрепляются нормы европейского права. Так, в преамбуле Европейской конвенции по правам человека (Европейская конвенция...) заявлено о необходимости всеобщего и эффективного признания и осуществления провозглашенных в ней прав. Это ключевое положение Европейской

конвенции по правам человека реализуется в национальных правовых системах европейских государств членом Совета Европы.

Следует отметить, что согласительные политические системы со свойственным им универсальным подходом к защите прав человека достаточно успешно функционировали в странах Западной Европы, в США, Канаде, Австралии, Японии и других демократических странах в течение всего послевоенного времени. Однако с конца прошлого столетия в США и Европе они переживают кризисное состояние, что во многом обусловлено укоренившимися представлениями о механизме функционирования либеральной демократии, а также распространением идей неолиберализма. Этот кризис с неизбежностью отразился на системе защиты прав человека.

Кризис согласительных политических систем: предпосылки и последствия. Кризис согласительных политических систем в значительной мере спровоцирован доминирующими подходами к организации механизма представительства интересов, основанными на теории элитарной демократии. Как известно, эта теория получила развитие в трудах Й.А. Шумпетера, Ф.А. Хайека, К. Поппера и других мыслителей XX столетия (Шумпетер 1995; Хайек 1992; Поппер 1992). В контексте теории элитарной демократии представительство интересов не предполагает активного участия граждан в принятии публично-властных решений. Согласно этим установкам демократия есть форма правления, обеспечивающая состязание политических элит за голоса избирателей. Итог борьбы олицетворяет мандат, уполномочивающий выборные органы власти на принятие подавляющего большинства важнейших публично-властных решений. Таким образом, граждане задействованы в механизме согласования интересов посредством голосований, главным образом, по кадровым вопросам – они голосуют «за» или «против» кандидатов на замещение публичных должностей. Как правило, возможности их выбора ограничены двумя-тремя элитарными группами. Причем граждане не участвуют непосредственно в управлении делами государства. Редким исключением являются референдумы и другие виды голосований. Проводниками интересов граждан при таком порядке согласования интересов традиционно выступали политические партии. Следует отметить, что в соответствии с либерально-демократическими и неолиберальными установками предполагалось, что приверженность демократическим ценностям и идеалам, подобно рыночным отношениям, автоматически обеспечивает дальнейшее эффективное функционирование демократической политической системы.

Между тем с конца прошлого века политические партии утратили свои традиционные функции представительства интересов определенных слоев общества. Одной из причин тому ирландский политолог Питер Майр полагает отстранение граждан от конвенциональных форм политического участия (Майр 2019: 66). Как свидетельствуют проведенные исследования, в отличие, например, от 70-х гг. прошлого столетия, в настоящее время граждане постепенно утрачивают интерес к традиционным политическим партиям, поскольку в повседневной политической жизни им отводится роль зрителей. Вследствие этого прежняя представительная демократия, осно-

ванная на взаимодействии партий со своими сторонниками, обрела форму так называемой *аудиторной демократии* с отдельно существующими миром партий и политических лидеров и миром граждан (Майр 2019: 69). В подобной ситуации граждане-зрители оказываются востребованными только накануне голосований. При аудиторной демократии партии фактически представляют собой избирательные проекты, призванные обеспечить мобилизацию голосов децентрализованной массы избирателей, не связанных с ними. Подтверждением тому является волатильность избирателей. Как указывает Питер Майр, по всей Западной Европе граждане, если они не воздерживаются от участия в выборах, голосуют, изменяя свои устойчивые партийные предпочтения, что позволяет зафиксировать здесь процесс политического отстранения (Майр 2019: 58).

Более того, традиционные политические партии пошли по пути сращивания с государственной бюрократией, стремясь к тому, чтобы управлять, а не представлять интересы избирателей. «В последние десятилетия XX века наблюдается постепенный переход партий от гражданского общества к правительству и государству, в результате чего партии дистанцировались от избирателей...», – отмечает Питер Майр (Майр 2019: 117). Так, партии перестали быть активными акторами согласительных политических систем, посредниками между властными институтами и гражданским обществом. Это положение усугубляется тем, что даже избираемые гражданами выборные лица, а также назначаемые после выборов должностные лица в настоящее время не подотчетны избирателям. Зачастую они преследуют корпоративные и личные, а не публичные интересы, что опять-таки вызывает недоверие граждан к политическим партиям.

Поэтому либерально-демократические системы вполне обоснованно подвергаются критике за их элитарный характер. Как показал американский историк и социальный критик Кристофер Лэш, централизованная государственная бюрократия, в частности в США, уже с середины 1990-х гг. начала стремительно обособляться от простых граждан, отказываясь признавать обоюдные обязанности между немногими избранными и массой. Она отделилась от общей жизни: переориентировавшись на частный сектор, прекратила пользоваться услугами государства. Сфера публичных услуг была исключена из центра ее внимания (Лэш 2002: 39-40). Руководствуясь тем, что демократия означает только либеральные установления, элита стала обходиться без любых значимых форм гражданского участия в политике. В итоге общество столкнулось с двойственностью норм и правил: одни – для элиты, другие – для граждан (Лэш 2002: 69-71). Данным заключениям созвучны наблюдения и выводы ряда европейских ученых.

Так, британским социологом Колином Краучем проанализирован происходящий в странах развитой демократии процесс образования замкнутого элитарного политического класса посредством сращивания политических кругов с бизнес-корпорациями и вследствие игнорирования ими концепции публичных услуг. По мере его углубления и развития простые граждане оказались отстранены от политики и потеряли все возможности для выражения своего протестного мнения в политическом действии.

Таким образом, политика была отнесена к прерогативе узких элит, тогда как граждане, пытающиеся вникать в процесс принятия публично-властных решений, стали восприниматься элитами как антидемократическая толпа (Крауч 2010: 130-131, 145).

Другой британский исследователь, оксфордский политолог Ларри Зидентоп, изучая демократию в Европе, приходит к выводу о низведении граждан до уровня простых потребителей услуг политической элиты, принимающей решения на свое усмотрение. В итоге даже в европейских демократических странах сложилась парадоксальная ситуация: демократия как *правление народа* подменяется *правлением для народа* (Зидентоп 2004: 159).

Происходящие процессы спровоцировали кризис согласительных политических систем, поскольку исключение гражданского общества из публичной политики означало отрицание единых для игроков ценностей, препятствовало достижению общего результата, нивелировало идею необходимости сотрудничества и достижения консенсуса, поставило под сомнение принцип верховенства закона и его единообразного исполнения всеми. Под вопросом оказалась целесообразность функционирования самой системы либеральной демократии в целом (Иноземцев 2004: XXIX).

С конца 1970-х – начала 1980-х гг. ситуация усугубилась тем, что в демократических обществах постепенно обозначилось превалирование нового типа рациональности – неолиберализма. С его становлением и развитием связаны сопутствующие кризисные явления внутри согласительных политических систем. Свойственное неолиберализму уподобление принципов организации социальных и политических систем экономическим рыночным отношениям нашло отражение в фундаментальных подходах к роли государства в жизни общества. Под влиянием неолиберализма на протяжении почти четырех десятилетий наблюдаются постепенное ослабление контроля государства за производством и движением капитала, отказ государства от регулирования социально-экономических процессов и свертывание процессов развития государства всеобщего благосостояния, ослабление социальной поддержки малообеспеченных и незащищенных слоев общества (Браун 2015: 23). Реализация неолиберальной политики повлекла за собой пересмотр отношения к человеку как политическому субъекту. Он стал восприниматься исключительно как индивидуалистичный субъект экономических отношений – *homo economicus*, участник непрерывного состязания за наращивание человеческого капитала, вовлеченного в рыночный оборот и мыслящего исключительно в специфических рыночных категориях (Мартьянов 2017). Тем самым неолиберальная политика способствовала выхолащиванию содержания таких категорий, как «народ», «демос», «общее благо», «социальная солидарность», утверждающих политический суверенитет граждан, что безусловно разрушает основы либеральной демократии (Браун 2015: 35-36) и сопутствующих им согласительных политических систем.

Более того, неолиберализм стимулировал рост социального неравенства и оформление новой стратификации общества (Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019: 119-191). Прямым его следствием можно считать увеличение доли проигравших от глобализации в условиях рыночной конкуренции,

своего рода «неудачников», затрудняющихся полноценно реализовать на рынке свой человеческий капитал. Неслучайно на рубеже XX–XXI столетий все отчетливее формируется новый социальный слой – прекариат (от лат. *precarius* – временный, преходящий)¹. Значительная часть общества в глобализирующемся мире подпадает под это понятие. Исследователи обычно причисляют к прекариату частично занятых работников, а также временно трудоустроенных женщин, молодых мужчин. К нему же относятся молодые работники в целом, часть студентов и мигрантов, творческие работники, фрилансеры, работники разных профессий, выполняющие работы и оказывающие услуги по краткосрочным договорам, безработные и др. (Standing 2011: 59–115). Для всех этих групп населения характерна неопределенность перспектив трудоустройства, карьерного роста, нестабильность финансового положения. У них отсутствуют социальные гарантии со стороны государства. Они, как правило, исключены из переговорного процесса и лишены других инструментов согласования интересов. Как следствие, они испытывают неуверенность в своем будущем.

Появление прекариата означало не только оформление новой, диффузной, социальной структуры, но и рост контингента недовольных своим положением граждан, которые почувствовали себя основными пострадавшими от неолиберальной политики (Мартьянов 2016). Таким образом, кризис согласительных политических систем достиг своего апогея. Постепенно он затронул и интересы других, более защищенных, социальных групп. Это связано с расширением Европейского союза в 2004 и 2007 гг. и необходимостью поддержки слабых экономик новых членов, с финансовыми проблемами внутри Европейского союза (финансовый кризис в Греции, Италии, Испании), миграционным кризисом 2015 г., с ростом террористической опасности и другими проблемами. В европейских странах стало расти недовольство населения сближением корпоративного и финансового капитала и государства. На повестке дня обозначился вопрос о способности государства выполнять публично значимые функции, в частности защищать права человека и гражданина. В связи с этим государственные институты оказались перед дилеммой: что важнее – права человека или безопасность? (Баум 2015). Как свидетельствует практика, сама политическая элита, столкнувшись с указанной дилеммой, проявила склонность пожертвовать частью прав человека и пойти по пути конструирования государства-надсмотрщика. Так, рост миграционных потоков в страны Западной Европы и всплеск терроризма в этих странах с начала 2000-х гг. спровоцировали (например, в Германии) принятие законов о безопасности. Эти законы ограничили такие фундаментальные права человека, как право на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений, то есть права, относящиеся к наиболее важным естественным, личным правам человека. Более того, желание государства

¹ О прекариате как единственном или главном следствии неолиберализма см.: (Sanders 2017; Standing 2011: 59–89).

контролировать все потоки информации и предотвращать потенциальные угрозы породило весьма серьезную проблему: под удар попали не только демократические права и свободы, но даже и основы конституционного строя. Превентивное государство (*preventive state*), стремящееся предотвратить угрозы путем тотального контроля над частной жизнью, в перспективе может перерасти в государство-надзиратель (*supervisory state*) (Баум 2015: 1-20), что противоречит самим основам демократического устройства и современным представлениям о правах человека.

Всплеск популизма. Таким образом, ранее стабильные согласительные политические системы были ввергнуты в полосу глубокого кризиса, создавшего благодатную почву для современного европейского популизма. Как это ни парадоксально, но предпосылки популизма были спровоцированы самой либерально-демократической системой в ее неолиберальном варианте. Раскол между элитой и гражданским обществом явился препятствием для согласования интересов, достижения общих целей на основе единых ценностей. Фактическое отстранение граждан от политического процесса и сращивание политических партий с государством, слабость этих партий способствовали образованию пустоты, которую немедленно заполнил популизм. «Исследователи показали, что популизм усиливается там, где партийные системы слабы», – верно отмечает профессор Принстонского университета Ян Вернер Мюллер (Мюллер 2018: 108). Отвергнутый политическими элитами электорат стал объектом пристального внимания лево- и право-радикальных партий, не вписывающихся в традиционную партийную систему. Данный процесс совпал с существенной трансформацией социальной стратификации и утратой гражданами жизненных, в том числе социально-политических, ориентиров, что не было оценено должным образом традиционными партиями. Тем самым сформировалась социальная база популизма. Помимо прекариата наиболее восприимчивыми к популизму оказался бывший левый электорат в лице рабочих и фермеров. Вместе с прекариатом эти группы населения наиболее пострадали от неолиберальной политики и фактически были преданы левыми партиями (Белинский 2017: 8). Опору популизм нашел и в достаточно благополучном среднем классе, часть которого испытывает тревогу в связи с нерешенностью миграционной проблемы, терроризмом, угрозой потери работы. Популизм получил поддержку также со стороны радикалов, традиционно не входящих в биполярную партийную систему. Склонность к популизму проявляет, наконец, незначительная часть истеблишмента, негативно относящаяся к политике правящих кругов, глобализации и к мигрантам (Белинский 2017: 8-9).

Все это обусловило оживление и резкий всплеск популизма как альтернативы концепции либеральной демократии. На протяжении нескольких последних лет лево- и правопопулистские партии не только громко заявили о себе, но и достигли внушительных результатов на выборах. Широко известны успехи популистских партий в государствах членах Европейского союза в период с 2015 по 2018 г. (Мертес 2018: 64-65). Особенно это касается правопопулистских партий. Стремительное освоение популистами полити-

ческих институтов государств – членов ЕС и наднациональных институтов Европейского союза несколько ослабло по мере разрешения миграционного кризиса, о чем свидетельствует поражение леворадикальной партии СИРИЗА на парламентских выборах в Греции, прошедших 7 июля 2019 г. Однако выборы в Европейский парламент, состоявшиеся 23–26 мая 2019 г., показали, что популистские партии нарастили свое присутствие в этом органе, получив 29% мест (Rankin 2019; 2019 European... 2019; Bickertone 2019; Karnitschnig 2019).

Как видно из приведенного выше далеко не исчерпывающего списка источников по проблемам популизма в Европе, сегодня феномену популизма уделяется достаточно пристальное внимание исследователей. Большинство из авторов едино в том, что сам по себе популизм не является ни партийным движением, ни идеологией, ни программой действий. В связи с этим крайне затруднено его определение. Безусловно можно утверждать лишь то, что популизм выражает общую для современного либерально-консервативно-социалистического идеологического консенсуса установку на допустимость и необходимость вмешательства государства в политическую и экономическую жизнь ради достижения общего блага (Фишман 2017). Применительно к проблематике прав человека по этой причине сложно выявить достаточно рафинированную концепцию популистской правозащитной деятельности, которая может рассматриваться в качестве альтернативы либерально-демократической концепции защиты прав человека. Однако это возможно, хотя бы в общих чертах. В данной работе популизм рассматривается как интенция отдельных политиков, политических партий и движений – своего рода коммуникативное намерение выступать от имени народа, декларировать защиту его прав с целью завоевания политического лидерства. Эта интенция проявляется в партийных программных документах, выступлениях политических лидеров и в политических акциях. Несмотря на впечатляющий массив литературы по популизму, нельзя сказать, что в ней в достаточной степени проанализированы и теоретически осмыслены популистские представления о правозащитной деятельности. В связи с этим ниже сосредоточимся на общих основаниях популистского проекта защиты прав человека.

Популистский концепт защиты прав человека – «защита прав и интересов народа». Популистские партии и их лидеры исходят из посыла, по которой основным носителем прав и свобод является народ. Традиционно они выступают от народа, воспринимаемого как единое целое. Европейские страны в этом плане не исключение. Как показал в своем исследовании Ян Вернер Мюллер, в принципе «не бывает популизма без обращения от имени народа как целого» (Мюллер 2018: 39). При этом ни в программах популистских партий, ни в выступлениях их лидеров представления о народе практически никогда четко не конкретизируются. Но в популистской риторике достаточно явно прослеживается опасный для правозащитной деятельности тренд: представление о народе как основном носителе прав и свобод есть результат дихотомического разделения общества на две части. Народ – воображаемая конструкция,

продукт интуитивного дуалистического восприятия действительности, основу которого составляют бинарные оппозиции «большинство и морально деградировавшая элита», «простые граждане и коррумпированная бюрократия», «труженики и паразиты общества», «простые нуждающиеся люди и богатые», «нация, коренной народ и они», «мы и они» и т.п. Для выявления идентичности народа популисты часто используются такие маркеры, как «традиция», «обычай», «деревня», «регион», «нация», «этнос», «бедность», «христианство», «патриотизм» и др. Употребление данных маркеров способствует конкретизации содержания бинарных оппозиций. Исходя из этого вырабатывается особый правозащитный контент, особенностью которого являются представления о правах и свободах народа через отрицание прав и свобод лиц, не охватываемых понятием «народ». Таким образом оформляется особый правозащитный концепт, легитимирующий партикуляристский подход к правозащитной деятельности, который по своей сути является антитезой универсализму либерально-демократической концепции прав человека.

Обратим внимание на характеристики популизма, коррелирующие с ключевыми бинарными оппозициями, с помощью которых артикулируются популистские подходы к защите прав и свобод народа. К ним можно отнести *антиэлитизм*, *этнический национализм*, *политический эгоцентризм*.

Антиэлитизм. Для современного популизма свойственно обостренное противопоставление двух гомогенных групп — народа и элиты, что вписывается в контекст общей критики недостатков либеральной демократии. Антиэлитизм сегодня становится синонимом популизма (Latne 2017). В то время как народ манифестируется в лице простых людей, элита, в частности с точки зрения леворадикальных партий, воспринимается в качестве высшего класса, обладающего богатством, сформированным путем несправедливого перераспределения общественных благ. Но противопоставление народа и элиты связано не только с экономическими факторами. Большое значение придается факторам политическим. В понимании популистов элита есть коррумпированный и, по выражению Мари Ле Пен, «некомпетентный политический класс» (Белинский 2018: 17). Он не способен решать назревшие в обществе проблемы, в том числе вопросы развития экономики, сокращения безработицы, обеспечения безопасности граждан. Доминирование политической элиты нередко трактуется популистами как тайный заговор, поддерживаемый крупным капиталом и связанными с ним средствами массовой информации (Белинский 2018: 17-20). Подобного рода обвинения адресованы и национальной элите в отдельно взятой стране, и евробюрократии. В соответствии с данной посылкой критике подвергаются коррумпированность и закрытость власти, а также основы представительной демократии, которая уже длительное время, по мнению ряда популистов, является обманом и декорацией.

Руководствуясь идеей антиэлитизма, популизм ставит в центр внимания экономические и социальные права «народа», в частности право на достойное социальное обеспечение, нередко связанное с ограничением прав «богатых» в виде дополнительного и существенного налогообложе-

ния имущества и прогрессивного налогообложения состоятельных лиц. Он фокусируется также на праве на надлежащее управление, обеспечиваемом открытостью власти и борьбой с коррупцией. Отдельно поднимается тема «демократизации демократии», то есть развития гражданского участия в политической жизни общества посредством использования сетевых ресурсов, реализации права на участие в референдуме и права на участие в управлении делами общества на базе такого эгалитарного института, как жребий. В частности, растущей поддержкой пользуются идеи австралийского философа Джона Бернхейма, обосновавшего тезис об организации демократической политической системы не на основе выборов, а с помощью жеребьевки (Burnheim 1985). Подобного рода предложения в последнее время популярны в среде ученых и политиков, занятых поиском путей оздоровления демократии (Van Reybrouck 2016). В то же время в современных исследованиях они квалифицируются в качестве «демократического экстремизма» (Lucardie 2014: 117-134).

Этнический национализм. Для популистской идентификации народа показательны терминологические нюансы в современном политическом языке Германии. Как показывает немецкий аналитик Микаэль Мертес, важным компонентом популизма в Германии является этнический национализм, который противопоставляется республиканской идее о том, что государство должно состоять из всех граждан. По его меткому наблюдению, в процессе объединения Германии демонстранты в восточной ее части в конце прошлого века скандировали лозунг «Мы – народ!» (*Wir sind das Volk!*), придавая слову *Volk* значение *demos*, то есть совокупность всех граждан. В последнее же время то же самое *das Volk* постоянно используется в лексике популистов, но в ином значении, а именно как *ethnos* – «коренной народ»; это «мы», которому противостоят «они» (Мертес 2018: 69). Аналогичные процессы наблюдаются в Австрии, Италии и в других европейских странах. Например, Австрийская партия свободы на разных этапах своего развития идентифицировала австрийский народ в качестве особой нации – или же немецкого народа. Основанием поиска идентичности в данном случае выступают культурные различия, такие как христианство, европейские корни и др. – в отличие от исламского вероисповедания и чужого – неевропейского – менталитета (Бадаева 2018: 61). Национальная идентичность заложена в основу политики коалиции «Лиги» и «Движения 5 звезд» в Италии (Валле 2019).

В интересующем нас плане этнический национализм означает защиту прав народа как национального большинства, противопоставляемого чужим. Чаще всего из «народа» исключаются мигранты, цыгане и евреи (Осколков, Тэвдой-Бурмули 2018: 26). Популистские партии и движения в той или иной мере поддерживают требования об ограничении социальных, экономических и политических прав этих групп. Они отвергают идею мультикультурализма и культурного релятивизма (Яшлавский 2018; Антонов, Корнева 2017; Канинская 2018 и др.). Это часто граничит с откровенной ксенофобией. Если же популистские партии не выступают против чужих, защита прав «народа» видится в жестком отстаивании прав «истинных»

граждан – итальянцев, французов, фламандцев и т.п. – внутри национальных государств. При этом используется антиглобалистская и евроскептицистская риторика, сочетающаяся с отстаиванием проекта наделения национальных государств большими правами внутри Европейского союза либо с расширением прав регионов (Осколков 2017; Бирюков, Барсуков 2012). В период организации и проведения голосования по *Brexit* и некоторое время спустя получила популярность идея защиты прав граждан национальных государств через выход из состава Европейского союза (Бышок 2016).

Политический эгоцентризм. Помимо этнического национализма маркером, позволяющим отделить народ от не-народа или не подлинного народа, является политический эгоцентризм. Популисты категорически отвергают плюрализм: по их мнению, только они выступают истинными представителями народа. И соответственно их политические соперники – часть коррумпированной прослойки, а электорат, голосующий против популистских программ, не представляет собой «подлинного народа» (Мюллер 2018: 38–41)¹, то есть не институционализирован как народ. В то же время осознание недостаточной поддержки популистских партий со стороны электората заставляет популистов манипулировать понятием «молчаливого большинства»: они заявляют, что преимущественная часть граждан на стороне популистов, но эти граждане боятся выразить им поддержку и т.п. (Мюллер 2018: 46–47).

Популистский политический эгоцентризм в правозащитной деятельности проявляется в применении авторитарных методов защиты прав «народа». Как свидетельствует практика, популистские партии, находящиеся у власти, к примеру в Венгрии, охотно идут на ограничение деятельности СМИ, препятствуют работе неправительственных организаций, ущемляют права мигрантов².

Рассмотренный популистский концепт защиты прав и интересов народа предполагает реализацию, по сути, анти-либерально-демократической программы. В то время как в контексте либеральной демократии права человека суть правила, обеспечивающие защиту каждой отдельной личности от произвола власти, в популистской интерпретации категория «права человека» становится ненужной. «Сегодня мы становимся свидетелями того, как новое поколение популистов переворачивает эту парадигму с ног на голову. Претендуя на выражение „воли народа“, они начинают относиться к правам и свободам как к досадной помехе на пути реализации их видения воли большинства. Они воспринимают права человека как что-то ненужное, которое только мешает им защищать страну от угроз и напастей... Вместо того, чтобы принять концепцию прав человека для всех, они апеллируют к декларируемым интересам большинства...», – констатирует Кеннет

¹ «Подлинный народ» – выражение Найджела Фараджа, употребленное после подведения итогов референдума по *Brexit* (Мюллер 2018: 40).

² О тесной связи популизма и авторитаризма см.: (Pierzchalski, Rydliński 2017; Wobec chorých demokracji... 2017).

Roth (Roth 2016: 1). Тем самым популисты отвергают универсальность прав человека, а вместе с тем и либеральную концепцию общего блага, на достижение которого нацелены согласительные политические системы.

Возрастание значения популизма в современной Европе свидетельствует о глубоком кризисе согласительных политических систем, основанных на либеральных ценностях. Популистские сценарии защиты прав человека в условиях этого кризиса являются, по большей части, экстремистскими модернизационными проектами со смутными перспективами реализации. Издержки этих проектов в либерально-демократической парадигме обычно осмысляются как коррупционное перерождение или двойные стандарты (Руденко 2019: 24-51, 65-80). Но они зачастую обнажают реальные болевые проблемы современной либеральной демократии, такие как элитарность, недостаточная открытость власти, неспособность избавиться от коррупции и др. Поэтому распространение популизма должно стать стимулом для критической оценки состояния современной либеральной демократии, ее способности обеспечить защиту прав человека в Европе и в мире в целом в соответствии с актами международного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антонов А.Е., Корнева Л.Н. 2017. Право-популистские региональные движения в ФРГ // Вестник Кемеровского государственного университета. № 4. С. 5-10.
- Бадаева А.С. 2018. Австрийская партия свободы: между правым популизмом, австрийским патриотизмом и немецким национализмом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11, № 3. С. 53-68.
- Баум Г. 2015. Спасти права граждан. Свобода или безопасность: полемические заметки / перевод с немецкого М. Голубковской. Москва : Сектор. 156 с.
- Белинский А. 2017. Зреют «гроздь гнева»: всплеск правого популизма в Европе и кризис либеральной демократии // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. № 46 (62). С. 6-9.
- Белинский А.В. 2018. «Восстание против элит»: всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы. № 2. С. 14-36.
- Бирюков С.В., Барсуков А.М. 2012. Барт де Вевер: к новому фламандскому национализму // Вопросы национализма. № 2. С. 42-48.
- Браун В. 2015. Разрушая демократию: ре-конструирование государства и субъекта неолиберализмом / перевод В. Кораблевой // Топос. № 2-3. С. 11-40.
- Бышок С. 2016. Брекзит и евроскептики Европейцы против Е.С. Москва : Книж. мир. 288 с.
- Валле Р. 2019. «Демократия чуда». Итальянский популизм в исторической перспективе // Актуальные проблемы Европы. № 2. С. 121-140.
- Зидентоп Л. 2004. Демократия в Европе / перевод с английского под редакцией В.Л. Иноземцева. Москва : Логос. 360 с.
- Иноземцев В.Л. 2004. Демократия перед вызовом истории // Л. Зидентоп. Демократия в Европе. Москва : Логос. С. IX-XLVII.
- Канинская Г.Н. 2018. Метаболизмы правового популизма во Франции XXI века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11, № 3. С. 85-101.
- Крауч К. 2010. Постдемократия / перевод с английского Н.В. Эдельмана. Москва : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики. 192 с.

Лэш К. 2002. Восстание элит и предательство демократии / перевод с английского Дж. Смита, К. Голубович. Москва : Логос ; Прогресс. 224 с.

Майр П. 2019. Управляя пустотой. Размывание западной демократии / перевод с английского Д. Маткиной и др. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 216 с.

Мартьянов В.С. 2016. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам // Социологические исследования. № 10. С. 139-148.

Мартьянов В.С. 2017. Политические пределы homo economicus // Общественные науки и современность. № 2. С. 104-118.

Мертес М. 2018. Немецкий популизм в европейском контексте // Неприкосновенный запас. № 5. С. 62-75.

Мюллер Я.-В. 2018. Что такое популизм? / перевод с английского А. Архиповой. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 144 с.

Осколков П. 2017. Правый популизм в странах БЕНИЛЮКС в сравнительной перспективе // Современная Европа. № 5. С. 54-62.

Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. 2018. Европейский правый популизм и национализм : к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». № 3. С. 19-33.

Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги. В 2 т. / перевод с английского под редакцией В.Н. Садовского. Москва : Феникс : Междунар. фонд «Культур. инициатива».

Руденко В.Н. (отв. ред.) 2019. Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / ответственный редактор В.Н. Руденко. Екатеринбург. 768 с.

Фишман Л.Г. 2017. Популизм – это надолго. DOI 10.17976/jpps/2017.03.04 // Политис. Политические исследования. № 3. С. 55-70.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 416 с.

Хайек Ф.А. фон. 1992. Дорога к рабству: пер. с англ. / предисловие Н.Я. Петракова. Москва : Экономика. 176 с.

Шумпетер Й.А. 1995. Капитализм, Социализм и Демократия: пер. с англ. / предисловие и общая редакция В.С. Автономова. Москва : Экономика. 540 с.

Эндрейн Ч.Ф. 2000. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования / перевод с английского И. И. Мюрберг. Москва : Весь мир. 320 с.

Яшлавский А.Э. 2018. Антииммигрантские партии Европы: фальстарт или второе дыхание? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11, № 3. С. 230-244.

2019 European election results. URL: <https://election-results.eu/> (дата обращения: 15.07.2019).

Bickertone J. 2019. European Election Results: Populists Surge across Europe, Greens pick up votes. URL: <https://www.thelibertybeacon.com/european-election-results-populists-surge-across-europe-greens-pick-up-votes/> (дата размещения: 27.05.2019).

Burnheim J. 1985. Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics. London : Polity Press. 205 p.

Karnitschnig M. 2019. Populist tide rises but fails to flood EU // Politico. May 27. URL:<https://www.politico.eu/article/populist-tide-rises-but-no-flood-eu-elections-2019/> (дата обращения: 15.07.2019).

Latne St. 2017. "Populism" is more accurately "anti-elitism" // Financial Times, October 17. URL: <https://www.ft.com/content/4c14127c-b261-11e7-a398-73d59db9e399> (дата обращения: 15.07.2019).

Lucardie P. 2014. Democratic Extremism in Theory and Practice: All Power to the People. London ; New York : Routledge : Taylor & Francis Group. 194 p.

Pierzchalski F., Rydliński B. (red.) 2017. Autorytarny populizm w XXI wieku. Krytyczna rekonstrukcja / Redakcja naukowa Filip Pierzchalski, Bartosz Rydliński. Warszawa : Friedrich-Ebert-Stiftung, Przedstawicielstwo w Polsce. 213 s.

Rankin J. 2019. Why populists could struggle to capitalise on EU elections success? URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/may/28/why-populists-could-struggle-to-capitalise-on-eu-elections-success> (дата обращения: 28.05.2019).

Roth K. 2017. The Dangerous Rise of Populism. Global Attacks on Human Rights Values. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/dangerous-rise-of-populism> (дата обращения: 15.07.2019).

Sanders St.C. 2017. Neoliberalism and the Emerging Precariat. 9 p. URL: <https://philpapers.org/rec/SANNAT-3> (дата обращения: 15.07.2019).

Standing G. 2011. The Precariat. The New Dangerous Class. London : New York : Bloomsbury Academic. 198 p.

Van Reybrouck D. 2016. Against Elections: The Case for Democracy. New York : Seven Stories Press. XVII, 200 p.

Wobec chorych demokracji w Europie. Zrozumieć strategie nieoliberalnych rządów, by skuteczniej się im opierać Studium przypadków: Chorwacja, Węgry, Polska i Serbia. Raport / Licencja: Creative Commons, Fundacja Human Rights House, Oslo (Norwegia) i Genewa (Szwajcaria) oraz Human Rights House w Zagrzebiu (Chorwacja), listopad 2017. URL: <https://humanrightshouse.org/noop-media/documents/22910.pdf> (дата обращения: 15.07.2019).

Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 25 июня 1993 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 15.07.2019).

Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.07.2019).

Европейская конвенция по правам человека. Измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12, 13 и 16. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Viktor N. Rudenko, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: rudenkovn@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1802-2198
SPIN-код: 2836-8813

Article received 10.10.2019, accepted 10.11.2019, available online 13.01.2020

POPULIST CONCEPT FOR PROTECTING HUMAN RIGHTS IN THE CRISIS OF CONCILIATORY POLITICAL SYSTEMS

Abstract. The article reveals content of the modern crisis of the conciliatory political systems and the growth of populism caused by it. According to author's opinion, the crisis of the conciliatory political systems is determined by the following factors: the elitist character of the modern democracy; traditional political parties' loss of the interest's representation function; transformation of the social structure, in particular, the appearance of precariat and other social groups with unprotected rights. The author sees these processes in the context of the recent dominance of such type of rationality as neoliberalism. He shows how neoliberal politics contributed to the destruction of the foundations of liberal democracy, and the formation of a populist scenario of protecting the rights of citizens. He characterizes the main features of this scenario: anti-elitism, ethnic nationalism, and political egocentrism. The author argues that the disadvantage of such strategy is shifting the focus from the universal concept of protecting human rights to the particularistic concept of protecting the rights of "people"; restriction of the rights of social groups that do not correspond to the concept of "people"; democratic extremism and authoritarianism. In the author's opinion, and in connection with the growth of the populist threat, it is necessary to find ways to reconcile the interests of all social groups in modern society.

Keywords: rconciliatory political system; liberal democracy; neoliberalism; populism; human rights; "people"; "people's rights"; anti-elitism; ethnic nationalism; political egocentrism; democratic extremism; authoritarianism.

The article was prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant No. 18-011-00211 "Public consent in Russia: mechanisms of ideological and institutional regulation".

For citation: Rudenko V.N. *Populistskiy kontsept zashchity prav cheloveka v usloviyakh krizisa soglasitel'nykh politicheskikh sistem* [Populist concept for protecting human rights in the crisis of conciliatory political systems], *Antinomii=Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 138-155. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00012. (in Russ.).

References

2019 European election results, available at: <https://election-results.eu/> (accessed July 15, 2019).

Andrain Ch.F. *Sravnitel'nyy analiz politicheskikh sistem. Effektivnost' osushchestvleniya politicheskogo kursa i sotsial'nye preobrazovaniya* [Comparative Political Systems: Policy Performance and Social Change], Moscow, Ves' mir, 2000, 320 p. (in Russ.).

Antonov A.E., Korneva L.N. *Pravo-populistskie regional'nye dvizheniya v FRG* [Right-Wing Populist Regional Movements in Germany], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 4, pp. 5-10. (in Russ.).

Badaeva A.S. *Avstriyskaya partiya svobody: mezhdru pravym populizmom, avstriyskim patriotizmom i nemetskim natsionalizmom* [Freedom Party of Austria: Between Right-Wing Populism, Austrian Patriotism and German Nationalism], *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 53-68. (in Russ.).

Baum H. *Spasti prava grazhdan. Svoboda ili bezopasnost': polemicheskie zametki* [Save Human Rights. Freedom or Security: Polemical Notes], Moscow, Sektor, 2015, 156 p. (in Russ.).

Belinskiy A. *Zreyut «grozd'ya gneva»: vsplesk pravogo populizma v Evrope i krizis liberal'noy demokratii* [Ripen "Grapes of Wrath": the Surge of Right-Wing Populism in Europe and the Crisis of Liberal Democracy], *Evropeyskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*, 2017, no. 46 (62), pp. 6-9. (in Russ.).

Belinskiy A.V. «Vosstanie protiv elit»: vsplesk pravoradikal'nogo populizma v Zapadnoy Evrope [“The Revolt Against Elites”: Radical Right Populism Surge in Western Europe], *Aktual'nye problemy Evropy*, 2018, no. 2, pp. 14-36. (in Russ.).

Bickertone J. *European Election Results: Populists Surge Across Europe, Greens pick up votes*, 2019, available at: <https://www.thelibertybeacon.com/european-election-results-populists-surge-across-europe-greens-pick-up-votes/> (accessed May 27, 2019).

Biryukov S.V., Barsukov A.M. *Bart de Veveer: k novomu flamandskomu natsionalizmu* [Bart De Wever: to the New Flemish-Nationalism], *Voprosy natsionalizma*, 2012, no. 2, pp. 42-48. (in Russ.).

Brown W. *Razrushaya demokratiyu: re-konstruirovaniye gosudarstva i sub"ekta neoliberalizmom* [Undoing Democracy: Neoliberalism's Remaking of State and Subject], *Topos*, 2015, no. 2-3, pp. 11-40. (in Russ.).

Burnheim J. *Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics*, London, Polity Press, 1985, 205 p.

Byshok S. *Brekzit i evroskeptiki Evropeytsy protiv E.S.* [Brexit and Eurosceptics. Europeans Against the EU], Moscow, Knizhnyy mir, 2016, 288 p. (in Russ.).

Crouch C. *Postdemokratiya* [Post-Democracy], Moscow, Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshej shkoly jekonomiki, 2010, 192 p. (in Russ.).

Evropeyskaya konventsiya po pravam cheloveka. Izmenennaya i dopolnennaya Protokolami № 11 i № 14 v soprovozhdenii Dopolnitel'nogo protokola i Protokolov № 4, 6, 7, 12, 13 i 16 [European Convention on Human Rights], available at: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (accessed July 15, 2019). (in Russ.).

Fishman L.G. *Populizm – eto nadolgo* [Populism Will Be Long Lasting], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, no. 3, pp. 55-70. DOI 10.17976/jpps/2017.03.04. (in Russ.).

Fishman L.G., Mart'yanov V.S., Davydov D.A. *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rent Society: in the Shadow of Labor, Capital and Democracy], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2019, 416 p. (in Russ.).

Hayek F.A. von. *Doroga k rabstvu* [Road to Slavery], Moscow, Ekonomika, 1992, 176 p. (in Russ.).

Inozemtsev V.L. *Demokratiya pred vyzovom istorii* [Democracy Before the Challenge of History], *L. Zidentop. Demokratiya v Evrope*, Moscow, Logos, 2004, pp. ix-xxvii. (in Russ.).

Kaninskaya G.N. *Metabolizmy pravovogo populizma vo Frantsii XXI veka* [The Metabolisms of the Right Populism in France of the 21st Century], *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 85-101. (in Russ.).

Karnitschnig M. Populist Tide Rises but Fails to Flood EU, *Politico*, 2019, May 27, available at: <https://www.politico.eu/article/populist-tide-rises-but-no-flood-eu-elections-2019/> (accessed July 15, 2019).

Lasch Ch. *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii* [The Revolt of the Elites: and the Betrayal of Democracy], Moscow, Logos, Progress, 2002, 224 p. (in Russ.).

Latne St. “Populism” is More Accurately “Anti-Elitism”, *Financial Times*, 2017, October 17, available at: <https://www.ft.com/content/4c14127c-b261-11e7-a398-73d59db9e399> (accessed July 15, 2019).

Lucardie P. *Democratic Extremism in Theory and Practice: All Power to the People*, London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2014, 194 p.

Mair P. *Upravlyaya pustotoy. Razmyvanie zapadnoy demokratii* [Ruling the Void. The Hollowing of Western Democracy], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2019, 216 p. (in Russ.).

Martianov V.S. *Politicheskie predely homo economicus* [Political Limits of Homo Economicus], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2017, no. 2, pp. 104-118. (in Russ.).

Martianov V.S. *Sotsial'naya stratifikatsiya sovremennykh obshchestv: ot ekonomicheskikh klassov k rentnym gruppam* [Social Stratification of Contemporary Societies: From Economic Classes to Rent Groups], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, no. 10, pp. 139-148. (in Russ.).

Mertes M. *Nemetskiy populizm v evropeyskom kontekste* [German Populism in the European Context], *Neprikosnovennyi zapas*, 2018, no. 5, pp. 62-75. (in Russ.).

Müller J.-W. *Chto takoe populizm?* [What is Populism?], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2018, 144 p. (in Russ.).

Oskolkov P. *Pravyy populizm v stranakh BENILYuKS v sravnitel'noy perspektive* [Right-Wing Populism in the BENELUX Countries in a Comparative Perspective], *Sovremennaya Evropa*, 2017, no. 5, pp. 54-62. (in Russ.).

Oskolkov P.V., Tevdoy-Burmuli A.I. *Evropeyskiy pravyy populizm i natsionalizm : k voprosu o sootnoshenii funktsionala* [European Right-Wing Populism and Nationalism: Revisiting the Correlation of Features], *Vestnik Permskogo universiteta, Seriya «Politologiya»*, 2018, no. 3, pp. 19-33. (in Russ.).

Pierzchalski F., Rydliński B. (eds.) *Autorytarny populizm w XXI wieku. Krytyczna rekonstrukcja* [Authoritarian Populism in the Twenty-First Century. Critical Reconstruction], Warszawa, Friedrich-Ebert-Stiftung, Przedstawicielstwo w Polsce, 2017, 213 p. (in Polish).

Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t.* [The Open Society and Its Enemies, in 2 vols.], Moscow, Feniks, Mezhdunarodniy fond «Kul'turnaya initsiativa», 1992. (in Russ.).

Rankin J. *Why populists could struggle to capitalise on EU elections success?*, 2019, available at: <https://www.theguardian.com/politics/2019/may/28/why-populists-could-struggle-to-capitalise-on-eu-elections-success> (accessed May 28, 2019).

Roth K. *The Dangerous Rise of Populism. Global Attacks on Human Rights Values*, 2017, available at: <https://www.hrw.org/world-report/2017/country-chapters/dangerous-rise-of-populism> (accessed July 15, 2019).

Rudenko V.N. (resp. ed.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsitsii : sb. tr. po itogam Tret'ey Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [The 3-rd All-Russian Scientific Conference With International Participation "Current Issues of Scientific Support for the State Anti-Corruption Policy in the Russian Federation"], Yekaterinburg, 2019, 768 p. (in Russ.).

Sanders St.C. *Neoliberalism and the Emerging Precariat*, 2017, 9 p., available at: <https://philpapers.org/rec/SANNAT-3> (accessed July 15, 2019).

Schumpeter J.A. *Kapitalizm, Sotsializm i Demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy], Moscow, Ekonomika, 1995, 540 p. (in Russ.).

Siedentop L. *Demokratiya v Evrope* [Democracy in Europe], Moscow, Logos, 2004, 360 p. (in Russ.).

Standing G. *The Precariat. The New Dangerous Class*, London, New York, Bloomsbury Academic, 2011, 198 p.

Valle R. «Demokratiya chuda». *Ital'yanskiy populizm v istoricheskoy perspektive* [The "Democracy of the Miracle" Italian Populism Considered in a Historical Perspective], *Aktual'nye problemy Evropy*, 2019, no. 2, pp. 121-140. (in Russ.).

Van Reybrouck D. *Against Elections: The Case for Democracy*, New York, Seven Stories Press, 2016, xvii, 200 p.

Venskaya deklaratsiya i Programma deystviy. Prinyata na Vsemirnoy konferentsii po pravam cheloveka, Vena, 25 iyunya 1993 goda [Vienna Declaration and Programme of Action (1993)], available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (accessed July 15, 2019). (in Russ.).

Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka. Prinyata rezolyutsiei 217 A (III) General'noy Assamblei OON ot 10 dekabrya 1948 goda [Universal Declaration of Human Rights], available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed July 15, 2019). (in Russ.).

Wobec chorych demokracji w Europie. Zrozumieć strategie nieliberalnych rządów, by skuteczniej się im opierać Studium przypadków: Chorwacja, Węgry, Polska i Serbia : Raport. Licencja Creative Commons, Fundacja Human Rights House, Oslo (Norwegia) i Genewa (Szwajcaria) oraz Human Rights House w Zagrzebiu (Chorwacja), listopad 2017 [Resisting ill democracy in Europe. Understand the strategies of illiberal governments to counter them more effectively: Croatia, Hungary, Poland, and Serbia. Report. Creative Commons. License: Human Rights House Foundation in Oslo (Norway) and Geneva (Switzerland) and Human Rights House in Zagreb (Croatia), November 2017], available at: <https://humanrightshouse.org/noop-media/documents/22910.pdf> (accessed July 15, 2019). (in Polish).

Yashlavskii A.E. *Antiimmigrantskie partii Evropy: fal'start ili vtoroe dykhanie?* [Europe's Anti-immigrant Parties: False Start or Second Wind?], *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 230-244. (in Russ.).

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 19

Выпуск 4

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 15.01.2020 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 12,9 Уч.-изд. л. 11,3
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.